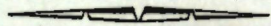

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ

ПРИБАЛТИЙСКО-
-ФИНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

23

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
1961

2-
R4

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ

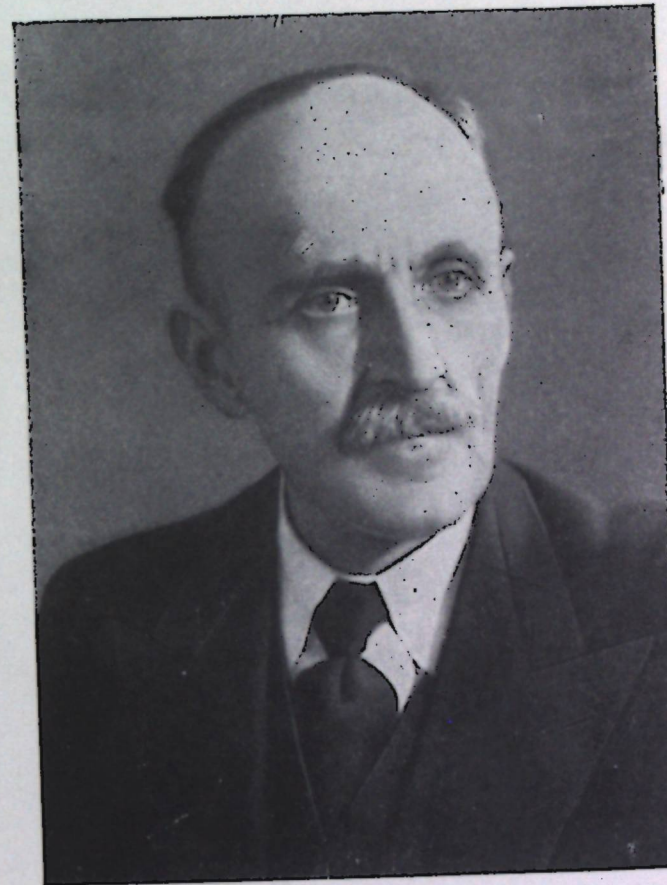
П Р И Б А Л Т И Й С К О -
- Ф И Н С К О Е
Я З Ы К О З Н А Н И Е

К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
Д. В. БУБРИХА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА   1961   ЛЕНИНГРАД

Ответственные редакторы:
М. М. ХЯМЯЛЯЙНЕН и А. А. БЕЛЯКОВ

98.6

177764
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
А. П. Киргизской ССР

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БУБРИХ

29 ноября 1959 г. исполнилось 10 лет со дня смерти, а 26 июля 1960 г. 70 лет со дня рождения замечательного советского ученого-языковеда и педагога Дмитрия Владимировича Бубриха.

Невозможно в краткой статье дать обзор и оценку деятельности такого крупного и многогранного ученого и педагога, каким являлся Д. В. Бубрих. В настоящей статье приводятся лишь краткие биографические сведения и намечаются основные вехи его плодотворной научной и педагогической деятельности.

Д. В. Бубрих родился в 1890 г. в Петербурге в семье преподавателя русского языка и словесности Владимира Федоровича Бубриха. В 1913 г. Дмитрий Владимирович окончил Славяно-русское отделение Историко-филологического факультета Петербургского университета. Тогда же он написал свою первую работу и был оставлен при университете для подготовки к научной и профессорской деятельности. Одновременно он преподает в гимназии. В 1920 г. Д. В. Бубрих защищает магистерскую диссертацию и становится преподавателем Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена (с 1921 г. по 1937 г. является профессором этого института). С 1922 г. он начинает свою деятельность в Ленинградском государственном университете и в 1925 г. становится профессором университета. С 1925 г., с момента учреждения, и по 1949 г. возглавляет кафедру финно-угорских языков при университете.

Во время Великой Отечественной войны Дмитрий Владимирович эвакуируется в г. Сыктывкар, где работает в местном педагогическом институте. После окончания войны он возвращается к своей работе в Ленинградском государственном университете и Институте языка и мышления (в дальнейшем Институт языкознания) АН СССР. Одновременно Д. В. Бубрих руководит финно-угорской кафедрой Карело-Финского университета (ныне Петрозаводский государственный университет), читает там курс лекций и с 1947 по 1949 г. возглавляет Институт языка, литературы и истории Карело-Финского филиала АН СССР.

В 1937 г. Д. В. Бубриху была присуждена степень доктора филологических наук. В 1946 г. его избирают членом-корреспондентом АН СССР и в том же году ему присваивается звание заслуженного деятеля науки Карело-Финской ССР. Дмитрий Владимирович был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

* * *

Лингвистические способности Д. В. Бубриха проявились рано. Будучи гимназистом, он изучил классические и западноевропейские языки и стал полиглотом в полном смысле этого слова.

Уже в студенческие годы Д. В. Бубрих сложился как весьма много-сторонний ученый, занимаясь индоевропейским (в особенности славянским) языкознанием.

В своей первой научной работе 1914 г. „Фонетические особенности говора с. Пустошей (Ягодинск. вол. Судогодск. уезда Владимирской губ.)“ Д. В. Бубрих блестяще разрешает сложнейшие вопросы фонетики данного говора. В последующих трудах он рассматривает вопросы истории фонетики славянских и других индоевропейских языков. К этим исследованиям относятся работы: „Словинский вопрос в освещении д-ра Ф. Лорейца“ (1915), „Из праславянской фонетики. I. Монофтонгизация дифтонгов на носовой и перегласовка в праславянском языке. II. Монофтонгизация дифтонгов на гласный в праславянском языке“ (1922), „О трудах А. А. Шахматова в области славянской акцентологии“ (1922), „Северо-Кашубская система ударения“ (с приложениями: „I. Праславянская акцентологическая система“, „II. Праиндоевропейская система интонации слога“) (1924), „Праславянское *gřkr* литовское *gairka*“ (1928) и др.

Уже ранние работы ученого отличаются большим мастерством и глубоким знанием материала; получив всеобщее признание, они сохраняют свою актуальность до настоящего времени.

Занимаясь славянскими (в том числе русским) и другими индоевропейскими языками, Д. В. Бубрих проявлял интерес и к финно-угорской лингвистике, возникший под влиянием его учителя, крупнейшего русского ученого-языковеда академика А. А. Шахматова. Д. В. Бубрих отмечал: „О себе пишущий эти строки может сказать, что является учеником А. А. Шахматова и как финно-угровед. Первым большим финно-угроведческим трудом, который изучил пишущий эти строки, был «Мордовский этнографический сборник»,¹ первым финно-угорским языком, к интенсивному изучению которого он обращался, был эрзя-мордовский язык“.²

Однако были и другие причины, которые заставили ученого серьезно заняться финно-угорскими языками.

Д. В. Бубрих был передовым человеком, жившим интересами прогрессивной части интеллигенции, за что в студенческие годы подвергался репрессиям царского правительства, в советское время активно участвовал в общественной жизни. Тематика его исследований диктовалась актуальными проблемами современности. „В начале двадцатых годов, — писал Д. В. Бубрих, — создались особые условия для усиления интересов докладчика в финно-угроведческом направлении. В то время во всем мире оживленно дискутировалась так называемая германская проблема. Большинство немецких ученых настаивало на индоевропейской или, как они предпочитали говорить, арийской, чистоте германцев вообще, и немцев в особенности. Часть немецких ученых и их немецкие ученики держались совершенно иной точки зрения. Указывалось, что германская речь, резко отходящая от средней индоевропейской «нормы», по всей видимости, является по существу не индоевропейского, а относительно поздно индоевропеизированного населения. Встал вопрос о индоевропейском субстрате германской речи“.³

¹ А. А. Шахматов. Мордовский этнографический сборник.

² Д. В. Бубрих. А. А. Шахматов как финно-угровед. Сб. статей и матер., Тр. ком. по истор. АН СССР, вып. 3, Изд. АН СССР, 1947, стр. 445—446.

³ Д. В. Бубрих. 30 лет советского финно-угорского языкознания. Кн. „Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти“. Изд. Карело-Финской научно-исслед. базы АН СССР, Петрозаводск, 1948, стр. 136—137.

Изучая этот вопрос, Д. В. Бубрих занялся исследованием языков бассейна Балтийского моря, в том числе прибалтийско-финских, а затем и вообще финно-угорских, но уже в финно-угроведческом плане.

Интерес к финно-угорскому языкознанию для Дмитрия Владимировича не был чисто академическим, он был вызван желанием оказать практическую помощь в создании письменности и литературных языков бесписьменным финно-угорским народностям и необходимостью воспитания кадров языковедов из среды финно-угорских народов. „Можно сказать, — писал Д. В. Бубрих, — что к началу XX в. финно-угорского языкознания в России не стало. Это было чрезвычайно печально. Совершенно по-новому повернулось дело после Великой Октябрьской социалистической революции. Национальная политика ВКП(б) и Советской власти предоставили всем народам Советского Союза все возможности создания своей письменности и своих литературных языков. Работа по созданию своей письменности и своих литературных языков началась и в среде многочисленных финно-угорских народов СССР. Практическая работа, естественно, требовала и теоретической работы. Возрождение финно-угорского языкознания у нас было исторически неизбежно. Оно и возродилось, но уже в преображенном виде, как новая советская лингвистическая дисциплина. Это — подлинное детище Великого Октября... Само собой понятно, что развитие советского финно-угорского языкознания должно было начаться с появления нужных для этого работников. Некоторые работники были уже на местах... Число работников из среды финно-угорских народов все увеличивалось. Отдельные финно-угорские языки стали разрабатываться все полнее. Однако не хватало общей связи в работе; не хватало все-таки работников по языкам некоторых небольших народов, которые не могли быстро выдвинуть работников из своей среды. В этой обстановке понадобилась помощь русских товарищей... Ученые русского происхождения приложили все усилия к тому, чтобы поднять смену из среды финно-угорских народностей“.¹ Таким ученым был и сам Д. В. Бубрих.

Опубликованные в 1927—1929 гг. работы красноречиво говорят о широте научных интересов Д. В. Бубриха.² В них ученый проявил себя как эрудированный и широко образованный представитель сравнительно-исторического метода. Если при изучении славянских и других индоевропейских языков он уделяет внимание прежде всего исторической фонетике, то в круг исследований по финно-угорским языкам входят вопросы фонетики, морфологии и общие проблемы финно-угроведения и, что весьма примечательно, вопросы собственно истории на основе лингвистических данных.

В дальнейшем Д. В. Бубрих изучает историческую фонетику, морфологию и синтаксис мордовских языков. Исследуя эти разделы языка как самостоятельные дисциплины, он вместе с тем рассматривает их во взаимосвязи: например, при разрешении вопросов исторической морфологии привлекает данные фонетики и синтаксиса.

При относительной разработанности фонетики мордовских языков Д. В. Бубрих внес много нового в освещение этого вопроса. В области морфологии он изучил и раскрыл историческое развитие мордовского

¹ Там же, стр. 135—137.

² См. работы Д. В. Бубриха за 1927—1929 гг. в списке его работ, помещенном в настоящем сборнике.

склонения, спряжения и словообразования. Большой интерес представляют его работы по истории синтаксиса мордовских языков.

Одновременно Д. В. Бубрих занимался и другими финно-угорскими языками. Особенно много внимания он уделял прибалтийско-финским, а также пермским языкам. Ряд его работ по прибалтийско-финским языкам появляется еще до 1930 г.

Первая советская лингвистическая экспедиция в Карелию была организована в 1930 г. Д. В. Бубрихом. С этого времени он особенно интенсивно изучает карельский, финский, вепсский и другие прибалтийско-финские языки, особое внимание уделяя карельской диалектологии. Изучая историю языка, Д. В. Бубрих разрабатывает также и отдельные вопросы фольклора, этнографии, археологии, топонимики и этнонимики.

В 1937 г. появляется грамматика карельского языка, составленная Д. В. Бубрихом. В связи с изучением карельских диалектов он ставит вопрос о необходимости создания диалектологического атласа карельского языка и в 1937 г. публикует большой вопросник по сборанию материала для атласа. В том же году началась большая работа по заполнению этого вопросника на местах. Еще в 1937 г. на основе заполненных на местах вопросников Д. В. Бубрихом было составлено более двухсот рабочих карт для атласа. Но вскоре работа была прервана сначала почти на два года, а позднее — на многие годы войной. После войны вопросник по диалектологическому атласу был дополнен и переиздан. На основе полученного материала было составлено еще свыше 800 рабочих карт для атласа.¹

В связи с составлением диалектологического атласа Д. В. Бубрихом были написаны интересные и значительные работы не только по истории карельского языка, но и по истории карельского народа.

Небольшая по объему работа „К вопросу об исторической последовательности фонетических сдвигов в ливвиковском наречии карельского языка“ (1947) может служить образцом исследования фонетических сдвигов в языке. В работе „Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах“ (1948) Д. В. Бубрих с большим мастерством раскрывает сложную картину употребления свистящих и шипящих согласных и историю развития этих согласных в наречиях карельского языка. На основе изучения истории развития свистящих и шипящих в отдельных диалектах Д. В. Бубрих делает выводы большой значимости о происхождении карельского народа. Обобщая собственно историческую часть своей работы, автор писал: „Если бы мы имели возможность сейчас выйти за рамки явлений, касающихся свистящих и шипящих, — каковые явления, впрочем, и сами достаточно хорошо говорят за себя, — мы могли бы убедиться в том, что свидетельства этих явлений не одиноки.“

„Очевидно, процесс формирования наречий карельского языка нельзя представить себе как процесс разделения некогда единого языка на наречия.“

„Сформирование наречий карельского языка приходится представлять как процесс связывания разных родственных языков в один язык, в каком процессе былое различие

¹ Работа по составлению диалектологического атласа карельского языка была прервана смертью автора.

языков приобрело характер различных наречий...¹ в расчет могут идти лишь два древних этнических элемента: древняя весь,² обычно столь несправедливо обходимая, и древняя корела...

„Ливвики и людики — это (в основе) весь. Они распространились по южной Карелии из местообитаний веси южнее Свири. Часть веси, не войдя в состав карельского народа, составила маленький вепсский народ.“

„Собственно корелы — это (в основе) корела. Они распространились по средней и северной Карелии, в конечном счете из местообитаний корелы на Карельском перешейке, точнее — на западном и северном побережьях Ладожского озера.“

„Разумеется, ни весь, ни корела не появились в Карелии каждая сразу. Они проникали сюда потоками, волнами“.³

К выводу о происхождении карельского народа из двух близкородственных этнических элементов Д. В. Бубрих, разумеется, пришел не только на основании исследования свистящих и шипящих согласных в карельском языке, но и на основании всей суммы данных лингвистики, археологии, этнографии, антропологии и фольклора.

О происхождении карельского народа Д. В. Бубрих написал ряд работ, в частности: „О двух этнических элементах в составе карельского народа“ (1948), „Происхождение карельского народа“ (1947) и др.

Положения Д. В. Бубриха о происхождении карельского народа получили признание и среди советских антропологов и этнографов. Н. М. Чебоксаров пишет: „Выводы Д. В. Бубриха, сделанные на основании лингвистических данных, хорошо согласуются с материалами других исторических дисциплин, в частности этнической антропологии... Очень вероятно, что в процессе формирования антропологического состава карел отразилось их происхождение из двух племенных групп, намеченных Д. В. Бубрихом: северо-западной — собственно карельской, и юго-восточной, связанной с древней весью и современными вепсами“.⁴

В 1948 г. вышла в свет „Историческая фонетика финского-суоми языка“ Д. В. Бубриха, в это же время им была написана „Историческая морфология финского языка“, изданная посмертно в 1955 г., к сожалению с ненужными, на наш взгляд, сокращениями. В этих трудах автор сказал много нового, несмотря на то что историческая фонетика и морфология финского языка относительно подробно разработаны.

В 1949 г. вышла работа Д. В. Бубриха „Происхождение имен на *-inen* с основой на *-ise-* в прибалтийско-финских языках“. В этой работе он отмечает, что „имена на *-inen* с основой на *-ise-* занимали и занимают исключительное внимание всех исследователей прибалтийско-финских языков. Не было такого исследователя этих языков, который так или иначе не высказался бы об этих именах. Тем не менее эти имена до сих пор остаются загадкой“. Д. В. Бубриху, как нам кажется, удалось разрешить этот сложный вопрос, и происхождение этих имен перестало быть загадкой.

¹ Разрядка наша, — ред.

² Термин „весь“ мы употребляем в расширенном смысле, прилагая его ко всем тем, кто когда-то называл себя *vepsä*.

³ Д. В. Бубрих. Свистящие и шипящие согласные в карельских наречиях. Уч. зап. ЛГУ, Сер. востоковед. наук, вып. 2, Л., 1948, стр. 158, 159.

⁴ Н. М. Чебоксаров. Советская этнография. № 3, 1948.

Во время Великой Отечественной войны Д. В. Бубрих, находясь в эвакуации в г. Сыктывкаре, продолжает изучение удмуртского, коми и угорской группы финно-угорских языков. В 1946 г. появляется его статья "Послелог в коми языке", в 1948 г. — "Историческая фонетика удмуртского языка". В том же году выходит "Краткая грамматика коми слова" (приложение к коми-русскому словарю). В 1949 г. была издана "Грамматика литературного коми языка".

Одновременно Дмитрий Владимирович занимается мордовскими языками и пишет большое количество работ по истории мордовского склонения, спряжения, словообразования, фонетики и синтаксиса. В числе этих работ: "Эрзя-мордовская грамматика-минимум" (1947), "Историческая грамматика эрзянского языка" (1953), изданная посмертно, и др.

Общефинно-угорские проблемы занимали большое место в творческой работе Д. В. Бубриха и ставились им в разных работах по исторической морфологии и фонетике того или иного конкретного финно-угорского языка или группы финно-угорских языков, например в таких специальных статьях, как: "К вопросу о происхождении спряжения (Финно-угорские данные)" (1946), "О возникновении подлежащно-сказуемого предложения" (1947), "Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР" (1947), "Древнейшие числовые и падежные формы в финно-угорских языках" (1948) и т. д. В последний период своей жизни Д. В. Бубрих работал над большой монографической работой "Сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков" (в объеме до 60 авт. л.). Раздел "Фонетика" и части раздела "Морфология" были уже написаны (к сожалению, рукопись этого незаконченного труда до сих пор не обнаружена).

Являясь крупным исследователем финно-угорских языков, Д. В. Бубрих, естественно, не мог пройти мимо такой большой проблемы, как отношение между самодским и финно-угорскими языками. По этому сложному вопросу, занимавшему умы многих виднейших финно-угроведов нескольких поколений, Д. В. Бубрих высказал много нового, заслуживающего серьезного внимания.

Многие специальные работы Д. В. Бубриха по тем или иным конкретным языкам представляют большую ценность и с точки зрения общего языкознания. Ряд его исследований посвящен вопросам общего языкознания. Из таких работ можно отметить "У истоков склонения" (1936), "К вопросу о путях возникновения порядковых числительных" (1935), "К вопросу о стабильности в строе глагольного предложения" (1946), "Происхождение мышления и речи" (1946) и т. д.

Интересы Д. В. Бубриха лежали прежде всего в области истории языка. Он являлся выдающимся представителем сравнительно-исторического языкознания.

Д. В. Бубрих проявлял живой интерес к фольклору. В своих лингвистических работах он использовал материал народного творчества; в круг его научных интересов входили вопросы происхождения рун "Калевалы". В 1931 г. в Литературной энциклопедии публикуется его статья "Калевала", в 1933 г. издается "Калевала" на русском языке под редакцией и с предисловием Д. В. Бубриха. В этих работах ученый разделяет господствовавшую в то время гипотезу К. Крона о западно-финском происхождении рун в период феодализма. Но от этой ошибочной точки зрения Дмитрий Владимирович позднее отказался.

Определенной заслугой Д. В. Бубриха является то, что он первый в советское время способствовал распространению на русском языке такой культурной ценности, как "Калевала".

В дни столетнего юбилея полного издания "Калевалы" Д. В. Бубрих выступает с докладом "К вопросу об этнической принадлежности рун «Калевалы»", в котором подходит к теме прежде всего с лингвистических позиций.

Нам представляется, что некоторые работы Д. В. Бубриха, не посвященные специально проблемам фольклора, имеют определенное значение в изучении происхождения рун "Калевалы".

Необходимо остановиться еще на одной важной стороне деятельности Д. В. Бубриха. Дмитрий Владимирович являлся инициатором, руководителем и участником многих лингвистических экспедиций. По его инициативе созывалось много научных совещаний и конференций, посвященных самым различным вопросам финно-угорской филологии и развитию письменности и литературных языков финно-угорских народностей. В этой связи следует отметить работу Первой всесоюзной конференции по вопросам финно-угорской филологии в 1947 г. в Ленинграде, инициатором и организатором которой был Д. В. Бубрих.

Дмитрий Владимирович был тесно связан со многими центральными и периферийными научными учреждениями и организациями. Особенно большую помощь он оказывал местным научным учреждениям и работникам, занимающимся вопросами языка.

Большое место в жизни Д. В. Бубриха занимала педагогическая деятельность, которой он отдавал много сил до самой последней минуты своей жизни. Им был прочитан ряд курсов по славянским (в частности, русскому), финно-угорским языкам, финно-угроведению в широком плане, наконец по общему языкознанию в Ленинградском, Петрозаводском, Московском университетах, в Ленинградском пединституте им. А. И. Герцена и Коми пединституте (г. Сыктывкар). Особое место в его лекциях занимало историческое языкознание.

Под руководством Дмитрия Владимировича окончили аспирантуру и докторантуру десятки молодых специалистов по финно-угорским языкам. Ученики Д. В. Бубриха работают в научно-исследовательских институтах, высших учебных заведениях, школах, издательствах, редакциях всех финно-угорских республик и округов, Ленинграда, Москвы и т. д.

Д. В. Бубрих отличался исключительной работоспособностью, трудолюбием. Он был высоко эрудированным, талантливым и разносторонне образованным ученым. Как человек он отличался необычайной скромностью и гуманностью.

Дмитрий Владимирович умер на трудовом посту. Вся его жизнь является ярким примером бескорыстного служения развитию советской науки.

М. М. Хямяляйнен

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Д. В. БУБРИХА¹

1914

1. Фонетические особенности говора с. Пустошей (Ягодинск. вол. Судогодск. уезда Владимирской губ.). Изв. Отд. русск. яз. и словесности Росс. Акад. наук, т. 18, кн. 4, стр. 305—346.

1915

2. Словинский вопрос в освещении д-ра Ф. Лоренца. Изв. Отд. русск. яз. и словесности Росс. Акад. наук, т. 19, кн. 4, стр. 174—185.

1922

3. Из праславянской фонетики. I. Монофтонгизация дифтонгов на носовой и переносовка в праславянском языке. II. Монофтонгизация дифтонгов на гласный в праславянском языке. Изв. Отд. русск. яз. и словесности Росс. Акад. наук, т. 24, кн. 1, стр. 246—284.

4. О трудах А. А. Шахматова в области славянской акцентологии. Изв. Отд. русск. яз. и словесности Росс. Акад. наук, т. 25, стр. 198—207.

1924

5. Северо-Кашубская система ударения. Изв. Отд. русск. яз. и словесности Росс. Акад. наук, т. 27, стр. 1—194. Приложение I. Праславянская акцентологическая система, стр. 113—176. Приложение II. Праиндоевропейская система интонации слога, стр. 177—194.

6. Die Akzentlehre von A. Belič. Ztschr. für slavische Philolog., Bd. I, стр. 171—187.

1925

7. Beiträge zur Urslavischen Lautlehre. 1. Die relative Chronologie der Monophthongierung von Nasaldiphthongen im Urslavischen. 2. Der Umlaut im Urslavischen. Ztschr. für slavische Philolog., Bd. II, стр. 121—124.

8. Der Umlaut im Urslavischen. Ztschr. für slavische Philolog., Bd. 2, H. 1/2.

1926

9. О языковых следах финских тевтонов-чуди. „Язык и литература“, т. 1, вып. 1—2, Л., стр. 53—92.

10. Du système d'accentuation en slave commun. Rev. des Etud. slaves, т. 6, стр. 175—215.

11. Рец. на кн.: Lewy E. Betrachtung des russischen. Ztschr. für slavische Philolog., Bd. 3, H. 3/4, стр. 478—484.

1927

12. М. А. Кастрен — исследователь финно-угорских народностей. В кн.: Памяти М. А. Кастрена. К 75-летию дня смерти. Л., стр. 57—64.

13. Краткий отчет о лингвистической поездке в Мордву. Докл. Акад. наук СССР, сер. В, № 10, стр. 205—209.

14. Czy istniały wspólne slowiansko-baltyskie zmlany w dziedzynie akcentuacji? (Symb. Gramm. in hon. Joannis Rozwadowski, Cracoviae).

15. Nochmals über die Akzentlehre von A. Belič. Ztschr. für slavische Philolog., Bd. 4, стр. 369—375.

¹ Список составлен Кертом Г. М.

Статьи Д. В. Бубриха печатались в различных изданиях, в том числе и иностранных. В настоящем издании мы не имели возможности дать полный перечень трудов Д. В. Бубриха, в частности не помещены его многочисленные газетные статьи, статьи в энциклопедиях, а также работы, отредактированные им. Работы, которые даны нами по библиографическим источникам, отмечены звездочкой. Карточка трудов Д. В. Бубриха просмотрена заведующей библиотекой Института языкознания АН СССР Н. П. Дебеч и старшим библиографом библиотеки Карельского филиала АН СССР О. Г. Паньшиной. Пользуемся случаем выразить им нашу благодарность.

1928

16. Инструкция к сборанию материала по финско-карельским говорам. Тр. Краеведч. ком. ЛОИКФУН, вып. 2, Л., стр. 1—10.

17. К вопросу о хронологии мордвы. В кн.: Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей. Отчет за 3-й год деятельности. 1/2 1927—1/2 1928. Л., стр. 13—22.

18. О грамматическом числе в мордовском комитативе. Докл. Акад. наук СССР, сер. В, № 13, стр. 281—282.

19. О мордовских образованиях типа *kaonest* 'они вдвоем'. Докл. Акад. наук СССР, сер. В, № 13, стр. 279—280.

20. О происхождении мордовских образований типа эрз. *noldaut* мокш. *noldaf(t)*. Докл. Акад. наук СССР, сер. В, № 13, стр. 277—278.

21. Праславянское „*gōko*“ литовское „*gāikā*“. В кн.: Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., стр. 49—52.

22. Финно-угорское языкознание в СССР. В кн.: Финно-угорский сборник. Л., стр. 77—129. (Библиогр. 129—134 стр.).

1929

23. К вопросу об уменьшительной суффиксации в финно-угорских языках. Изв. Акад. наук СССР, 7-я сер., Отд. гум. наук, № 2, стр. 123—134.

24. К вопросу о пермском вокализме. Бюлл. ЛОИКФУН, вып. 4, стр. 18—19.

25. К вопросу о русско-мордовских языковых соприкосновениях. Бюлл. ЛОИКФУН, вып. 1, стр. 3—5.

26. К вопросу о чередованиях *a* (*ä*) в непервом слове слова. „Язык и литература“, т. 3, стр. 232—240.

27. Рец. на кн.: М. Е. Евсеев. Основы мордовской грамматики. Бюлл. ЛОИКФУН, вып. 4, стр. 27—28.

28. Сравнительное изучение мордовского языка в СССР. Сб. ЛОИКФУН, 1, стр. 161—177.

29. Язь и Корела. Бюлл. ЛОИКФУН, вып. 2, стр. 4—6.

30. Яфетическая теория и финно-угроведение. Бюлл. ЛОИКФУН, вып. 2, стр. 13—14.

1930

31. Звуки и формы эрзянской речи. По говору с. Козловки. Изд. и книги. Ф-ка Центриздат. народов СССР, М., 66 стр.

32. Несколько слов о потоке речи. Бюлл. ЛОИКФУН, вып. 5, стр. 4—17.

33. Основные линии истории мордовских форм изъявительного и объектного рядов. Уч. зап. Инст. этнич. и нац. культур народов востока, т. 1, стр. 115—144.

34. Рец. на кн.: а) Г. Г. Кармазин. Учебник марийского языка, Йошкар-Ола. Мариздат, 1923, 127 стр. б) А. П. Рябов. Эрзянь-рузонь валкске. Центриздат, М., 1930, 78 стр.; Бюлл. ЛОИКФУН, вып. 5, стр. 23.

1931

35. Какой язык положить в основу просвещения тверских карел. „Революция и национальности“, Л. № 2—3 (11—12), стр. 132—136.

36. Какой язык тверским карелам? Л., ЛОИКФУН, 8 стр.

37. Первичное и вторичное склонение и спряжение в мордовских языках. „Язык и литература“, т. 7, стр. 45—61, с табл.

38. „Унификаторы“ в мировом масштабе. „Культура и письменность Востока“, кн. 10, стр. 61—65.

1932

39. Карелы и карельский язык. Мособлсполком, М., 38 стр.

40. Языковая проблема у карел. „Революция и письменность“, № 1—2 (11—12), М., стр. 38—50.

41. Rapports de la langue russe et des langues finnoises. Sb. Praci I sjezdu slovansk. filologu v Praze, sv. II. V Praze, стр. 969—972.

1935

42. К вопросу о путях возникновения порядковых числительных. „Язык и мышление“, т. 3—4, стр. 111—120.

43. Эрзя-мордовский язык и урало-алтаистические построения. „Советское языкознание“, т. 1, стр. 69—92.

1936

44. О работе по мордовскому диалектологическому атласу. „Революция и письменность“, № 2, стр. 98—102.
45. У истоков склонения. (Материалы к вопросу о происхождении склонения). „Советское языкознание“, т. 2, стр. 39—64.
46. Части речи в финно-угорских языках. В кн.: Тез. к докладам на сессии АН ИЯ (Ленинградск. научно-исслед. инст. языкознания) 22—24 декабря 1936 г. Л., стр. 7—10.
47. Рец. на кн.: Karjalan kielen näytteitä, julkaissut Eino Leskinen, Helsinki, Suomalaisen kirjallisuuden seura: I. Tverin ja Novgorodin karjalaa, 1932 (ss. XI—165). II. Aunuksen ja Raja-Karjalan murteita, 1934 (ss. XIV—145). (Образцы карельского языка, опубликовал Эйно Лескинен, Гельсингфорс, Финское литературное общество. I. Карельский язык Тверской и Новгородской губ., 1932 (стр. XI—165). II. Олонечские и пригранично карельские говоры, 1934 (стр. XIV—145)). „Язык и мышление“, т. 6—7, стр. 301—304.
48. Karielan kielen ucebnikka nacasljnoiloilla skolylä varoin. 2 cuasti. М., 84 стр.

1937

49. *Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1937.
50. Из истории мордовского вокализма. (По поводу одной статьи Р. Ravila). „Советское языкознание“, т. 3, Л., стр. 67—91.
51. Программа по собиранию материалов для диалектологического атласа карельского языка. Петрозаводск, Карельск. научно-исслед. инст. культуры, 187 стр. (Комис. Акад. наук СССР и Карельск. научно-исслед. инст. культуры по составлению диалектологического атласа карельского яз.).

1938

52. Zur Frage nach der Herkunft der Pluralbildungen in den finnisch-ugrischen Sprachen. В кн.: Litterarum societas Esthonica 1838—1938. Liber saccularis. Opetatud Eesti seltsi Toimetused 30, Tartu, стр. 103—110.

1941

53. Можно ли отождествлять мордву с андрофагами Геродота? Зап. Морд. научно-исслед. инст. соц. культуры, № 3, стр. 27—32.
54. Мордовская система фонем. Зап. Морд. научно-исслед. инст. соц. культуры, № 2, стр. 51—78.
55. Мордовское склонение. Зап. Морд. научно-исслед. инст. соц. культуры, № 2, стр. 79—102.
56. Мордовское спряжение. Зап. Морд. научно-исслед. инст. соц. культуры, № 4, стр. 3—53.
57. Soome-ugri keelte uurimine NSVL-s. Eesti keel ja Kirjandus, № 2, стр. 84—89.

1944

58. Поселогии в финно-угорских языках. (Тез. докл.). Л., 2 стр. (Научн. сессия, посвящ. 125-летию Ленингр. унив.).
59. Происхождение мышления и речи. (Тез. докл.). Л., 2 стр. (Научн. сессия, посвящ. 125-летию Ленингр. унив.).

1945

60. Вокализм первого слога слова в пермских языках. В кн.: Научная сессия 1945 г. (Ленингр. гос. унив.). Тез. докл. по секции востоковедения. Л., стр. 33—35.
61. *А. А. Шахматов и финно-угорские языки. Докл. на Лингв. сессии Отд. ист. и филос., 1945—1946.

1946

62. Рец. на кн.: И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. Вести. Акад. наук СССР, № 4, стр. 92—103.
63. К вопросу о происхождении спряжения (Финно-угорские данные). Изв. Акад. наук СССР. Отд. лит. и яз., т. 5, вып. 1, стр. 51—62.
64. К вопросу о сложении системы языков (Финно-угорские данные). В кн.: Научная сессия 1946 г. (Ленингр. гос. унив.). Тез. докл. по секции востоковедения. Л., стр. 5—8.

65. К вопросу о стадильности в строе глагольного предложения. Изв. Акад. наук СССР. Отд. лит. и яз., т. 5, вып. 3, стр. 205—212.
66. О названиях анты и связанных с ним названиях. Изв. Акад. наук СССР. Отд. лит. и яз., т. 5, вып. 6, стр. 478—483.
67. Отношение мордовских языков к другим финно-угорским. Зап. Научно-исслед. инст. яз., лит. и ист. при Сов. Мин. Морд. АССР, № 5, стр. 23—47.
68. Поселогии в коми языке. Научн. бюлл. АГУ, № 9, стр. 28.
69. Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка. 2-е изд., доп. при участии Н. А. Анисимова, Е. Н. Симаковой, Н. И. Богданова. Под. ред. В. И. Алатырева. Петрозаводск, Госиздат КФССР, 173 стр. (Инст. ист., яз. и лит. Карело-Финск. базы Акад. наук СССР).
70. Происхождение мышления и речи. Научн. бюлл. АГУ, № 7, стр. 37—38.
71. Филологические науки. М. (На 8-й стр. указан сост. проф. Д. Бубрих).

1947

72. *Абсолютный, номинативный и эргативный строй глагольного предложения. В кн.: Тез. докл., М.—Л., стр. 4—6.
73. Имена действия в мордовских языках. В кн.: Научная конференция по вопросам финно-угорской филологии. Тез. докл., Л., стр. 63—64.
74. К вопросу об исторической последовательности фонетических сдвигов в ливвиковском наречии карельского языка. Изв. Карело-Финск. научно-исслед. базы Акад. наук СССР, № 1—2, стр. 118—123. Резюме на финск. яз.
75. Краткий грамматический справочник венгерского языка. В кн.: Э. С. Хаас. Русско-венгерский словарь. М., ГИС, стр. 418—443.
76. Лингвистические данные к вопросу о древности связей между мордвой и восточным славянством. Зап. Научно-исслед. инст. при Сов. Мин. Морд. АССР, № 7. „Язык и литература“, стр. 3—10.
77. Население западной части восточной Европы в последнем тысячелетии до н. э. В кн.: Научная конференция по вопросам финно-угорской филологии. Тез. докл., Л., стр. 88—90.
78. Научная конференция по вопросам финно-угорской филологии (23 I—4 II 1947). Вести. АГУ, № 3, стр. 173—178.
79. Некоторые лингвистические данные к вопросу о происхождении карельского народа. В кн.: Научная конференция по вопросам финно-угорской филологии. Тез. докл., Л., стр. 38—39.
80. О возникновении подлежащно-сказуемого предложения. Вести. АГУ, № 5, стр. 77—87.
81. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Госиздат КФССР, Петрозаводск, 51 стр., с карт.
82. Происхождение подлежащно-сказуемого предложения. В кн.: Юбил. научн. сессия, посвящ. 25-летию Инст. (Инст. яз. и мысл. АН СССР). Тез. докл., М.—Л., АН СССР, стр. 10—12.
83. Происхождение карельского народа. В кн.: Научная конференция по вопросам финно-угорской филологии. Тез. докл., Л., стр. 24—25.
84. Происхождение с-овых внутренне-местных падежей в западных группировках финно-угорских языков. Уч. зап. Карело-Финск. унив., т. 1, стр. 27—45. Библиогр.: 44. Резюме на англ. яз.
85. 15 лет работы секции языка Научно-исследовательского института культуры КФССР. В кн.: Материалы юбилейной сессии Ученого совета научно-исследовательского института культуры КФССР. Петрозаводск, стр. 62—73.
86. Советское финно-угорское языкознание. В кн.: Научная конференция по вопросам финно-угорской филологии. Тез. докл., Л., стр. 9—11.
87. Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР. В кн.: Научная конференция по вопросам финно-угорской филологии. Тез. докл., Л., стр. 26—28.
88. Финские имена на *-inen* (*-ise-*) и их связи в других финно-угорских языках. В кн.: Научная конференция по вопросам финно-угорской филологии. Тез. докл., Л., стр. 30—31.
89. А. А. Шахматов как финно-угровед. В кн.: А. А. Шахматов (1864—1920). М.—Л., стр. 435—455.
90. Эзя-мордовская грамматика-минимум. Саранск, 52 стр.
91. Этнонимика Карелии и ее историческое значение. В кн.: Научная конференция по вопросам финно-угорской филологии. Тез. докл., Л., стр. 101.

1948

92. Вопросы построения сравнительной грамматики системы языков. В кн.: Научная сессия 1948 г. Тез. докл. по секц. востоковед., Л., стр. 27—28.
93. Древнейшие числовые и падежные формы имени в финно-угорских языках. „Язык и мышление“, т. 11, М.—Л., стр. 69—90.
94. Из этнонимии Карелии: Уч. зап. ЛГУ, № 105, сер. востоковедч. наук, вып. 2, Советское финно-угроведение, 1, стр. 123—128.
95. Изобразительная речь: 3-я научн. сессия Карело-Финск. унив. 19—22 ноября 1948 г. Тез. докл., № 15, стр. 2.
96. Имена действия в мордовских языках. В кн.: Филологические доклады на конференции по вопросам финно-угорской филологии в Ленинграде в 1947 г. Мордгиз, Саранск. (Научно-исслед. инст. при Сов. Мин. Морд. АССР. Советское финно-угроведение, т. 2), стр. 5—14.
97. Историческая фонетика удмуртского языка. (Сравнительно с коми яз.). Удмуртгосиздат, Ижевск, 112 стр.
98. Историческое существо финно-угорской системы языков. 3-я научн. сессия Карело-Финск. унив. 19—22 ноября 1948. Тез. докл., № 4, 2 стр.
99. Историческая фонетика финского-суоми языка. Госиздат КФССР, Петрозаводск, 232 стр. (Акад. наук СССР. Карело-Финск. научно-исслед. база. Инст. ист., яз. и лит. Советское финно-угроведение, 8).
100. Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных. Изв. Карело-Финск. научно-исслед. базы Акад. наук СССР, № 3, стр. 42—50.
101. К вопросу об отношениях между самоедскими и финно-угорскими языками. Изв. Акад. наук СССР. Отд. лит. и яз., т. 7, вып. 6, стр. 511—517.
102. Коми-русский словарь. (Ред. коллегия: А. И. Подорова и др.). Сыктывкар, Коми гос. изд., 236 стр. (Акад. наук СССР. Научно-исслед. база в Коми АССР, сер. лингвистическая, вып. 1). В предисл. указ. сост. Д. В. Бубрих и др.
103. Краткая грамматика коми слова. В кн.: Коми-русский словарь. Сыктывкар, стр. 231—296.
104. О двух этнических элементах в составе карельского народа. Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковедч. наук, вып. 2, Советское финно-угроведение, 1, стр. 114—122.
105. О происхождении финского транслатива. Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковедч. наук, вып. 2, Советское финно-угроведение, 1, стр. 182—192.
106. О стадиях развития глагольного предложения, преимущественно по финно-угорским данным. Уч. зап. Карело-Финск. унив., т. 2, вып. 1, ист. и филол. науки, стр. 125—154.
107. О финских случаях исторически неясного *ei* в непервых слогах слова. Изв. Карело-Финск. научно-исслед. базы АН СССР, № 2, стр. 81—84. Резюме на финск. яз.
108. Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах. Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковедч. наук, вып. 2, Советское финно-угроведение, 1, стр. 129—159.
109. Советское финно-угорское языкознание. Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковедч. наук, вып. 2, Советское финно-угроведение, 1, стр. 24—32.
110. Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР. Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковедч. наук, вып. 2, Советское финно-угроведение, 1, стр. 47—80.
111. 30 лет советского финно-угорского языкознания. В кн.: Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет советской власти. Петрозаводск, стр. 134—142.

1949

112. Грамматика литературного коми языка. Л., 206 стр. (Ленингр. гос. унив., Советское финно-угроведение, 14). Библиогр.: 201.
113. К вопросу о звукопереходе *ti > si* в финском языке. В кн.: Советское финно-угроведение, 5, Петрозаводск, стр. 123—131.
114. К проблеме изобразительной речи. Уч. зап. Карело-Финск. унив., т. 3, вып. 1, Истор. и филол. науки, стр. 85—94.
115. Об одной моей грубой ошибке. „На рубеже“, № 1, стр. 121—122.
116. Об одном обманчивом „историческом“ документе. „На рубеже“, № 2, стр. 92—94.
117. О древней прибалтийско-финской речи. Изв. Карело-Финск. научно-исслед. базы АН СССР, № 1, стр. 47—56.
118. О моих статьях в Советском финно-угроведении. В кн.: Советское финно-угроведение, 5, Петрозаводск, стр. 138—140.
119. О советском финно-угроведении. „Советская этнография“, № 2, стр. 189—196.

120. Отношения между финским и карельским языками. В кн.: Природные ресурсы, история и культура Карело-Финск. ССР, вып. 1, Петрозаводск, стр. 91—99.
121. Происхождение имен на *-inpel* с основой на *-ise-* в прибалтийско-финских языках. В кн.: Советское финно-угроведение, 5, Петрозаводск, стр. 4—32.

1950

122. К вопросу об этнической принадлежности руи „Калевалы“. В кн.: Труды юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания „Калевалы“. Петрозаводск, стр. 142—151.
123. Не достаточно ли емких теорий? Изв. Карело-Финск. фил. Акад. наук СССР, № 1, стр. 80—92.

1951

124. О былом эрзянском ударении. Зап. Научно-исслед. инст. яз., лит. и ист. при Сов. Мин. Морд. АССР, 12, „Язык и литература“, стр. 83—87.

1953

125. Историческая грамматика эрзянского языка. Под ред. М. Н. Коляденкова и Н. Ф. Цыганова. Морд. кн. изд., Саранск, 272 стр. Перечень трудов Д. В. Бубриха, стр. 266—270.

1955

126. Историческая морфология финского языка. (Ред. В. И. Лыткин и Н. И. Богданов). Изд. Акад. наук СССР, М.—Л., 186 стр. (Акад. наук СССР, Карело-Финск. фил., Инст. яз., лит. и ист.).

1958

127. Сопоставительная грамматика русского, финского и карельского языков. Тр. Карельск. фил. Акад. наук СССР, вып. 12, Прибалтийско-финское языкознание, стр. 3—24.

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

РУССКО-КАРЕЛЬСКИЕ СЛОВАРНЫЕ ЗАПИСИ XVII—НАЧАЛА XVIII в.

Сложившиеся в течение веков устойчивые экономические, политические и культурные связи между карелами и русскими определяют все стороны жизни карельского народа.

Памятником этих культурных и языковых связей являются словарные русско-карельские записи, сохранением которых мы обязаны древнерусскому рукописному наследию.

Привлекаемые сейчас нами к изучению рукописные материалы не могут быть названы ни совершенно новыми, ни абсолютно неизвестными. Тем не менее для их исследования сделано еще до сих пор чрезвычайно мало. Прежде всего они нуждаются в филологически точном, строго проверенном издании.

Одна из записей может быть отнесена к середине XVII в., другая, очевидно, к самому началу XVIII в.

Первая из издаваемых записей сохранилась в одном из списков так называемого „Азбучного (Алфавитного) патерика“ бывшей библиотеки Соловецкого монастыря. В связи с событиями Крымской войны монастырь подвергся обстрелу английского флота, и рукопись в 1855 г. в числе других была вывезена в Казань и передана там в библиотеку Духовной академии. В составе Соловецкой коллекции рукопись была описана проф. Порфирьевым в изданном им „Описании рукописей Соловецкого монастыря“.¹

Во втором томе названного труда мы читаем об интересующей нас записи следующее: „На заднем переплетном листе и доске записано несколько слов и фраз на карельском языке русскими буквами и с переводом. Слова и фразы эти, судя по их характеру, записаны каким-нибудь должностным монахом для переговоров с прислугой из карел.

„Например: *Viritta тули* — зажги огонь; *ися тулда* — высеки огня; *пючи перти* — паши избу; *улошь* — вынеси; *канна* — вон; *ношша* — подойди, подай; *мататъ* — умеешь; *карлакси* — покорельску; *парся* — порусску; *юмала гухъ* — бог помочь; *шула* — затвори; *ови* — дверь; *еккуно* — окошко, и так далее.

Более всего названий разных предметов домашнего обихода, некоторых животных и рыб“.

Как будет видно из дальнейшего, проф. Порфирьев неточно прочитал запись и поэтому неверно передал многие русские и особенно карельские слова.

¹ Описание рукописей Соловецкого монастыря, т. II. Казань, 1885, стр. 188.

В 1901 г. известный исследователь финско-славянских языковых отношений гельсингфорский проф. И. Миккола в финском филологическом журнале „*Virittäjä*“¹ опубликовал небольшую заметку, посвященную этой записи.

Не имея возможности ознакомиться со всей записью в подлиннике, И. Миккола пользовался только теми сведениями, которые даны в „Описании рукописей“. Поэтому все неверные прочтения русских и карельских слов, допущенные Порфирьевым, перешли и в финно-угроведческие комментарии И. Миккола. Он ставит знаки вопроса против слов „*ношша* — подойди, подай“ и „*парся* — порусску“. По его мнению, человек, производивший записи, не понимал карельского языка. Это видно, указывает автор заметки, из слов „*улошь*“ и „*канна*“, которые в записи объяснены с измененным порядком слов. Кроме слов „*ношша*“ и „*парся*“, объяснения кажутся финскому исследователю понятными. Интересна, по его мнению, запись „*матат*“, указывающая на форму *mahtat*, которая в настоящей Русской Карелии, по наблюдениям исследователя, произносится как *mahat*.

В заключение И. Миккола высказывает пожелание, чтобы все остальные рукописи бывшего Соловецкого монастыря, в том числе и не перевезенные в Казань в 1855 г., были подвергнуты подробному исследованию, так как они могут содержать еще что-либо, касающееся Карелии.

В 1903 г. русский ученый А. Л. Погодин в дополнение к статье проф. В. Н. Перетца „Русско-карельский словарь по рукописи начала XVIII столетия“ (см. стр. 23) кратко изложил на русском языке содержание заметки И. Миккола.²

Через тридцать один год после появления первой работы в 1932 г. проф. И. Миккола снова обратился к разобранному им ранее материалу, опубликовал заметку „Древние карельско-русские словарные записи“.³ Теперь он воспользовался полной копией всей записи, переданной ему в 1902 г. известным финским языковедом Юрьё Вихманом. И. Миккола в своей публикации расшифровывает большую часть как карельских, так и русских записей и отмечает, что четыре слова написаны так неясно, что он их не смог разобрать. Он присоединяет к своей расшифровке алфавитный список карельских слов с переводом их на финский язык и высказывает предположение, что карельский диалект, засвидетельствованный в записи, по-видимому, относится к таким, в которых согласный звук „с“ в начале слова перед гласными переднего ряда не перешел в звук „ш“. По его мнению, записавший эти слова стремился отразить отсутствие смягчения согласных перед звуком „и“ (см. написание „*каттыла*“, „*рыкат*“).

Недавно чл.-корр. АН СССР М. П. Алексеев обратил внимание исследователей на „Азбуковники“ XVI—XVII вв., имеющие большое значение для истории русской филологической науки и общей истории культуры. Эти памятники свидетельствуют об относительно высоком уровне, которого достигло практическое изучение языков в Московском государстве, и о разнообразии языковедческих интересов. Среди

¹ Mikkola. Karjalaisia sanoja XVII vuosisadalta. „*Virittäjä*“, Helsinki, 1901, стр. 101—102.

² „Русский филологический вестник“, Варшава, 1903, № 3—4, стр. 159.

³ I. I. Mikkola. Vanha karjalais-venäläinen sanaluettelo. „*Virittäjä*“, Helsinki, 1932, стр. 101—104.

прочих материалов М. П. Алексеев указывал и на те русско-карельские словарные записи, которые рассматриваются в нашей статье.¹

Этим и ограничивается изучение рассматриваемого нами памятника. Главной задачей продолжает оставаться точное в филологическом отношении издание текста, его прочтение, его интерпретация в свете карельской и русской диалектологии.

Первая по времени русско-карельская запись была найдена, как упоминалось выше, в одной из рукописей бывшей библиотеки Соловецкого монастыря. Это — рукопись № 473/648,² содержащая текст „Азбучного (Алфавитного) патерика“, расположенных в алфавитном порядке жизнеописаний святых, преимущественно монахов. В составе рукописи 272 листа размером в четвертую долю (точный размер 19.5 × 15 см). Переплет из досок обделан в кожу с остатками медных застежек. Основной текст рукописи написан одним почерком — мелким полууставом, переходящим в скоропись.

Для датировки рукописи имеет некоторое значение приписка, находящаяся на л. 188: „Благословение великих московских святителей Петра, Алексея, Ионы и Филиппа, скорых помощников и теплых заступников и молебников ко спасу о душах наших“. Как известно, всероссийская канонизация митрополита Филиппа (Колычева) произошла в 1652 г. по почину царя Алексея Михайловича и бывшего в то время митрополитом новгородским Никона, до того в течение ряда лет игумена Соловецкого монастыря. Филипп до своего возведения Иваном IV на митрополичью кафедру всея Руси был тоже соловецким игуменом. Упоминание имени Филиппа рядом с именами Петра, Алексея и Ионы говорит о том, что рукопись вряд ли написана до 1652 г. С другой стороны, она, по-видимому, не может быть датирована позднее так называемого „Соловецкого разорения“ 1668—1676 гг.

Словарная запись находится на последнем листе рукописи (274 — по старой разметке) и на листе, которым оклеена внутренняя сторона заднего переплета. Почерк словарной записи резко отличается от почерка основного текста и представляет собою еще более мелкий полуустав, почти переходящий в скоропись и написанный позднее другой рукой (см. запись № 1).

На л. 274 сначала идут четыре с половиной строки текста, не имеющего отношения к словарной записи и связанного по содержанию с патериком. Этот текст содержит вопрос канонического характера и ответы на него, которые впоследствии, во время распространения старообрядчества беспоповского толка, приобрели особую остроту. Приводим этот текст полностью: „Вопрос: Аще случитца человеку в велицей болести и не будет игумена, лзь ли епископу постричи его? Ответ: Не токмо епископу, но и попу, и дякону. А не будет попа и дякона, а при смерти и причетник пострижеть“.

Текст написан тем же почерком, что и вся книга.

Далее другим, позднейшим, почерком записаны отдельные слова и словосочетания на карельском языке с параллельным их переводом на русский язык. Всего на этом листе можно прочитать около тридцати

¹ М. П. Алексеев. Западноевропейские словарные материалы в древнерусских азбучниках XVI—XVII вв. Сб. статей акад. В. В. Виноградову, к его шестидесятилетию. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 29—30.

² В 1927 г. рукопись вместе с другими материалами бывшего Соловецкого собрания поступила из Казани в Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде. Её шифр: Сол 706/648.

таких парных записей. Приводим их в порядке последовательности, начиная с левого верхнего угла сверху вниз.

<i>Опаштат</i> — учу.	<i>Щука</i> — <i>гавги</i> .	<i>Ланги</i> — упала.
<i>Магат</i> — умеешь.		<i>Вужи</i> — год.
<i>Карлакци</i> — покорьлску.		<i>Пидя</i> — надоби.
<i>Венекешии пайся</i> — по-руску.		<i>Мата</i> — спать.
<i>Юмала абух</i> — богъ на помочь.	<i>Авген</i> — окунь.	<i>Тулов</i> ¹ .
<i>Пирти</i> — изба.	<i>Терве</i> — здоров.	Будет лъневъ.
<i>Ласа</i> — пусти.	<i>Авуттав</i> <?>. Илля — напрс <?>.	<i>Сярри</i> — плотица.
<i>Линна</i> — город. ²	<i>Ано</i> <?>. <i>Шува</i> — ъсти.	<i>Куй</i> — тулов <?>.
<i>Телека</i> <?>	<i>Вайвун</i> — пристав.	<i>Сявня</i> ³ — язи.
<i>Еккуна</i> — окошко.	<i>Лукку</i> — замок. <i>Авань</i> — ключ.	<i>Лагна</i> — лещь.
	<i>Затвори</i> — <i>шула</i> . <i>Ови</i> — двери.	
	<i>Холодно</i> . ⁴	

Приводим записи на листе, приклеенном к внутренней стороне заднего переплета:

<i>Вирита тули</i> — зажги огонь.	<i>Сиби</i> — крыло.	<i>Гири</i> — мышь.
<i>Тушь</i> — свеча.	<i>Шула</i> — перо.	<i>Кирикко</i> — церковь.
<i>Вага</i> — воск.	<i>Кази</i> — кошка.	<i>Ристи</i> — кресть.
<i>Келло</i> — колокол.	<i>Койра</i> — собака.	<i>Кирюта</i> — пиши.
<i>Тулукият</i> — огниво.	<i>Гукко</i> — волк.	<i>Сирита</i> ⁵ — поглядси.
<i>Тагья</i> <?> — труд.	<i>Лисица</i> — <i>ребо</i> .	<i>Ношша</i> — подоймки.
<i>Ися тулда</i> — высечь огня.	<i>Нюбля</i> — пуговка.	<i>Уголкъе</i> — гили.
<i>Вашта</i> — вѣнникъ.	<i>Ойгала</i> — направо.	<i>Кивга</i> — пѣшь.
<i>Поюи перти</i> — паши избу.	<i>Рове</i> — коробка.	<i>Луда</i> — миса.
<i>Улош</i> — вынеси. <i>Канна</i> — вон.		<i>Шола</i> — соль.
<i>Пайка</i> — плат.		<i>Рыкать</i> — мело<?>. ⁶
<i>Ялешта</i> — назад.		<i>Рипута</i> — повѣсь.
<i>Ведро</i> — <i>ренни</i> .		<i>Вазмал келля</i> — на-лъво.

¹ Зачеркнуто.

² Перед „линна“ одно слово не прочитано.

³ С правой стороны, несколько выше, написаны три или четыре карельских слова, прочитать которые не представляется возможным. (Второе слово можно прочитать *улконе* — наружу, на улице). Перевода в тексте нет.

⁴ Слово зачеркнуто.

⁵ Можно читать *силита*.

⁶ Выше написаны два неразобранных слова.

Дно — погя.
Обруч — ванны.
Бревно — гиржи.

Каттыла — котел.
Пада — горшок.

Кровля — каты.
Доска — лавда.

В правом нижнем углу листа написано другим почерком скорописью: „Вопрос: Аще случитца... тебес?“. Эти слова представляют собою повторение начальных строк предыдущего листа.

Таким образом, на листе мы находим еще 46 пар слов и словосочетаний. Всего в записи читается 76 парных соответствий, из которых 6 — цельные выражения.

Как было замечено выше, автор „Описания рукописей“ неправильно прочитал и понял несколько русских и карельских слов. Отметим все замеченные нами ошибки: *пюи перти* нужно читать — *пюи перти*; *матать* нужно читать — *магат*; *ноиша* — подойди, подай, нужно — подойми (т. е. подними); *парся* — поруску, нужно — *венеgekши пайся* — поруску; *юмала гухъ* — бог помочь, нужно *юмала абух*; *ися тулда* — высеки огня, нужно читать высець огня.

Все эти неточности прочтения, естественно, вызвали недоумение проф. И. Миккола; устранение их делает понятным значение всех приведенных слов и словосочетаний.

Следует остановиться на графической и палеографической стороне публикуемого памятника.

Звук „у“ в начале слова передается всегда сочетанием букв „оу“, в середине и в конце слов — буквой „ук“ <δ>.

Звук „о“ в начале слов изображается всегда w, в середине и в конце слов — буквой „о“.

Буква „я“ в начале слов пишется обычно как йотованное „а“ (и); после согласных пишется как „юс малый“ (л).

Вместо буквы „ю“ в слове „ключ“ написана буква „у“.

Буквы „е“ и „і“ пишутся в соответствии с традицией, кроме слова „надоби“, где находим вместо „і“ „и“. Последнее можно рассматривать как отражение северновеликорусского диалекта.

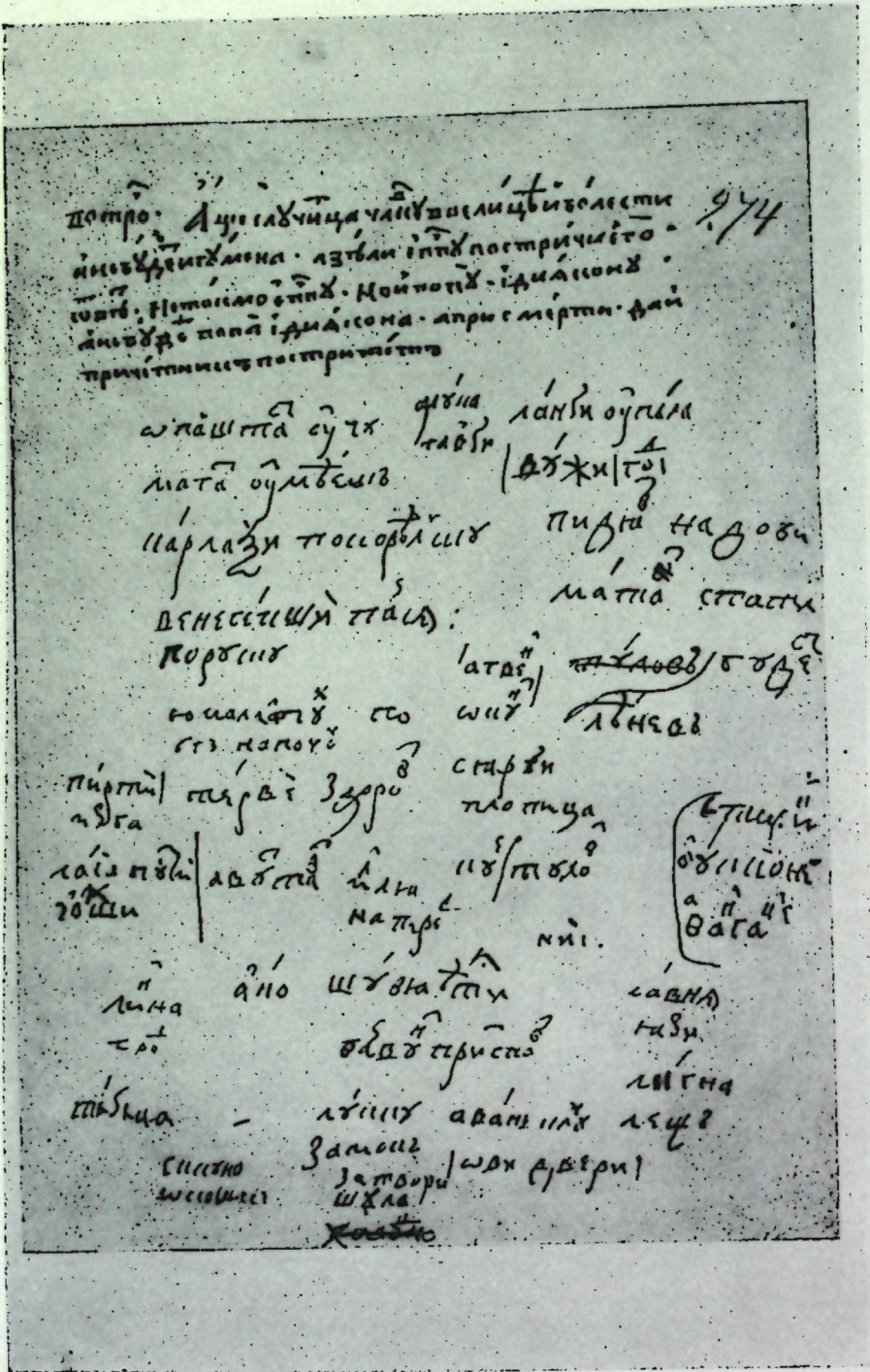
Звук „йот“ или „й“ как в карельских, так и в русских словах обычно изображается как выносной знак над строкой ('). Например: „па'ся“, „ко'ра“, „подо'ми“ и др.

Буква „т“ в конце слов иногда пишется над строкой в виде значка „т“.

Автор записи, по всей видимости, испытывал затруднения при передаче звуков „г“ и гортанного придыхательного „h“ в карельских словах. В соответствии с этим в записи встречаются два совершенно различных по начертанию письменных знака: один — близкий к обычной букве „г“, но с несколько удлиненной влево и вниз горизонтальной черточкой; другой — также близкий по начертанию к той же букве, только вытянутый вверх и загнутый влево над строкой. Первый знак находим как в начале слова, так и в середине, например в русских словах „год“, „б<о>гъ“, „город“, „огонь“, „огня“, „огниво“, „погляди“. Этот же знак читаем в карельских словах *венеgekши*, *лагна*, *вага*, *агвен*, *пюи*, *пог'я*, *гиржи*, *гукка*, *шири*, *шили*. Этот знак должен соответствовать придыхательному согласному звуку „h“. Второй знак читаем главным образом лишь в середине слова перед гласными. Он виден в русских словах „зажги“, „горшок“ и в карельских словах *ланги*, *ренги*, *шулга*, *кивга*; оба знака читаются в карельском слове *гавги*: первый знак — в начале слова, второй — в середине, перед гласной

Виритпа... | сиби прело | гири логичь
Заср... | шва... | кирико...
т... | нази... | рит...
вата... | кора... | кирота...
Келло... | т... | кирита...
т... | л... | но...
та... | оу...
исл... | хива...
вашта... | лавда...
кто... | шол...
оуло... | канна...
та... | нобла...
ка... | ш...
веро... | коро...
дно... |
сгр... |
брово... |
с... |
с... |
с... |
до... |

Рот...
Аще...

Запись № 2. Внутренняя сторона заднего переплета рукописи. Сол 706/648.

буквой „и“. В русском слове „пуговка“ первоначально был написан первый знак, а затем исправлен на второй. Очевидно, данный знак соответствует заднеязычному взрывному согласному звуку „г“.

Порядок слов в записи непоследователен. Но в большинстве случаев пишется сначала карельское слово или словосочетание, а справа его перевод на русский язык. Иногда перевод записывается ниже слова. В ряде случаев мы наблюдаем обратный порядок: сначала записано русское слово, а затем его перевод на карельский язык. В таком порядке даны словарные пары: „щука — *gavhi*“, „лисица — *rebo*“, „ведро — *renhi*“, „дно — *пога*“, „доска — *лавда*“.

Как уже было правильно отмечено проф. И. Миккола, переводы слов „улош — вынеси“ и „канна — вон“ даны ошибочно с измененным порядком слов. Далее следует слово „рыкать — (мусор)“. Все сочетания слов „вынеси вон мусор“ в целом понято и передано по-русски совершенно верно. Других ошибок в переводах слов и выражений мы не обнаруживаем. Поэтому столь решительно высказанное проф. И. Миккола мнение, что писавший якобы совсем не понимал карельского языка, не может быть нами поддержано.

Лексика записей достаточно разнообразна. Мы встречаемся прежде всего с названиями предметов домашнего обихода и быта. Сюда относим такие слова, как „пирти“ или „перти — изба“, „лукку — замок“, „авань — ключ“, „ови — дверь“, „еккуна — окошко“, „угольде — шли“, „кивга — пещь“, „вашта — вѣник“, „ведро — *renhi*“, „бревно — *гиржи*“, „пада — горшок“, „доска — *лавда*“, „rove — коробка“.

Далее следует отметить названия животных, домашних и диких: „кази — кошка“, „койра — собака“, „гукка — волк“, „лисица — *rebo*“, „ири — мышь“.

Представлены в записях и названия некоторых рыб Карелии: „щука — *gavhi*“, „агвен — окунь“, „сярхи — плотца“, „сявня — язи“, „лагна — лещ“.

Ряд слов и выражений связан с религией и церковным бытом, что вполне естественно, так как записи производились в монастыре. Сюда относим: „кирикко — церковь“, „тушь — свеча“, „вага — воск“, „ристи — кресть“, „келло — колокол“, наконец, выражение „юмала абух — богъ на помощь“.

Среди названий действий и состояний мы тоже встречаем преимущественно такие, без которых невозможно устное общение: „мата — спать“, „шувя — есть“, „вирита — зажги“, „кирюта — пиши“, „ношиша — подойми (подними)“ и др.

Имеются в записи и наречия: „ялешта — назад“, „вазмал келля — налево“, „ойгала — направо“.

Таким образом, мы имеем возможность признать отвечающим действительности предположение, высказанное проф. Порфирьевым, о том, что настоящая запись могла преследовать цель облегчить устное общение монахов монастыря с их слугами („трудниками“), из которых, несомненно, многие были карелы. Диалектологическая интерпретация этих записей представляет очевидный интерес и должна составить содержание особой работы.

Морфологическое оформление читаемых в записи карельских и русских слов таково: большинство отмеченных слов относится к именным частям речи, реже встречаются глаголы и еще реже — наречия.

Имен существительных мы отметили 41; имена прилагательные одно „терве — здоров“; глаголов и глагольных форм 17; наречий 7.

Именные части речи представлены записью в своей начальной форме.

Разобранные нами записи имеют большое значение для изучения истории карельского языка. Они доказывают большую устойчивость его основного словарного фонда, грамматического строя и фонетической системы, которые в основном сохранились без существенных изменений в течение более трехсот лет.

Подводя итог сделанному нами анализу, мы имеем возможность утверждать, что исследуемая запись составлена тем самым лицом, которое производило наблюдения над речью карел, т. е. является автографом. Составителем записи, очевидно, был кто-то из старших представителей монашеской братии Соловецкого монастыря, имевший дело с так называемыми „трудниками“ карельской национальности. Запись сделана для того, чтобы облегчить повседневное бытовое общение с ними. Очевидно, мы здесь встречаемся с широко распространенным вплоть до конца XIX в. обычаем: юноши из русских и карельских сел, расположенных в Поморье и в Обонежье, по обету уходили из своих семей на один-два года в Соловки и несли трудническое послушание, выполняя различные работы как на самом острове, так и в многочисленных вотчинах, разбросанных по берегам Белого моря. Для руководства и надзора за этими „годовиками“ назначался обычно один из начальствующих „старцев“ монастыря. Таким и был, по всей видимости, составитель записи. Он, без сомнения, был грамотным русским человеком. Но он также понимал и карельскую речь, так как записал ее без существенных ошибок, правильно как со стороны звучания, так и со стороны смысла. Вероятно, ему приходилось при записи иметь дело с карелами — уроженцами различных сел.

Вторая запись может быть датирована самым началом XVIII в. Она сохранилась в составе одного из рукописных сборников бывшего собрания П. П. Вяземского. До 1930 г. сборник находился в Музее Общества любителей древней письменности, в настоящее время он хранится в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде под шифром: Вяз. О № LVIII.

Свыше пятидесяти лет тому назад записью заинтересовался известный исследователь древнерусской литературы В. Н. Перетц. В 1903 г. им была опубликована статья (в журнале „Русский филологический вестник“), в которой сообщались краткие сведения о составе рукописи в целом, приводились некоторые данные для ее датировки, а также делалась попытка расшифровки как русской, так и карельской части записи.¹

В. Н. Перетц констатировал, что рукопись написана хорошим полууставом, судя по почерку — относится к первой половине XVIII в. и представляет собою сборник статей „преимущественно календарного, справочного характера“. Далее Перетц обращал внимание на заметку, которая читается на л. 37 рукописи и на основании которой следует заключить, что рукопись писалась и переписывалась в старообрядческой культурной среде.

Вслед за этим В. Н. Перетц рассматривал заметки, которые сохранились на листах, приклеенных к внутренней стороне передней и задней доски переплета, современного составлению сборника. Заметки

¹ В. Н. Перетц. Русско-карельский словарь по рукописи начала XVIII столетия. „Русский филологический вестник“, Варшава, 1903, № 3—4, стр. 148—150.

писаны небрежной скорописью начала XVIII в., носят хозяйственный, торговый характер и состоят из указаний на цены различных хлебных товаров и расчетов за провоз этих товаров водными путями, впоследствии преобразованными в Мариинскую систему. Приведенные данные также помогают определить социальную среду, в которой возник и бытовал памятник, и установить дату написания. По-видимому, замечает В. Н. Перетц, сборник принадлежал какому-то торговцу хлебом, ведшему торговлю на севере; в Карелии. Этому лицу при заключении договоров и сделок с карельским населением было необходимо хотя бы немного знать карельский язык. В конце сборника — может быть, им, а может быть, и каким-то другим лицом — составлена данная запись. В статье В. Н. Перетц приводит словарь буквально, сохраняя орфографию подлинника. Рядом со словами, имеющимися в словаре, автор статьи в виде дополнения приводит финские параллели существительных в именительном падеже и глаголов в неопределенной форме. Финские слова Перетц берет из словаря Эллен Каяндер.¹

Русская и особенно карельская части словарной записи переданы в транскрипции В. Н. Перетца не вполне точно и буквы прочитаны иногда ошибочно. Это касается главным образом таких букв, как „и“ и „и“, а также, по-видимому, букв „з“ и „о“.

В. Н. Перетц не входил в рассмотрение достоинств и недостатков изданного им словаря, представляя это специалистам-финно-угроведам. Он лишь бегло останавливался на семантической характеристике включаемых в запись слов. Словарик, по мнению автора статьи, следует рассматривать как показатель культурных сношений русских колонизаторов и купцов с карелами в XVII в. К статье В. Н. Перетца присоединена небольшая заметка А. Л. Погодина по поводу работы проф. И. Миккола, посвященной записи в соловецком сборнике. Кроме того, А. Погодиным составлены некоторые отдельные примечания к финским словам, приведенным Перетцом в качестве параллелей. Указанными статьями и заметками ограничивается все написанное по поводу данного памятника. В дальнейшем памятник оказался несправедливо забытым и не привлекал больше внимания исследователей.

Вторая рукопись (в восьмую долю листа, размер 13 × 7.5 см) написана четким церковнославянским полууставом двумя различными почерками. Первая часть сборника содержит статьи, как отмечал В. Н. Перетц, не календарного и справочного, а скорее астрологического характера. Это — пособие для вычисления дней празднования пасхи и связанных с этим пасхалических и астрологических понятий. Вычисления сопровождаются рисунками и отдельными замечаниями, дающими мистическое истолкование злободневным событиям конца XVII в. Одна из таких заметок была использована В. Н. Перетцом в целях датировки памятника и определения среды его возникновения. Эта заметка находится на л. 37, в статье о кометах. Приведем ее полностью: „Того же году в неделю Фомины в Российском государстве умре царь Феодор по прорицанию страдалец Аввакума и иже с ним. Иже тогда их прежде своея смерти в святыи великий пост в Пустозерском городке огнем сожег. Они же ему прорекоша по себе скоро коньчину и на суд пред богом стати“.

¹ Эллен Каяндер. Новый русско-шведско-финский словарь по новейшим источникам. Гельсингфорс, 1899.

В приведенных словах говорится о казни протопопа Аввакума в Пустозерском остроге в апреле 1682 г. и последовавшей затем смерти царя Федора Алексеевича. Оба события старообрядцы связывали между собою и давали им мистическое толкование. Таким образом, данная заметка не только указывает на возникновение сборника в старообрядческой среде, как уже отмечал В. Н. Перетц, но и позволяет определить *terminus post quem* — не ранее восьмидесятых годов XVII в.

Другая статья, обнаруженная нами на л. 29 <47>, называется „Рука обновления индикту“ и помогает уточнить дату написания сборника примерно до десятилетия. Там мы читаем: „Индикт обновляется в 15 лет. Было обновление индикту 421. Обновилось 7216 лет... будет ему обновление паки... 7231“. Отсюда следует вывод, что статья составлена не ранее 1708-го и не позднее 1723 г. Такая датировка памятника подтверждается и палеографическими данными, и записью на листах, которыми оклеены внутренние стороны переплета. Приведем эти записи полностью:

„...а грешинева прииде в Ладози куль по 26. От Ладоги до Вытегры за провоз дано за куль, а по числу их беша сто восемь куль. Тогоже числа дома взяли семени 5 куль, гороху три куля, да в мелкой расход Павлу Ефимову две маленки. Ивану Ермакову — одна. Да Никанору Семенову на дорогу в Питер... Вытегоры поиде к Питеру за куль... от Вытегры до Сермаксы за провоз дано по десять, взойде на куль от постоялого за зимовку по три денги. Там же омолочено 90 куль. Омолотя, на куль взошло по 3 и по 4 и по полуденги“.

На задней стенке переплета читается: „...Всех денег вышло на тое муку на 500 куль — 512 и 5, а полденги — кроме пошлины. Всех денег вышло из Нижнего до Питера на рожь и муку ржаную и пшеничную и... и крупу и семя и горох... И всего в выкупях денех... Остався муки 636 куль да куль 20 крупы и ржи на Вытегре в трехстах в тридцати осми и двадцети одном альтине и в пяти деньгах, кроме пошлины“.

Из приведенных счетных записей становится ясно, что владелец, а возможно, и составитель сборника вел достаточно крупные операции по торговле хлебом в районе между Петербургом и Нижним Новгородом. Это был, по всей видимости, достаточно зажиточный торговец, принадлежавший к старообрядчеству.

Русско-карельская словарная запись, как отмечено выше образует вторую часть сборника, написана другим почерком, занимает лл 181—184 и отделена как от предшествующих, так и от следующих за нею статей несколькими чистыми листами. Она озаглавлена „Именованье вещей“ и (в отличие от записи семнадцатого века) расположена в порядке русского алфавита. Русские слова записаны столбцом с левой стороны листа, карельские слова, параллельные им, занимают правую сторону. Всего в записи мы находим 116 таких пар. Среди них несколько словосочетаний и целых выражений с переводами к ним. Кроме того, на л. 183 об. и на л. 184 под заголовком „Прощения“ мы читаем 22 высказывания с соответственными переводами к ним. Русское слово „дыжа“ оставлено без перевода. Не переведено и выражение „спаси бог“.

Остановимся на графической и палеографической стороне записей. Почерк рукописи представляет собою четкий полуустав. Буквы „и“ и „н“ не везде ясно различаются. Наряду с буквой „и“ употребляется иногда буква „i“, впрочем без особой последовательности. Для пере-

дачи карельского согласного звука „h“ всегда употребляется буква „г“. В соответствии с карельскими гласными переднего ряда „ä“, „ö“, „y“ систематически пишутся обычные гласные „а“, „о“, „ю“. Долгие гласные, передаваемые на письме сочетанием двух одинаковых гласных, например „аа“, передаются начертанием лишь одной русской гласной „а“. В словах, как правило, проставлены знаки ударения: над русскими словами они отмечены верно, над карельскими проставлены произвольно. Кроме того, обращают на себя внимание своеобразные значки под гласными буквами в карельских словах. В отдельных случаях этими значками, как кажется, могли отмечаться гласные переднего ряда: *ййя*, *лөввинь* и др. В соответствии с графической традицией кирилловского славянского письма при начальных гласных проставлены значки придыхания; в карельских словах эти значки даются без особой системы и иногда встречаются и не над начальными гласными. Звук „у“ как в русских, так и в карельских словах передается буквами „ук“ и „ижица“, причем без особой системы. Буквы „е“ и „ё“ в русских словах употребляются в соответствии с общепринятой орфографической традицией XVII в. Все это позволяет нам сделать вывод, что писавший был русским грамотным человеком, но не знал карельского языка. Если первая запись представляет собой, без сомнения, автограф, то вторая, вероятно, не является автографом и, возможно, прошла через руки нескольких переписчиков. Особенно убедительным становится это предположение, если мы обратим внимание на своеобразное употребление в карельских словах буквы „з“ на месте карельского гласного звука „е“, например в словах: „животъ — зло“, „житие — зляндя“, „там — сизла“, „там ли — сизляго“. Очевидно, в предшествующей рукописи для передачи карельского гласного звука „е“ в начале слова или после гласных была употреблена буква „э“, а последующий писец смешал ее по начертанию с буквой „з“. Это становится понятным, если мы припомним, что буква „э“ была введена в русскую графику лишь в 1707—1710 гг. в связи с реформой письменности и принятием гражданской азбуки. Последний же переписчик, как нами показано выше, принадлежал к старообрядцам и поэтому мог не знать этого буквенного начертания или сознательно его игнорировать.

Далее мы помещаем весь текст словаря в соответствии с тем, как он записан в рукописи; чтения, предлагаемые в статье В. Н. Перетца, в тех случаях, если они не совпадают с нашими, и наши замечания приводим в подстрочных примечаниях.

Лист 181 (по прежней нумерации — 159)

Именованья вещей,
беседы и глаголанья
языка русска.

Именованье вещей,
беседы и гла[гола]нния
языка кар[ельска].

Азь

А

мия¹

б<о>гъ

Б

юмала

б<о>жество

юлалусъ²

б<о>жия, б<о>жий

юмаланъ

¹ В. Н. Перетц читал *мия*.

² Вместо *юмалус*.

бсѡжественный	юмалагине
буди	олахъ
брату	велми ¹
братецъ	вельюонъ
бей	люо
бить	люодю
бѣлка	орава
бобръ	мая<ва>
буди здрав	оле тервегена

В

видѣние	наго
видиши ли	натко
вѣдаеш ли	тиятко
вѣдаеш ли о православии,	тиятко православия,
о правой вере	ойгия вѣруа
выдра	сарва

Лист 181 об. (159 об.)

господи Исусе Хри-	Рухты нас Исусе ²
сте, сыне бсѡжий,	Христе, пойга юма-
помилуй мя грешного	ланъ, армасса милма
	ряжкюгиста

Г

говори	пагая
гони	ая
грехъ	ряхка
гладъ	налга
голени	сареть
гибель	гявютюсь
губитель	гавиття
градъ	линна
гора	вара
горд	кория ³
гордость	кореусъ
горносталя	пордымо

Д

дань	ведо
дай	анна
дѣлай	лай
добро дѣлай	ювя лай
досады не дѣлай	сататуста еля лай

Лист 182 (160)

досаждайся от инѣихъ	сататате муйста
дорого ⁴	каллис
дели надвое	я кагекси

¹ Вместо *велли*.² Вместо *Рухтынас*.³ Перетц: *кория, корня*.⁴ Вместо *дорого*.

девица	нейчютъ
дерево	пу ¹
держи	пия ¹
дверь	ови

Е

есть	онъ
есть ли	онъго

Ж

животь	эло ²
житие	эляндя ³
жди	вуотъ
железо	равда

З

здѣ	тяля
злоба	пагусъ
зло, или худо	пага
затвори	салба, или суле, или
	пане умбе

И

изба	перти
------	-------

К

купить	оста
--------	------

Лист 182 об. (160 об.)

купи	осса
колко	мин' верда
куница ⁴	нядя
квас	ваасса

Л

ломн хлеб	котса лейбя ⁵
лежи	веню
лыжа	
лосось рыба	логи кала
лисица	ребо
лось	гирви

М

мсѡлси>тва	молитво
мсѡти	мамо
масло	вои
мертвый	куолия

¹ В рукописи *тия*.² Перетц: *зло* (может быть, *зло* — прим. А. Погодина).³ Перетц: *эландя*.⁴ Ошибочно *куница*.⁵ Вместо *катка*.

мертвѣ	куоллутъ
много	айя
медведно	конды анта ля
много ли лѣтъ	айяго вуотта
мой	миунъ

Н

наш	меянъ
нашолъ	ловвинъ

Лист 183 (161)

Нашол <ли> <?>	ловтитко
неси	канна
наемъ	палъкка

П

продай	мюо
по чему, или что взят	мида мюоте ти оттаа ¹
принеси	туо
прибавь	лизя

Р

ради чего	минъ тяге
радуйся	игастелете
рысь	илвес

С

слово	сана
спаси богу	—
слыши	куле
слышите	кулга
слышишь ли	кулетро ²
слышеть ли	кулитго

Т

тебе	сиоула
тамъ	сизла ³
там ли	сизляго ⁴
ты	сия
твое	сиоунъ

Лист 183 об. (161 об.)

твердо или крепко	луя
терпи	тирпа, или кяржи
терпишь	тирпатъ ⁵

¹ Вместо ми оттаа.
² Вместо кулетю.
³ Перетц: сизла.
⁴ Перетц: сизляго.
⁵ В рукописи пирпатъ.

ОѢ

оугарь	качку
оугорель	качкуввун ¹
оумре	куоли
оуснулъ	оуйной

Х

хорошо или добро	гювя
хлеб	лейбя
холодно	вилу

Ѓ

о<те>цъ	тато
---------	------

Ц

цена	гинда
------	-------

Ч

что цены	ми гинда
чево хошь	мида таго
что возьмешь за лисицу	мин отатъ ревеста

Ш

широко	левия ²
--------	--------------------

Прошение

дай хлеба	анна лейбя
-----------	------------

Лист 184 (162)

продай хлеб<а>	мюо лейбя
дай квасу	анна васса
прошу м<и>л<о>сти	кюэюна армуа
Товар покажи	товари ожюта
товару	товара
обогрей от морозу	ляммитя пакказеста ³
пожалуй, пусти ночевать	лаже юода осемахъ ⁴
накорми	сюота
напой	юота
осмь	сюва
пита	ява ⁵
хочю	тягон ⁶
хочеш ли	тяготто ⁷

¹ Перетц: в рукописи неразборчиво.

² Перетц: левия.

³ В рукописи полназоста.

⁴ Вместо олемах.

⁵ Вместо юва.

⁶ Вместо таюнь.

⁷ Вместо таюнто.

Этими „прощениями“ заканчивается словарная запись.

Обратимся к семантической характеристике записей. Большинство слов и выражений относится к бытовой лексике. Это — названия предметов первой необходимости и действий, например существительные: „хлеб — *лейбя*“, „масло — *вои*“, „квас — *васса*“, „дверь — *ови*“, „изба — *перти*“, „дерево — *пу*“, глаголы: „накорми — *сюота*“, „напой — *юота*“, „принеси — *туо*“, „дай — *анна*“, и др. Это — лексемы, принадлежащие основному словарному фонду языка, выражения, без которых невозможно наладить повседневное общение между людьми.

В записях мы находим слова, обозначающие степень родства, семейные отношения людей различных возрастов: „брат — *велли*“, „братец — *вельлюонъ*“, „мать — *мамо*“, „отец — *тато*“, „девица — *нейчють*“; некоторые слова и выражения, определяющие физическое и душевное состояние человека: „гладь (голод) — *налля*“, „угар — *качку*“, „холодно — *вилу*“, „уснул — *оуйной*“, „умер — *куоли*“, „мертв — *куоллутъ*“, „терпи — *тирпа*“, „радуйся — *игастелете*“, „будь здрав — *оле тервегена*“. Обращают на себя внимание слова и выражения, связанные с торговой деятельностью: „купи — *осса*“, „продай — *мио*“, „продай хлеб — *мио лейбя*“, „товар — *товара*“, „прибавь — *лизя*“, „цена — *гинда*“, „что цены — *ми гинда*“, „что возьмешь — *мин отатъ*“, и др.

В словаре встречается довольно много названий животных, преимущественно диких и главным образом пушных зверей: „белка — *орава*“, „бобр — *мая(ва)*“, „выдра — *сарва*“, „горносталя (горностаи) — *пордымо*“, „рысь — *илвес*“. Сюда же условно можно отнести такие слова, как: „лось — *ирви*“, „лосось рыба — *логи кала*“. Любопытным представляется нам выражение „медведно“, т. е. много медведей, которое по-карельски передано словосочетанием „*конды анта ля*“, т. е. буквально: „медведь, многократно давай“.

Обращает на себя внимание в записях группа слов и выражений, обусловленная проповедью православия. Возможно, при этом имелось в виду так называемое „древнее благочестие“, т. е. старообрядчество. Как известно, в конце XVII — начале XVIII в. на территории нынешней Карельской Автономной Советской Социалистической республики находился один из важнейших центров так называемого „поморского согласия“ — старообрядческий Выго-Лексинский скит, иначе Данилова пустынь. В экономической жизни близлежащих карельских районов монастырь играл в те годы выдающуюся роль. Представители старообрядчества занимались (наряду с торговлей) миссионерством, обращением карельских охотников и рыболовов в свою старообрядческую веру, для того чтобы закабалить их экономически. С этим было связано и внушение церковно-религиозной морали: необходимости покорности богу, смирения и терпения. Эти отношения отражены в записи следующими словами и выражениями: „бог — *юмала*“, „божество — *юмалус*“, „божия, божий — *юмаланъ*“, „божественный — *юмалагине*“, „ведает ли о православии — *тиятко православия*“, „о правой вере — *ойгияя вьруа*“, „грех — *ряхка*“, „горд — *кория*“, „добро делай — *говя лай*“, „досады не делай — *сататуста еля лай*“, „терпишь — *тирпатъ*“, „прошу милости — *кюзюна армуа*“, и др. Наконец, в запись включен полный текст так называемой „молитвы Иисусовой“ с дословным переводом ее на карельский язык. Эта запись, несомненно, старообрядческая, поскольку в ней имя „Иисус“ написано с одной буквой „и“. Мы знаем, что в старообрядческом скитском быту названной молитве придавалось очень большое значение: ее полагалось произносить

перед тем, как отпереть дверь и войти в помещение. Поэтому ее заставляли учить наизусть.

Заметим, что вообще в записи, особенно в начале ее, явно преобладают слова из церковной практики и соответствующей стилистической окраски. Мы находим здесь: „будь здрав“, а не „будь здоров“, „гладь“, а не „голод“, „градъ“, а не „город“, „досаждайся“ и т. п. В дальнейшем эта церковная стилистическая окраска утрачивается, и мы читаем: „хорошо“, „холодно“, „дерево“, „пусти хочевать“, „хочеш“ и „хочеш ли“, и др. Каких-либо местных диалектных особенностей русской лексики в записях нет, кроме, пожалуй, слова „медведно“.

Диалектологический анализ этой записи должен составить предмет особой работы.

Необходимо отметить наличие в словаре довольно большого количества слов, заимствованных в различные эпохи из русского языка. Сюда следует отнести такие слова, как „православие — *православия*“, „вера — *вьруа*“, „грех — *ряхка*“, „железо (руда) — *ровда*“, („а“ в рукописи), „квас — *ваасса*“, или „*васса*“, „мать — *мамо*“, „терпи, терпишь — *тирпа, тирпатъ*“, „отец — *тато*“.

Сравнение второй записи с первой показывает, что ряд слов в обеих записях совпадает. Отметим здесь следующие слова: „лисица — *ребо*“, „изба — *перти*“, „дверь — *ови*“, „неси (вынеси) — *канна*“, „бог — *юмала*“.

С другой стороны, отдельные слова, встречающиеся в обоих словарях, иногда передаются по-разному, например: русский глагол „есть“ (принимать пищу) в первом словаре передан как „*шувя*“; во втором (в соответствии с русским „накорми“) как „*сюота*“.

Издаваемые нами словарные записи достойны особенно пристального изучения еще по одной причине, чрезвычайно важной для истории культуры карельского народа. Они позволяют судить о наличии письменной фиксации карельской речи средствами русской графики.

В недавно опубликованной статье Ю. С. Елисева приводится найденная А. В. Арциховским в 1957 г. при раскопках в Новгороде берестяная грамота № 292, содержащая текст заговора от молнии на каком-то прибалтийско-финском языке, по мнению автора — на карельском.¹ Грамота относится, по данным палеографии и стратиграфии, к XIII в. Если предположение автора правильно, то эта грамота является свидетельством самой древней фиксации карельской лексики средствами русской графики. Ю. С. Елисеву публикуемые нами записи не были известны.

Уже давно русскими историками было замечено, что в сочинениях нидерландского путешественника XVI в. Симона Ф. Салингена рассказывается о деятельности некоего Федора Жеденова из города Кандакши. Салинген сообщает об этом человеке, „слышавшем за русского философа“, что он сочинил книгу, содержащую историю Карелии и Лапландии, и что он избрал также письмена для карельского языка; „на котором никогда не писал (до того) ни один человек“. „Так, он показывал мне, — утверждал Салинген, — алфавит и рукопись Символа веры и «Отче наш»“.² М. П. Алексеев с полным основанием сопоста-

¹ Ю. С. Елисева. Древнейший письменный памятник одного из прибалтийско-финских языков. Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., т. XVIII, вып. 1, М., 1959, стр. 65—72.

² Впервые сочинения С. Ф. Салингена были изданы в т. VII английского „Magazin Bûsching“. Перевод опубликован в статье А. М. Филиппова „Русские в Лап-

вил деятельность филолога и историка XVI в., способствовавшего просвещению карел, вошедших в то время в состав централизованного Русского государства, с аналогичной деятельностью известного Стефана Пермского, который примерно за два столетия до Жеденова изобрел азбуку для народа коми и положил тем самым начало древней пермской письменности. По мнению М. П. Алексеева, деятельность Жеденова „свидетельствует лишний раз, что уже в XV—XVI веках среди русских книжников были люди, с большим вниманием и любознательностью относившиеся к разным языкам и к сопоставлениям этих языков со своим родным“¹.

Издаваемые нами записи также являются свидетельством внимательного отношения русских книжников к живой речи карельского народа.

ландии в XVI веке“, напечатанной в „Литературном вестнике“ за 1901 г. (№ 3, стр. 275—312). Вскоре на указанную статью откликнулся известный финский филолог Е. Н. Сетяля (Setälä), поместивший небольшую заметку в „Finnisch-ugrische Forschungen“ (1904 г., т. IV, вып. 1—3, стр. 55—58). Вслед за ними коснулся деятельности Федора Жеденова А. Тищенко в статье „К истории Кола и Печенги в XVI веке“. Эта работа появилась в Журнале Министерства Народного Просвещения в 1913 г. (июль, стр. 100). Наконец, недавно снова напомнил об этих фактах акад. М. П. Алексеев в своей вышеназванной статье. В подлиннике фамилия карельского просветителя названа Zudenov. Филиппов предлагал ее транслитерировать как Жиденов, или Чудинов, Тищенко читал эту фамилию — Жиденов, наконец, Алексеев по-голландски читает ее — Сиденов.

¹ М. П. Алексеев. Западноевропейские словарные материалы в древнерусских азбучниках. . . , стр. 30.

Н. И. БОГДАНОВ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВОСТОЧНОВЕПССКИХ ГОВОРОВ — КУЙСКОГО И ПОНДАЛЬСКОГО

(материалы)

Летом 1957 г. отряд лингвистической экспедиции Института ЯЛИ Карельского филиала АН СССР обследовал самые восточные говоры вепсского языка — говоры дер. Пондалы и Куи Шольского района Вологодской области. Эти говоры до сего времени еще не были изучены, и наука не располагает о них достаточными сведениями.

В данной статье не охвачены все явления, отражающие систему фонетики и грамматики куйского и в какой-то мере пондальского говора, а рассматриваются лишь некоторые их особенности.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Вокализм

§ 1. Как в куйском, так и в пондальском говорах употребляются только краткие гласные; долгих гласных звуков в этих говорах нет: *lu* 'кость', *pu* 'дерево', *pü* 'рябчик', *ma* 'земля', *pü* 'голова', *hir* 'мышь', *kul'ist'in* 'услышал'.

Ср. прионежский диалект: *lu*, *pu*, *pü*, *hir*, *kul'ist'in*; но *ma*, *pü*.

§ 2. В куйском говоре в первом слове вместо дифтонгов *oi*, *ui* употребляется дифтонг *ii*: *kii*f 'береза', *pii*k 'сын', *tii*n'e 'второй', *kii*r 'собака', *pü*n'e 'деревянный', *kii*f 'сухой'.

В пондальском говоре дифтонги *oi* и *ui* в первом слове употребляются: *poi*g 'сын' и *kui*w 'сухой'.

§ 3. В куйском говоре в непервом слове слова вместо дифтонгов *oi*, *ui* употребляется монофтонг *i*: *hebi*l'e 'лошадям', *kani*l'e 'курицам', *andi* 'дал', *kaci* 'смотрел', *l'ibi* 'встал', *asti* 'пошел'. В речи людей пожилого возраста встречается дифтонг *ii*: *habii*le, *hebi*il'e, *kani*il'e, *andi*il'e, *kacii*, *l'ibii*, *astii*.

В пондальском говоре в аналогичном случае употребляются дифтонги *oi*, *ui*: *haboi*l'e, *hebo*il'e, *kanoi*l'e, *andoi*, *kacui*, *l'ibui*, *astui*.

§ 4. Как в куйском, так и в пондальском говорах, а также в ряде других говоров на месте дифтонга *ei* употребляется дифтонг *ii* в словах типа *hiin* 'сено, трава', *s'iin* 'стена', *l'iip* 'хлеб', *viic* 'нож', *s'iibas* 'кол', *miid'en* 'наш'. Это явление широко распространено в вепсском языке: ассимиляция *e* в *i* под влиянием неслогового *i*.

§ 5. В куйском говоре как в первом, так и в остальных слогах на месте дифтонга *äi* употребляется дифтонг *ei* в словах типа *peif* 'день', *t'eif* 'вошь', *ei* 'много', *t'irg'eijn'e* 'письмо', *priheijn'e* 'мальчик', *korg'eijn'e* 'санки'.

В Пондале же в аналогичных случаях — дифтонг *äi*: *päiv*, *täi*, *äi*, *kirg'äijn'e*, *prihäijn'e*, *korg'äijn'e*.

§ 6. В куйском говоре в односложных основах глагола типа *d'öda* 'пить', *s'öda* 'есть', *m'öda* 'продать', *v'öda* 'нести, увезти' *ö* основы в сочетании с неслоговой *i* переходит в *i* и образует дифтонг *ii*: *d'öda*: *d'iijn'* '[я] пил', *s'öda*: *siijn'* '[я] ел', *m'öda*: *miijn'* '[я] продал', *v'öda*: *v'iijn'* '[я] увез'.

В пондальском говоре соответственно образуется дифтонг *ui* ~ *üi*: *g'üijn'*, *s'üijn'*, *müijn'*; но *viijn'* от основы *ve*: *veda* '(у)нести, (у)везти'.

§ 7. В куйском говоре как в первом, так и в остальных слогах слова на месте дифтонга *ai* употребляется дифтонг *ei*: *eižas* 'оглобля', *eiit* 'амбар', *keijk* 'все', *peit* 'рубашка', *pedei* 'сосна', *andeijzin* 'дал бы', *kaneijn'e* 'курочка'.

В пондальском говоре в аналогичных случаях дифтонг *ai* сохраняется: *aizas*, *ait*, *kaik*, *paid*, *pedai*, *andaižin*, *kanaijn'e*.

§ 8. В куйском говоре в первом слоге слова употребляется дифтонг *ou* в словах типа *louit* 'доска, плот', *gouit* 'железо', *kouf* 'ковшик', *šouk* 'мешок'.

В пондальском говоре в аналогичных случаях имеет место дифтонг *au*: *lauit*, *lauit*, *gauit*, *šauit*.

§ 9. В куйском говоре в первом слоге употребляется дифтонг *iu* в словах типа *riuut* (< *rouit*) 'солнечная сторона горы', *niuuzen* (< *noiuuzen*) 'проснусь', *riuut'in* (< *rouit'in* < *rolt'in*) 'сжечь', *kuuda* (< *kouida* < *kolida*) 'умереть', *niuuda* (< *noiuuda* < *polida*) 'лизать', *iuuda* (< *ouida* < *olida*) 'быть'.

В пондальском говоре соответственно имеем: *rouit*, *niuuzen*, *rouit'in*, *kuuda*, *noiuuda*, *ouida* ~ *iuuda*.

Ср. шокшинский говор: *kolida*, *polida*, *olida*, но *rouit'in*.

§ 10. Как в Кые, так и в Пондале в первом слоге слова употребляется дифтонг *üu* в словах типа *l'üuk* 'подбородок', *r'üun* 'край', *l'üun* 'пар в бане', *lüuta* 'найти'.

Ср. шокшинский говор: *l'öug*, *r'öun*, *l'öun*.

§ 11. В куйском говоре в первом слоге слова употребляется дифтонг *öu*: *töus* 'полный', *löutan* 'тяжело, трудно', *röuzas* 'застреха', и т. д.

В Пондале употребляется дифтонг *äu*: *l'äutan*, *t'äuz*, *t'äudub*.

Переход *л*, *л'* и *в* в *и* в конце слога

§ 12. Историческому сочетанию *ал* в куйском говоре соответствует дифтонг *ou* (< *au* < *al*): *vouit* 'воля, свобода', *d'ouk* 'нога', *houk* 'полено', *rouk* 'плата, зарплата', *soupta* 'закрой', *vouget* 'белый', *riuoudan* 'поверну', *akoü* 'у женщины', *bokoü* 'на боку', *kaikt'ou* 'езде'.

Ср. пондальский говор: *vaud*, *d'aug*, *hauk*, *paik*, *saupita*, *vauged*, *pögaudan*, *akaü*, *bokaü*, *kaikjaü*.

В шокшинском говоре в этих случаях употребляется *ал*: *akal*, *bokal*, *kaikjal*.

§ 13. В куйском говоре историческому сочетанию *ол* соответствует дифтонг *iu* (< *ou* < *ol*): *kuute* 'три' (числит.), *kuuda* 'умереть', *riuutta* 'жесть', *siu* 'на болоте', *hebiu* 'на лошади'.

В пондальском говоре ему соответствуют дифтонги *ou*, *iu*: *kouida*, *rouitin*, *soü*, *heboü*, *noüda*, *ouida*; но *kuut'e*.

Ср. шокшинский говор: *sol*, *hebol*.

§ 14. В куйском говоре историческому сочетанию *ел* соответствует дифтонг *üü* (< *eü* < *el*): *vüük* 'долг', *püüvas* 'лен', *püüt* 'поле'.

В пондальском говоре: *vöug*, *püüvas*, *püüd*.

Ср. шокшинский говор: *vüüg*, *pöüvas*, *pöüd*.

В куйском говоре сочетанию *ел* в непервых слогах соответствует дифтонг *iu* ~ *üü*: *t'irffüü* 'топором', *kiškoit'üüdase* 'потягиваться', *hernhuü* 'горохом', *t'erveh't'üüdase* 'целоваться', *veret'üüdase* 'валяться', *möskend'üüda* 'продавать', *bemb'üü* 'дуга', *petk'üü* 'пест'.

В пондальском говоре соответствия те же, за исключением *bembuü*, *petkou*.

Ср. шокшинский говор: *kirvhel*, *hernhel*, *t'erveh't'eldaze*, *veret'eldaze*, *möskend'elda*, *bembel*, *petkel*.

§ 15. Как в Кые, так и в Пондале *l* переходит в неслоговое *и* и в словах передней огласовки: *süüt* 'глаз', *küüti* 'замерз'.

Ср. шокшинский говор: *s'il'm*, *kil'm*.

§ 16. В куйском говоре в словах, заимствованных из русского языка, *л* переходит в *и*, но не во всех случаях: *buüvan* 'болван', *butuük* 'бутылка', *šüük* 'чулок', *soüdat* 'солдат', *rouitin* 'полотно', *kuüprak* 'колпак', *tuük* 'толк'; но *vilk* 'вилка', *bulk* 'булка'.

В Пондале во всех случаях *л* переходит в *и*: *buük* 'булка' и т. д.

§ 17. В куйском и пондальском говорах в абсолютном конце слова *ч* переходит в *и*: *ahou* 'ветерок', *harou* 'грабли', *orou* 'белка', *mel'üü* 'умный'. Ср.: *ahavon*, *haravon*, *mel'van*.

§ 18. Как в Кые, так и в Пондале во втором слоге слова после *h* *a* переходит в *ä* в таких словах, как *l'ih'ä* 'мясо', *prih'ä* 'парень', *vih'änd* 'зеленый'.

Ср. южнонепесские говоры: *l'iha*, *priha*, *vihand*.

§ 19. В куйском говоре в словах, в первом слоге которых произносится *i* и последующий согласный не подвержен смягчению, во втором слоге произносится *a*, а не *ä*: *mida* 'что', *mina* 'я', *s'ina* 'ты', *iga* 'век, возраст', *pidan* 'держу', *pit'kat* 'длинные', *idap* 'прорастет', *iža* 'самец', *niža* 'сосок'.

То же явление наблюдается и в Пондале. В среднепесском говоре с. Озер, где согласный в данном положении смягчается, во втором слоге выступает *ä*: *mid'ä*, *min'ä*, *s'in'ä*, *ig'ä*, *pid'an*, *pit'küä*.

§ 20. В куйском говоре в словах, в первом слоге которых выступает *e*, во втором слоге произносится *a*, а не *ä*: *t'evas* 'весна', *etak* 'хозяйка', *l'ehmat* 'коровы', *l'erad* 'ольхи'. То же явление имеется и в Пондале.

Ср. озерский говор: *kevüz*, *emänd*, *l'ehmäd*, *l'eräd*.

§ 21. В куйском говоре в 3-м л. ед. ч. в имперфекте в двусложных словах с закрытым первым слогом употребляется нефонетичное *i*: *d'oks'i* 'бежал', *küski* 'велел', *l'üks'i* 'пошел', *l'üps'i* 'доил', и т. д.

§ 22. В куйском говоре после твердых сонорных *п*, *л*, *т*, *г* и переднеязычных *з*, *с*, *т*, *д* в непервых слогах на месте *e* употребляется *o*: *sonot* 'жилы', *unot* 'сны', *hulot* 'губы', *kuülop* 'слышу', *d'ärvelo* 'на озеро', *lodolo* 'на луду (на отмель)', *kuüto* 'три', *porot* 'молодые', *korot* 'корки', *toroh* 'сырой', *kuzospei* 'с елки', *tatazo* 'отец его', *edolozo* 'вперед', *suksot* 'лыжи', *t'üksop* 'догонит', *l'ehtos* 'лист', *l'ähto* 'колодец', *kändatos* 'сметана', *t'erandos* 'ушат', *päčendos* 'опечек'.

Консонантизм

Мягкие или твердые согласные в первых слогах слова

§ 23. В куйском говоре в первом слоге перед гласными переднего ряда согласные *t, p, n, l, r, s* во всех случаях произносятся мягко: *t'öus* 'полный', *t'era* 'острие', *t'ik* 'дятел', *t'üvi* 'комель', *p'ä* 'голова', *p'eza* 'гнездо', *p'ühut* 'рябчик', *p'ölus* 'подушка', *p'ino* 'поленница', *p'ägen* 'вижу', *p'ouk* 'голод', *p'ena* 'нос', *p'übl* 'пуговица', *l'ihä* 'мясо', *l'ehm* 'корова', *l'äv* 'хлев', *l'ühut* 'короткий', *r'edu* 'трязь', *r'ücin* 'сорочка', *r'öngur* 'ревет', *r'ügir* 'кашляет', *r'ihm* 'силос', *s'ina* 'мы', *s'en* 'гриб'.

§ 24. В куйском говоре согласный *k'* перед гласными переднего ряда переходит в *t'*:

а) перед *i*: *t'irves* 'топор', *t'iitap* 'варит', *t'irg'ein'e* 'письмо', *t'ivin'e* 'каменный', *t'ibin* 'искра', *t'ivi* 'камень';

б) перед *ü*: *t'ürs* 'блин', *t'üuduk* 'каменка', *t'ündus* 'порог', *t'ündlot* 'слезы', *t'ündan* 'пашу', *t'ül'ä* 'село', *t'üzuda* 'спросить', *t'ülm'i* 'замерз', *t'ül'ein'e* 'сытый, полный, здоровый', *t'ümn'en* 'десять';

в) перед *ä*: *t'äz'i* 'рука', *t'ärd'ä* 'обернуть, обмотать', *t'ättut* 'люлька', *t'ägi* 'кукушка', *t'äbin'e* 'шпилька берестяная в челноке'; но *k'äbü* 'большой палец рукавицы';

г) перед *e*: *t'ego* 'стог', *t'ezorta* 'прясть', *t'eväs* 'весна', *t'erata* 'сбирать'.

§ 25. В куйском говоре переход *k'* в *t'* в первом слоге слова в сложных словах происходит только после палатализованных согласных, например: *kaks't'ümens* 'двадцатый', *n'el't'ümens* 'сороковой', *kuz't'ümens* 'шестидесятый'; но *kuumokümens* 'тридцатый', *viškümens* 'пятидесятый'.

Мягкие или твердые согласные в первых слогах и в конце слова

§ 26. В куйском и пондальском говорах *п* после *і* в конце слова (*п*, который первоначально употреблялся в конце слова) произносится мягко: *d'iin* 'пил, выпил', *pezin* 'мыл, вымыл', *tul'in* 'пришел', *hüvin* 'хорошо', *hondoin* 'худой', *čomin* 'хорошо, красиво'.

Ср. шокшинский говор: *d'iin, pez'in, tul'in, hivin, pahin, čomin*.

Мягко произносится и окончание адессива *-l* во множественном числе и в словах с основой на *i-*: *mägil* 'на горах', *d'ogil* 'на реках', *s'ümmil* 'глазами', *čirpil* 'серпом, серпами', *n'enil* 'носами'.

Ср. шокшинский говор: *mägil, d'ogil, sil'mil, sirpil, n'enil*.

§ 27. В куйском говоре в первом слоге слова *г* произносится твердо или мягко в зависимости от последующего гласного. Перед *і* — всегда мягкое *r*: *nagr'iš* 'репа', *tar'iš* 'надо', *kor* (<*kōri) 'кора', *t'edr* (<*tetri) 'тетерев', *hir* (<*hīri) 'мышь', *d'ür* (<*jūri) 'корень'. Перед *e* мягкое *г* встречается только в отдельном слове *or'eh* (<*orih) 'мерин'.

Некоторые особенности употребления глухих согласных в конце слова

§ 28. Особенностью куйского говора является употребление глухих взрывных, губно-губных, переднеязычных, заднеязычных, шипящих и свистящих согласных в конце слова во всех случаях. Например: *härk* 'бык', *süsus* 'осень', *t'irves* 'топор', *rugiš* 'рожь', *nagr'iš* 'репа', *arf* 'цена', *karf* 'шерсть', *korf* 'ухо', *t'ütrot* 'дочери', *hebot* 'лошади', *hebit*

'лошадей', *kanat* 'курицы' и *kanit* 'куриц', *män'it* 'пошел', *tulit* 'пришел', *t'egit* 'сделал', *rap'it* 'положил', *radap* 'работает', *tagor* 'кует', *otap* 'берет', *čarap* 'рубит', *randut* 'положенный, положенные', *riktut* 'убитый, убитые', *semetut* 'посеянный, посеянные', *tehtut* 'сделанный, сделанные', *puhut* 'дерево', *lumut* 'снежинка'.

§ 29. Взрывные геминаты в куйском и пондальском говорах представлены только в нескольких словах с основой на *и ~ ü*. Например: *kukkuda* 'куковать', *kukkip* 'кукует', *nukkip* 'дремлет'; но *l'ükip* 'бросает', *ripur* 'висит'.

Ср. шимозерский говор: *kukkuda—kukkub, nukkup, l'ükkib, rippub*.

§ 30. Более последовательно представлены геминаты *tt* и *l'l'*. Гемината *tt* употребляется в страдательно-безличных глагольных образованиях и причастиях: *iĵ kasttut* 'не помочили', *iĵ ištut* 'не посидели', *iĵ huuttut* 'не позаботились', *iĵ neittut* 'не женился'. Гемината *tt* образуется также вследствие ассимиляции *kt*: *korttat* 'высокие' (из *korktad*), *karttat* 'горькие' (из *karktad*), *rusttat* 'красные' (из *rusktad*).

§ 31. Гемината *l'l'* соответствует звуко сочетанию *l'j* некоторых говоров: *vel'l'ed* 'братья', *väl'l'äs* 'слабо', *pal'l'as* 'голый', *pal'l'* 'молот', *hil'l'emba* 'тише'.

Ср. южновепское: *vel'jed, väl'jüd, pal'jaz, pal'j, hil'jemba*.

Некоторые случаи выпадения согласных

§ 32. Выпадение и отпадение гласных и в некоторой степени согласных является характерной чертой вепского языка. В куйском говоре между сонорными *п* и *т* звук *d* выпадает и ассимиляции *п* в *т* не происходит: *anmaha* (<*andamaha*) 'давать', *t'ünmaha* (<*kündamaha*) 'пахать', *l'enmaha* (<*l'endamaha*) 'лететь, полететь'. Однако в причастиях прош. вр. согласный *d* между сонорными *п* и *п* сохраняется, хотя конечная гласная основы выпадает: *ol'in andnu* (<*andanu*), *ol'in kündnu*, *ol'in lendnu* '(я) давал, пахал, полетел'.

В пондальском говоре *d* сохраняется во всех указанных случаях: *kündamaha, l'endamaha, andnu*.

§ 33. Звук *ч* выпадает перед губными гласными как в куйском, так и в пондальском говоре: *sau* (<*savu*) 'дым', *saun* 'дыма', *väu* (<*vävü*) 'зять', *väun* 'зятя', понд. *pöu* и куйск. *püu* (<*pövü*) 'шуба', понд. *küuda* и куйск. *t'öuda* (<*kävuda*) '(с) ходить', *t'äur* (<*kävub*) 'сходит', *d'eock* (<*d'evoock*) 'девочка'.

Согласные *ж, д', г'* в начале слова и в середине и конце слова после согласных

§ 34. В вепских говорах наличествуют различно звучащие, но выполняющие одну и ту же функцию палатальные звуки *ĵ, d', g'*. Различаются они по способу образования: *ĵ* является щелевым палатальным, *d', g'* — палатальными смычными. Поскольку они в слове выполняют одну и ту же функцию, их можно считать разновидностями или вариантами одной и той же фонемы.

В куйском говоре звуку *ĵ* многих вепских говоров в начале слова соответствует *d'*: *d'ärf* 'озеро', *d'ögi* 'река', *d'üvü* 'зерно', *d'ägada*

¹ Среднеязычное *d'* мы условно обозначаем как палатализованное *d'*. Ср.: *kod'i* 'дом' (*d'* — переднеязычный, палатализованный звук) и *d'ür* 'корень' (*d'* — среднеязычный палатальный).

'делить', *d'ür* 'корень'. В пондальском говоре *g'är'v'*, *g'ogi*, *g'üv'd*, *g'ägada*, *g'ür'*, где *g'*¹ соответствует *j* ряда говоров и куйскому *d'*.

Однако в начале слога середины слова после согласного и в Пондале, и в Кые употребляется среднеязычное *g'*: *harg'üt* 'гривы', *korg'üt* 'сани', *ohg'üsot* 'вожжи', *roh'üt* ' подошвы', *lahg'üt* 'подарки', *kabg'at* 'копыта'.

В куйском говоре переднеязычное *g'* в абсолютном конце слова оглушается и также оглушается предшествующий ему согласный (если этим согласным является звонкий): *at'k'* (<*ag'g'*) 'конец', *not'k'* (<*nod'g'*) 'костер' (но: *magaz'in pod'd'üü* 'спал у костра'), *pohk'* (<*pohg'*) 'дно', *hip'k'* (<*hib'g'*) 'тело'.

В пондальском говоре этого явления не наблюдается: *ad'g'* 'конец', *pod'g'* 'костер', *hib'g'* 'тело'.

§ 35. Аффрикате *dž* в куйском говоре соответствует простой палатализованный звук *ž*: *kužu* 'щенок', *kožęita* 'скрипеть', *mžötada* 'размять', *röžęita* 'издавать треск', *čįža* 'старшая сестра', *čunž* 'червяк'. Куйскому *ž* в Пондале соответствует *z'*: *kuz'u*, *kiz'ęita*, *mž'otada*, *roz'ęita*, *čiz'ij*, *čunž'*.

Прочие фонетические особенности

§ 36. В Кые употребляется сочетание *hn*: *vahn* 'старый', *tahn* 'двор'. В Пондале имеем обратное сочетание — *nh*: *vanh*, *tanh*.

§ 37. В Куйском говоре в словах типа *ęinžin'* 'проглотил', *uinžin'* 'уснул', *s'eržin'* 'наточил', *lankšin'* 'упал', *upsin'* 'утонул' употребляются шипящие *ž*, *š*, а не свистящие *z*, *s*.

Ср. шокшинский говор: *lainz'in*, *uinz'in*, *t'eraz'in*, *lanks'in*.

§ 38. В куйском говоре у сложных числительных от одиннадцати до двадцати происходит выпадение *t'* (из *k'*): *üks'tošt'üme*, *kaks'tošt'üme* и т. д.

В пондальском говоре такого выпадения не происходит: *üks'tošt'küme* и т. д.

МОРФОЛОГО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

§ 39. В куйском и пондальском говорах в окончании генитива множественного числа сохраняется *-n*: *n'есе om akoj'd'en rat* 'это женское дело', *n'epot ota lapsid'en bobojzet* 'это детские игрушки'.

Ср. шокшинский говор: *n'есе om akj'd'e rad*, *laps'id'e bobojzet*.

§ 40. Окончание генитива *-l* при употреблении с ним агглютинатов сохраняется: *туло minuplokst ad'ivijhe* 'приходи ко мне в гости' (агглютинат *-lokst* присоединяется к окончанию генитива *-n*).

§ 41. В обоих говорах, как и в большинстве говоров вепсского языка, показатели партитива и номинатива во множественном числе после *i*, *ij* основы слова смягчаются (в куйском — *t'*, в пондальском — *d'*): *kod'it' ~ kod'id'* 'дома', *per't'it' ~ pert'id'* 'избы', *laps'it' ~ laps'id'* 'детей', и т. д.

¹ Среднеязычное *g'* не равно палатализованному *g'*. Ср. *g'ög'i* 'река' (*g'* в первом слоге среднеязычный, палатальный) и *käg'i* 'кукушка' (*g'* — заднеязычный, палатализованный).

§ 42. В этих же говорах, как и в большинстве вепсских говоров, после *i*, *ij* основы слова в инессиве употребляется фонетичное шипящее *š*, независимо от числа: *kod'is* 'дома, в доме, в домах', *per'tiš* 'в избе, в избах', *laps'is* 'в детях', *hebjš ~ hebojš* 'лошадях'.

Такое употребление шипящего имеет место и в составе окончания транслатива: *kod'iks* '(превратить(ся)) в дом, в дома', *per'tiks* '(превратить(ся)) в избу, избы', *laps'iks* '(превратить(ся)) в детей, (стать) детьми' и т. д.

§ 43. В куйском говоре огласовка окончания аллатива зависит от вокализма основы. Если в основе перед окончанием аллатива встречаются *i*, *ij*, то окончанием аллатива является *-l'e*: *anda n'ecil'e kažil'e kalad* 'дай этой кошке рыбу'; если в основе в том же положении встречается *a*, *ä*, то окончанием аллатива ед. числа является *-la*: *deočk podari prihāla posovijan raikan* 'девушка подарила парню носовой платок', *habala istihe harak* 'на осину села ворона', *anda kanala d'üvit* 'дай курице зерен'; если в основе в том же положении представлены другие гласные, то окончание аллатива будет *-lo*: *anda hebolo hijnat* 'дай лошади сена', *ühtolo prihāla kaks't'üme vot* 'одному парню двадцать лет'.

В пондальском и других говорах вепсского языка аллативной формы на *-a* нет. В пондальском говоре после конечного гласного основы на *i*, *ij* употребляется окончание *-l'e*, после других конечных гласных основы — *-lo*: *anda kagrad kanojil'e* 'дай овса курам', *anda kalad kaž'il'e* 'дай рыбы кошке', *anda kagrad kanalo* 'дай овса курице', *g'üt mindajin' sarelo* 'оставил меня на острове', *pando lavalo* 'ложись на пол'.

§ 44. В куйском говоре окончанием адессива в ед. числе является *ü*. Например: *nagrhuü om sur' nat'* 'у репы большая ботва', *mina rahnon s'irp'üü* 'я жну серпом', *s'üü meh'üü ij'e hambhit'* 'у того человека нет зубов', *p'üü l'endl'iba hüümhet* 'у рябчика полетели перья', *t'üü s'ina n'esen ot'it'* 'у кого ты это взял?'

Во множественном числе и в словах с основой на *i*-окончанием адессива является всегда *-l*, например: *mö rahnom s'irpil'* 'мы жнем серпом, серпами', *sijn'il' riptas kart'inat* 'на стенах висят картины', *t'erandosil' kand'ičeba vedon* 'в ушатах (букв. ушатами) нося воду'.

В пондальском говоре окончание адессива оформляется как и в куйском говоре: *nagrhuü, s'irp'üü, s'üü, p'üü, s'irp'il', s'ijn'il', kerandesil'*.

§ 45. В куйском говоре в словах типа *l'ehm* 'корова', *s'ijn* 'стена', *hijn* 'сено' окончанием аллатива во множественном числе является *-he*: *pejmen män'i l'ehmihe* 'пастух пошел за коровами', *aja naglat sijn'ithe* 'забей гвозди в стены'.

В пондальском говоре в подобном случае наряду с *-he* встречается *-ze, -že*: *mäni l'ehmiže*; но *s'ijn'ithe*.

§ 46. Склонение личных местоимений в куйском говоре.

Ед. ч.	Мн. ч.
Партитив <i>mindęin'</i>	<i>miit', miidamij</i>
<i>s'indejš</i>	<i>t'ijit', t'iidatij</i>
<i>nänt</i>	<i>hiit'</i>
Инессив <i>minus, minusejn'</i>	<i>miš</i>

	<i>s'inus, sinusejš</i>	<i>t'iš</i>
	<i>hänes</i>	<i>hiš</i>
Илллатив	<i>minuhin'</i>	<i>mišhe</i>
	<i>s'inuhiš</i>	<i>tišhe</i>
	<i>hänoho</i>	<i>hišhe</i>
Адессив	<i>minejn'</i>	<i>miš'</i>
	<i>sinejš</i>	<i>tiš'</i>
	<i>hänuu</i>	<i>hiš'</i>
Алллатив	<i>min'ij</i>	<i>miš'e</i>
	<i>s'iniij</i>	<i>tiš'e</i>
	<i>hänolo</i>	<i>hiš'e</i>

§ 47. В куйском и пондальском говорах в абессивном прилагательном суффиксе *-tijn'* (куйск.), *-toin'* (понд.) в им. пад. ед. ч. *n'* не отпадает, как в других говорах: *t'ädotijn' ~ k'ädotoin'* 'безрукий', *paštmatijn' ~ paštmatoin'* 'не(до)печенный (хлеб)', и т. д.

Ср. *kädetoi, paštmatoi* в других говорах.

О некоторых особенностях употребления и оформления агглютинатов

§ 48. В пондальском и куйском говорах употребляется агглютинат *-me*, который соответствует двум агглютинатам основной массы говоров: *-ke(d)* со значением 'с кем, с чем' и *-me(d) ~ -m'c(d)* со значением 'по кому-либо, по чему-либо'. Рассматриваемый агглютинат употребляется в односложных словах при партитиве и во многосложных словах при основе слова (здесь, очевидно, произошло отпадение показателя партитива). Например: *mö, ajiim (ajoim) mest'edme (mest'edme* в других говорах) 'мы ехали по лесной дороге', *tat matame ajiiba (ajoiba) kurortalö (matanke* в других говорах) 'отец с матерью поехали на курорт'.

§ 49. Агглютинат со значением приближения, направления к кому-либо или к чему-либо в куйском говоре произносится как *-lokst* и агглютинат со значением нахождения, пребывания возле кого-либо или чего-либо — как *-liu*. Например: *hän aji ełataha l'idnaha poigaplokst* 'он поехал в город жить к сыну'. *Kür ištij t'ivenliu* 'собака сидела у камня'. В пондальском говоре им соответствуют агглютинаты *-loks, -noks, (poigaploks, poigapnoks)* и *-lou, -nou (kivenlou, kivennou)*.

§ 50. Агглютинат со значением предела от и до определенного места и состояния в куйском говоре произносится как *-sat'*: *kod'ihesat' d'ai 20 virstat* 'до дому осталось 20 верст'. В пондальском говоре он произносится *-sai (kod'ihesai)*, как и во всех других говорах.

§ 51. Послелог со значением способа действия по образцу кого-либо или чего-либо в куйском и пондальском говорах произносится как *kartho*: *hän pagizep miid'en kartho* 'он говорит по-нашему'. В других говорах этот послелог имеет формы *karte, kartte, kartčikš*.

§ 52. В спряжении глагола особенностью Куи и Пондалы, как и прионежских говоров, является усеченная форма показателей 1-го и 2-го л. мн. ч.: *mö otam* 'мы берем', *t'ö otat* 'вы берете', *mö otęizim* 'мы взяли бы', *t'ö otęizit* 'вы взяли бы'.

Ср. шимозерский говор: *m'ö otamej, m'ö otęizimej, t'ö otatej, t'ö otęizitej*.

§ 53. Спряжение возвратных глаголов.

В куйском говоре

Презенс

Ед. ч.

1. *pezeme, sobime* или *pezemij, sobimij*
2. *pezete, sobiše* „ *pezetij, sobitij*
3. *pezese, sobiše* „ *pezekse, sobikše*

Мн. ч.

1. *pezemijš, sobimijš, s'ädamiš*
2. *pezetijš, sobitijš, s'ädatiijš*
3. *pezese, sobiše, s'ädase*

В пондальском говоре

Ед. ч.

1. *pezotoj, sobimoi*
2. *pezotoj, sobitoj*
3. *pezekse, sobikše* или *pezoso, sobiše*

Мн. ч.

1. *pezotojš, sobimoijš*
2. *pezotojš, sobitojš*
3. *pezosojš, sobisojš*

§ 54. В куйском говоре I инфинитив возвратных глаголов имеет форму *pestase* 'мыться', *s'ütase* 'наряжаться'; в Пондале — *pestakso, s'ädakso*.

В куйском говоре III инфинитив возвратных глаголов имеет форму *pezmahaks, pezmahazo (läks' pezmahaks ~ pezmahazo)* 'пошел мыться', в пондальском — *pezmahakso*.

В. М. ОЛЫКАЙНЕН

О ГЛАГОЛЬНЫХ СУФФИКСАХ С ЗАЛОГОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ
В СОВРЕМЕННОМ ФИНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Категория залога является одной из самых сложных грамматических категорий. Даже в такой наиболее изученной и научно разработанной группе языков, как индоевропейская, залог не получил еще достаточно ясной трактовки. Несмотря на то что в русском языкознании этому вопросу уделено немало внимания, в грамматиках русского языка до сих пор не выработана единая система залогов.

Финно-угроведы очень мало занимались проблемой залога. Как известно, в большинстве финно-угорских языков грамматическая категория залога в целом не выделяется и по залогу различаются только причастия. Но, например, в грамматиках коми и марийского языков эта категория глагола отмечается.¹ Однако из скудных высказываний о залоге, которые имеются в литературе по этим языкам, нельзя составить себе ясного представления о критериях его выделения, а также о самой сущности залога.

В грамматике коми языка „залогом называют грамматическую категорию, которая в специфической форме глагола выражает особого рода отношение действия, выраженного соответствующим глаголом, к объекту его, выраженному прямым дополнением (принимая во внимание и возможное отсутствие объекта), и к производителю этого действия“.² Грамматика марийского языка определяет залог как глагольную категорию, которая „устанавливает отношение действия к субъекту и объекту (т. е. подлежащему и дополнению)“.³ В „Современном коми языке“ произошло смешение двух планов — грамматического и реального, или логического. С одной стороны, залог выражает отношение действия к прямому дополнению, т. е. к грамматическому объекту, с другой стороны, это отношение действия к его производителю, т. е. к реальному, или логическому, субъекту. Я. Г. Григорьев различает в марийском языке три залога: действительный, страдательный и понудительный.⁴ В. М. Васильев упоминает действительный, страдательный, средний, взаимный и возвратный залогов. Понудительность же он относит к категории наклонения, считая ее

¹ См.: Современный коми язык, ч. 1. Сыктывкар, 1955; Я. Г. Григорьев. Марийский язык. Йошкар-Ола, 1953.

² Современный коми язык, стр. 229.

³ Я. Г. Григорьев. Марийский язык, стр. 156.

⁴ Там же, стр. 156, 157.

разновидностью изъявительного наклонения.¹ Напрашивается вывод, что вопрос о залог в этих языках недостаточно разработан.

В грамматиках финского языка по форме различается два „основных класса“ глагола — актив и пассив, охватывающие как переходные, так и непереходные глаголы. Но по существу своему это различие не является залоговым. В системе прибалтийско-финского спряжения существует особая форма глагола с *t*-овым показателем, которая в финском литературном языке имеет неопределенно-личное значение. Форма настоящего времени изъявительного наклонения неопределенно-личной формы в разговорном языке заменяет форму первого лица множественного числа повелительного наклонения. А в диалектах неопределенно-личная форма употребляется также как форма первого лица множественного числа изъявительного и сослагательного наклонений. Глаголы в этой неопределенно-личной форме и объединяются под названием „пассив“ в отличие от определено-личных форм, объединяемых под названием „актив“; это — глаголы типа *tehdään, tehtiin* 'делают, делается', 'делали, делалось' и *annetaan, annettiin* 'дают, дается', 'давали, давалось'.

Не отражая в современном языке залогового противопоставления глагольных форм, названия „пассив“ и „актив“ употребляются по традиции, ибо когда-то так называемый пассив действительно имел пассивный характер и изменялся по лицам и по числам. В первых письменных памятниках читаем: *ja mine pelastettiin* 'и я был спасен', *me warielaa-me* 'мы охраняемся', *sine heiteten* 'тебя бросают' (букв. 'ты бросаешься'), *te castetat* 'вас крестят' (букв. 'вы креститесь') и т. д. Личный характер имеют формы так называемого пассива и в памятниках восточной письменности. Оянуу приводит, например, такие выражения: *minna risittä* 'меня крестят' (букв. 'я крещусь'), *sinna waiwatat* 'тебя подвергают мучениям' (букв. 'ты мучаешься'), *teije kutsutite* 'вас вызывали' (букв. 'вы вызывались').² По сообщению проф. П. А. Аристе, в южноостонских диалектах личный пассив существует и поныне. Там, например, говорят: *ma kutsuta* 'меня вызывают' (букв. 'я вызываюсь'), *sa kutsutat* 'ты вызываешься' и т. д.

Непассивный характер так называемой пассивной формы глагола в современном финском языке не вызывает уже сомнений у языковедов. Еще во второй половине прошлого века отмечалось, что подлинная непассивная природа так называемого пассива стала общепризнанной.³ Дальнейшее изучение этой формы сводится к выяснению ее происхождения.⁴

Из *t*-овых пассивных форм в финском языке по залог различаются только причастия, возникшие на основе пассивной глагольной формы. Однако же и для них не характерно образование страдательных оборотов. При *t*-овом причастии законченного действия (причастие на *-tu(-ty), -ttu(-tty)*) производитель действия вообще никогда не может быть указан.

¹ В. М. Васильев. Наклонения и некоторые отглагольные формы в марийском языке. Тр. Марийск. научно-исслед. инст. яз., лит. и истор., вып. VII, Йошкар-Ола, 1955, стр. 120, 125.

² Примеры взяты из: Heikki Ojansuu. Mikael Agricolaan kielestä. Helsinki, 1909, стр. 103—104.

³ Т. А. Passivin substantiivi-muodoista. Kieletär, I, 2. vihko, Helsinki, 1872, стр. 23.

⁴ См., например, „Virittäjä“ за 1915—1916 гг.

В финском языке, однако, имеется еще страдательное причастие на *-ma(-mä)*, на основе которого образуются страдательные обороты, противопоставляемые активным. Ср., например: *Talo on isän rakentama* 'Дом построен отцом' и *Isä on rakentanut talon* 'Отец построил дом'. Причастие на *-ma(-mä)* всегда употребляется с указанием производителя действия. Такую конструкцию допускают только причастия, образованные от переходных глаголов. Поэтому можно сказать, что причастие на *-ma(-mä)* образуется обычно только от переходных глаголов или от глаголов, которые могут иногда употребляться в качестве переходных. Участие этой отглагольной формы в залоговом противопоставлении и единое залоговое значение образуемых на ее основе оборотов очевидны. Однако в литературе по финскому языку она до недавнего времени рассматривалась в разделе инфинитивов в силу общности происхождения и формального сходства с ними.

Залоговый характер тех или иных глагольных формантов определяется изменением в предложении отношения между словами, обозначающими производителя действия и объект действия, выражаемого глагольной основой. Помимо причастных показателей, залоговое значение в финском языке обнаруживают также две группы отглагольных суффиксов глаголов: суффиксы с тематическим *t* — *-ta(-tä-)*, *-tta(-ttä-)*, *-utta(-yttä-)* и суффиксы с тематическим *u(y)* — *-u(-y-)*, *-utu(-yty-)*, *-ntu(-nty-)*, относимые во всех грамматиках к словообразовательным. Близость функций этих суффиксов к функциям формообразующих суффиксов (т. е. суффиксов, образующих формы грамматической категории залога) впервые отчетливо подчеркнул советский финно-угровед Д. В. Бубрих, выделивший глаголы с этими суффиксами в особую группу „отглагольных глаголов залоговой направленности“. Глаголами залоговой направленности Бубрих называет „отглагольные глаголы, которые вносят те или иные особенности в постановку субъектно-объектных отношений в предложении“.¹ Поскольку высказывания Бубриха касаются в большей степени происхождения суффиксов, целесообразно подробнее рассмотреть их проявление в современном языке.

Действительно, при противопоставлении отглагольных глаголов с названными суффиксами их исходным формам обнаруживается, что производный глагол вызывает в предложении иное выражение отношения между субъектом-производителем действия и объектом действия. Ср., например: *minä rakentan taloa* 'я строю дом' и *minä rakennutan taloa* 'я строю дом' (через кого-то). Если в первом предложении субъект действия совпадает с подлежащим *minä* 'я', то во втором предложении это соотношение уже меняется. Глагол, присоединив к себе суффикс *-utta-*, вызывает представление о другом субъекте, который в данном предложении не находит выражения. Этот второй субъект здесь подразумевается, но он может быть выражен и отдельным словом (в форме адессива), например: *minä rakennutan vieraalla taloa* 'я строю дом через чужого'. Подлежащим *minä* 'я' здесь выражается побочный субъект, роль которого сводится только к побуждению или понуждению. Он является как бы только инициатором действия, а производителем действия является лицо, грамматически оформляющееся в предложении как косвенное дополнение или только подразумевающееся.

¹ Д. В. Бубрих. Историческая морфология финского языка. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, §§ 204—214.

Или же ср.: *minä pesen vaatteita* 'я стираю белье' и *minä peseydyn* 'я умываюсь'. Прибавление суффикса *-yty-* к основе глагола *pestä* (основа наст. вр. *pes-*) 'стирать, мыть' точно так же вызывает изменение в выражении субъектно-объектных отношений, хотя это изменение и имеет уже другой характер, чем в предыдущем случае, где изменение по существу касалось изменения в выражении отношения действия к его субъекту. Ведь если при форме *rakentaa* 'строить' подлежащее *minä* 'я' выражало единственного производителя действия, то при форме *rakennuttaa* 'заставлять строить, строить через другого' оно выражает только побочный субъект и глагол вызывает представление о другом субъекте — непосредственном исполнителе действия. Эти два субъекта получают в предложении различное выражение. Различие в выражении отношения действия к субъекту сводится к тому, участвует ли в действии один субъект, выраженный в предложении как подлежащее, или же в нем, как бы на разных правах, участвует два субъекта, из которых главный выражается в предложении как косвенное дополнение, а побочный — как подлежащее.

Прибавление суффикса *-yty-* к основе глагола *pestä* 'стирать, мыть' вызывает другое изменение в предложении, выражающееся в том, что при глаголе становится невозможным поставить прямое дополнение. Это синтаксическое изменение обусловлено тем, что с прибавлением суффикса глагол уже не вызывает представления о постороннем объекте, а действие направляется на его производителя. Изменение отношения действия к объекту находит свое грамматическое выражение в отсутствии при глаголе прямого дополнения. Отношение действия к субъекту остается без изменения как в логическом смысле, так и в плане его грамматического выражения.

Суффиксы глаголов, обуславливающие изменения в выражении субъектно-объектных отношений, имеются во всех финно-угорских языках. Ср., например, в коми языке: *Бабб гижё письмо* 'Бабушка пишет письмо' и *Бабб гижёдö письмо* 'Бабушка пишет письмо с помощью кого-то', *Иван дорö коса* 'Иван куёт косу' и *Иван дорсёб* 'Иван занимается кузнечным делом'; в венгерском языке: *Az asszony kenyeret hoz* 'Женщина приносит хлеб' и *Az asszony kenyeret hozat* 'Женщина велит принести хлеб', *A kulcsot megfordították a zárban* 'Ключ повернули в замке' и *A kulcs megfordult a zárban* 'Ключ повернулся в замке';¹ в эстонском языке: *Laps uinub magama* 'Ребенок засыпает' и *Ema uinutab last magama* 'Мать укладывает спать ребенка'. Или же сравни следующие глагольные пары в эрзя-мордовском языке: *кадомс* 'оставить' и *кадовомс* 'остаться', *теемс* 'сделать' и *теевемс* 'сделаться', *куломс* 'умереть' и *куловтомс* 'умертвить'; в марийском языке: *лудам* 'читаю' и *лудыктом* 'заставляю читать', *мурем* 'пою' и *мурыктем* 'заставляю петь'.

Но одно наличие в языке глагольных суффиксов, обуславливающих изменения в выражении субъектно-объектных отношений, еще не позволяет делать вывод, что глаголу в этом языке присуща грамматическая категория залога. Конечно, понятие о каком-либо грамматическом значении возникает только тогда, когда это значение облекается в определенную грамматическую форму. Но для того чтобы грамматическое

¹ Примеры по коми языку взяты из учебника „Современный коми язык“ (стр. 230); первые два венгерских примера взяты из „Учебника венгерского языка“ М. Мико (Budapest, 1953, стр. 106).

значение приобрело смысл грамматической категории, выражающая его форма должна достигать высокой степени грамматической абстракции, т. е. охватывать большое количество однородных элементов независимо от конкретных лексических значений отдельных слов. По отношению к залогу в финно-угорских языках глагольные суффиксы, вызывающие изменение в выражении субъектно-объектных отношений в предложении, должны охватывать большое количество глаголов независимо от их лексических значений. Если обнаруживается, что какой-либо один или несколько таких суффиксов регулярно присоединяется к подавляющему большинству глаголов или хотя бы даже к большинству, например, переходных глаголов и эти производные глаголы имеют одно общее значение, отличное от значения, объединяющего их исходные формы, то можно говорить о наличии в языке двух залогов. Залогов может быть и больше, чем два, но в языке невозможен один залог, так как залоговое значение, как всякое грамматическое значение, выявляется только при противопоставлении.

Учитывая специфику проявления залоговых значений в финском языке, следует присоединиться к мнению проф. В. И. Лыткина, высказанному им по отношению к пермским языкам, что залоговые значения нельзя рассматривать в одной плоскости, так как они выявляются только в противопоставлении пар.¹ Следовательно, система залогов образуется из одной или нескольких залоговых пар. Такая точка зрения проводится в грамматике „Современный коми язык“. Видимо, такая постановка вопроса будет верна и для других финно-угорских языков.

Залог выражает отношения, и для понимания сущности залоговых значений необходимо разграничивать грамматические (синтаксические) и реальные (логические) отношения. Изменение в залоге есть изменение грамматических отношений. Реальные отношения могут при этом меняться, а могут и не меняться. Например, при сопоставлении страдательных и действительных оборотов в русском языке обнаруживается, что реальные отношения между субъектом и объектом действия остаются при этом неизменными, изменяются только синтаксические отношения между словами, выражающими субъект и объект действия. Одни и те же реальные отношения получают различное грамматическое выражение. При сопоставлении же предложений с действительными глаголами и с глаголами возвратного значения оказывается, что изменение грамматических отношений, вызываемое присоединением к глаголу частицы „-ся“, влечет за собой изменение реальных отношений между субъектом и объектом действия. Сравни, например: „я моюсь“ и „я мою пол“. В первом случае выраженное глаголом действие не допускает постороннего объекта, что грамматически проявляется в отсутствии и невозможности постановки прямого дополнения, в отличие от второго случая, где прямое дополнение налицо (или может подразумеваться).

Изменение в залоге — это такое изменение формы глагола, которое вызывает изменение синтаксических отношений между словами, обозначающими субъект и объект действия, выражаемого глагольной основой, другими словами — это такое изменение формы глагола, ко-

¹ См. В. И. Лыткин. Понудительный залог в пермских языках. Тезисы докладов на совещании по вопросам финно-угорского языкознания 9—12 марта 1954 г., М., Институт языкознания, стр. 20.

торое отражается в оформлении подлежащего и дополнения в предложении. Характер этих изменений может быть различным в зависимости от специфики языка.

Исходя из изложенного понимания залога, постараемся выявить залоговые оттенки одной из двух групп суффиксов залоговой направленности — группы *-ta(-tä-)*, *-tta(-ttä-)*, *-utta(-yttä-)* — и определить степень грамматикализации этих суффиксов в современном финском языке.

В существующей финской лингвистической литературе суффиксы залоговой направленности с точки зрения залога не рассматривались. Даже предложенный Каннелином специальный термин „качество действия“ (*teonlaatu*), как соответствие шведскому термину *aktionsart* из книги Норэна „Наш язык“ („*Vårt språk*“), относится и к видовым, и к залоговым, и к другим значениям глаголов.¹

Как известно, суффиксы залоговой направленности имеют очень древнее происхождение и восходят к финно-угорской языковой общности. Фонетические соответствия их прослеживаются в других современных финно-угорских языках. Как суффиксы с тематическим *t*, так и суффиксы с тематическим *u(y)* являются одними из самых распространенных и продуктивных суффиксов глагола в финском языке. С их помощью производятся глаголы от других глаголов и от имен. Но эти суффиксы отличаются от других продуктивных глагольных суффиксов тем, что, будучи присоединенными к глаголам, часто меняют залоговое значение глагола.

СУФФИКСЫ *-ta(-tä-)*, *-tta(-ttä-)*, *-utta(-yttä-)*

Суффикс *-ta(-tä-)* в отглагольных глаголах следует после согласного, а *-tta(-ttä-)* после гласного звука, например: *harven-ta-a* ‘делать редким’, от *harveta* ‘редеть’ (гласная основа наст. вр. *harvene-*; при присоединении суффикса *-ta-* конечный гласный основы *e-* выпадает), *pääs-tä-ä* ‘пускать, освобождать’ от *päästä* ‘избавиться, освободиться, попасть’ (гласная основа наст. вр. *pääse-*, согласная *pääs-*), *istu-tta-a* ‘заставлять сидеть, сажать’ от *istua* ‘сидеть’, *itke-ttä-ä* ‘заставлять плакать’ от *itkeä* ‘плакать’. К многосложным основам вместо суффикса *-tta(-ttä-)* присоединяется суффикс *-utta(-yttä-)*, если основа глагола не оканчивается на *u-*, *y-*, например: *kirjoit-utta-a* ‘заставлять писать’ от *kirjoittaa* ‘писать’ (основы наст. вр. *kirjoita-*, *kirjoitta-*; конечный гласный основы *a-* при присоединении суффикса выпадает). Иногда этот суффикс присоединяется и к двухсложным основам, например: *pala-utta-a* ‘возвращать’ от *palata* ‘возвращаться’ (гласная основа *pala-*).

t-овые суффиксы² образуют глаголы как от непереходных, так и от переходных глаголов, присоединяясь и к непроизводным и к производ-

¹ См.: Knut Cannelin. Havaintoja suomenkielen denominaalisten johdannaisverbien alalta. Suomi, V, 10. osa, Helsinki, 1930, стр. 21.

² Это название вводится для удобства изложения и охватывает исключительно только данные суффиксы с тематическим *t*. О происхождении суффиксов см.: Josef Szinyei. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Berlin—Leipzig, zweite Auflage, 1922, стр. 111—112; T. Lehtisalo. Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, LXXII, Helsinki, 1936, стр. 265—266, 274—301, 317, 322—325; А. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. I. М., 1953, стр. 55, 249—255, 261—262 (русс. перевод); Д. В. Бурбах. Историческая морфология финского языка, § 206.

ным основам. Сравни, например, *seisottaa* 'заставлять стоять' от *seisoa* 'стоять' и *rakennuttaa* 'строить через кого-либо' от *rakentaa* 'строить', а также *ui-tta-a* 'купать, заставлять плавать' от *ui-da* 'плавать' и *val-kais-utta-a* 'дать побелить' от *valkais-ta* 'белить' (при *valko-*, *valkea* 'белый').

Однако при исследовании способов присоединения этих суффиксов к разным типам глагольных основ обнаруживается, что ко многим типам они не присоединяются или почти не присоединяются, как например к глаголам с трехсложной основой на *itse-*, на *ksi-* и на *ksu-*, *ksy-* (*palkitsee* 'награждает', *halveksii* 'пренебрегает', *raheksuu* 'не одобряет', *hyväksyy* 'одобряет'), к трех- и четырехсложным глаголам с основой на *(eh)ti-* (*luonnehtii* 'характеризует'), к многосложным глаголам с основой на *oi-*, *öi-* (*lapioi* 'сгребает лопатой', *esitelmöi* 'читает лекцию'), к непереходным трехсложным глаголам с основой на *aise-*, *äise-* (*käväisee* 'сходит'), к четырехсложным глаголам с основой на *ele-*, *ile-* (*työskentelee* 'работает'). Почти без исключения принимают *t*-овые суффиксы только трехсложные глаголы с основой на *ise-*, которые являются непереходными, по своему значению — образительными, преимущественно звукоподражательными (*juryis-yttä-ä* 'заставлять греметь' от *juryis-tä* 'греметь'; гласная основа *juryise-*, согласная — *juryis-*), и трехсложные глаголы с основой на *ne-*, также непереходные и являющиеся главным образом отыменными производными (*alen-ta-a* 'понижать' от *alet-a* 'понижаться'; гласная основа *alene-*, согласная — *alet-*).

Некоторые глаголы принимают *t*-овый суффикс только в соединении с суффиксом *-ele-*. Сравни, например: *leikki-ä* 'играть' и *leiki-ttele-e* 'шутит, играет, забавляется', *neuvo-a* 'советовать, учить, наставлять' и *neuvo-ttele-e* 'советуется, совещается, переговаривается'.

Нельзя дать абсолютно точного подсчета образования *t*-овых производных от разных типов глагольных основ, так как теоретическая возможность образования этих производных гораздо шире их употребления. Учесть все случаи индивидуального употребления таких глаголов практически невозможно. Однако ясно, что *t*-овые производные употребляются менее чем от половины финских глаголов.

Все отглагольные *t*-овые производные, за очень редким исключением, являются переходными, независимо от того, от каких глаголов они образованы, — от непереходных или от переходных. Кроме этого синтаксического свойства, часть отглагольных *t*-овых глаголов имеет залоговое значение, проявляющееся в разных синтаксических отношениях между словами, выражающими производителя действия и объект действия, в зависимости от того, образовано ли данное производное от переходного или от непереходного глагола, может ли производящий переходный глагол употребляться в непереходном значении, является ли прямое дополнение при производном одушевленным или неодушевленным предметом.

В финской лингвистической литературе рассматриваемые *t*-овые производные обычно называются каузативными.¹ Но под этим термином иногда объединяются и глаголы других структурных типов. Например, Хакулинен относит в разряд каузативных глаголов и переходные глаголы, произведенные от непереходных с помощью суффикса *-aise(-äise-)*, такие как *aukaista* 'открыть', *halkaista* 'расколоть', *kat-*

¹ См.: Kettunen-Vaala. Suomen kielloppi. 7. p., Porvoo, 1950. (раздел „Verbien johtimia“).

kaista 'оборвать, отрезать', а также многие отыменные глаголы, например: *munia* 'класть яйца, нестись', *pesiä* 'гнездиться, вить гнездо', *poikia* 'приносить детенышей', *tähkiä* 'колоситься', *ikävöidä* 'скучать, тосковать', *kapinoida* 'восставать, бунтовать', *liekehtyä* 'пылать', *välkehtyä* 'блестеть, сверкать'. Под термином „каузативный“ он, таким образом, понимает всякое вызывание процесса действия, как переходного, так и непереходного, независимо от того, является ли коренное слово глаголом или именем. Но зато Хакулинен не относит к каузативным *t*-овые отглагольные производные со значением „заставлять делать“, выделяя их в особую группу куративных глаголов.¹ Этот термин был предложен К. Каннелином, считавшим необходимым отграничить группу *t*-овых производных от каузативных *t*-овых отглагольных производных. По мнению Каннелина, такое разграничение должно основываться на том, от непереходного или от переходного глагола образованы производные. За первыми сохранилось бы уже принятое название „каузативных“, а последние назывались бы „куративными“.² Это разграничение проводится в издающемся в настоящее время в Финляндии толковом словаре финского языка „Nykysuomen sanakirja“, где вместо пометы „куративный глагол“ употребляется помета „фактитивный глагол“.

Однако Хакулинен называет фактитивными *t*-овые, а также не *t*-овые отыменные глаголы, обозначающие „превращение в то, что выражает коренное слово“.³ Примерно такое же употребление этого термина (в форме „фактитивный“) наблюдается в грамматике Айрилы⁴ и в грамматике авторов Кеттунена—Ваулы.

Правда, выделение среди *t*-овых отглагольных производных фактитивных глаголов не основывается в словаре на принципе, указанном Каннелином, так как помета „фактитивный глагол“ охватывает и целый ряд производных, образованных от непереходных глаголов, например: *nukuttaa* 'заставлять спать' от *nukkua* 'спать', *kilpailuttaa* 'заставлять соревноваться' от *kilpailla* 'соревноваться', *kukuttaa* 'заставлять куковать' от *kukkuu* 'куковать'. Каузативный глагол в словаре определяется как отглагольное производное, обозначающее „вызывание действия, выраженного коренным словом“ („kantasanan ilmaiseman toiminnan ai heuttamista“). Фактитивным глаголом называется производное, указывающее на то, что выраженное коренным словом действие принуждает кого-либо совершить („kantasanan ilmaiseman toiminnan teettäminen“). В словаре не помечены как каузативные *t*-овые производные, образованные от непереходных глаголов с основой на *ne-* типа *pimentää* 'затемнять' от *pimettä* (основа *pimene-*) 'темнеть', тогда как, например, в грамматике Кеттунена и Ваулы они считаются каузативными. Д. В. Бубрих называл отглагольные *t*-овые глаголы причинительными. В русской литературе получил также распространение термин „понудительный глагол“.

¹ Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. I (раздел „Глагольные суффиксы“).

² См.: Knut Cannelin. 1) Sanansyntyopin asema äidinkielen opetuksessa. Virittäjä, 1931, 2. v., стр. 194; 2) Havaintoja suomenkielen denominaalisten johdannaisverbien alalta, стр. 21—22.

³ Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. I, стр. 269.

⁴ См.: M. Aitila. Suomenkielen äänne- ja sanaoppi. 4. p. Porvoo, 1931, § 46.

Ввиду большого разнобоя в терминологии в дальнейшем при разборе семантики *t*-овых отглагольных глаголов будем говорить только о понудительном и непонудительном значениях этих глаголов.

1. *t*-овые отглагольные глаголы с понудительным значением

Обычно говорят, что с присоединением *t*-ового суффикса к переходному глаголу глагол может стать вдвойне переходным. Это значит, что присоединение суффикса к глаголу может вызвать появление в предложении нового дополнения, помимо прямого. Это новое дополнение, являясь объектом побуждения, понуждения, приказа, исходящего от подлежащего, включает в себе главный субъект, подлинного производителя действия, выраженного глагольной производящей основой. В отличие от прямого дополнения это дополнение имеет форму адессива. Например: *Hän tutkituttaa säännöllisesti hampaansa hammaslääkärillä* 'Он регулярно проверяет (заставляет проверить) свои зубы у зубного врача'; *Hän teettää kotityöt vieraillla* 'Работы по дому ему делают чужие (он заставляет делать чужих)'.

Главный субъект действия в этих предложениях выражен словами *hammaslääkäri* 'зубной врач' и *vieraat* 'чужие' в адессиве и является одушевленным предметом. Случаи выражения производителя действия словом в форме адессива, когда этот производитель неодушевленный предмет, редки. Чаще подобные конструкции встречаются в старой письменности и в народном эпосе. Например, в „Калевале“ имеется выражение: *Lapsen tauilla tapatti...* (Kalev., XXXI) 'Ребенка болезнью умертвила...'; где в слове *tauti* 'болезнь' в форме адессива представлен непосредственный производитель действия — умерщвления. В литературе XIX в. довольно часто можно встретить употребление названия непосредственного производителя действия при *t*-овом производном глаголе в генитиве с послелогом *kautta* 'через'. Например: *Kysäseppä rovastilta, jos satut näkemään... eli kysyttyä ruustinnan kautta, jos ei se itse sitä tiedä, että onko niissä minkälaiset pyörät niissä vauhuissa...* (Aho. Rautatie) 'Спроси-ка у пастора, если увидишь... или спроси (вели спросить) через пасторшу, если она сама не знает, есть ли какие-нибудь колеса в этих вагонах?..'; *Ilmoitutti tutkiokunta professori Akianderin kautta seuraavan arvostelun Coranderin Latinan kieliopista...* (Suomi, 1858) 'Комиссия объявила (поручила объявить) через профессора Акиандера следующее заключение о Латинской грамматике Корандера...'

Здесь получается своего рода тавтология. При послеложной конструкции достаточно употребления глаголов в их исходной форме: *kysyä* 'спросить' и *ilmoittaa* 'объявить'. В настоящее время эти обороты выглядели бы как *kysyä ruustinnan kautta* 'спросить через пасторшу' и *ilmoittaa professori Akianderin kautta* 'объявить через профессора Акиандера'. Но такие обороты сейчас мало употребляются, так как имеются более удобные средства выражения. Вместо *kysyä ruustinnan kautta* гораздо проще было бы сказать: *pyytää ruustinnaa kysymään* (букв. 'попросить пасторшу спросить'); вместо *tutkiokunta ilmoitti professori A. kautta* лучше было бы сказать: *tutkiokunnan toimeksiantosta professori A. ilmoitti* 'по поручению комиссии профессор А. объявил'.

При *t*-овых производных, образованных от переходных глаголов, слово, выражающее главного производителя действия, может опускаться

каждый раз, когда нет особой необходимости его указывать. Действующее лицо тогда только подразумевается. Такие обороты употребляются очень широко. В речи чаще всего оказывается более важным указать только на то, что действие совершается не подлежащим, а по его побуждению, понуждению, приказу, тем более, что действующее лицо часто выясняется из контекста. Например: *Virallisesti oli työpäivä kymmentuntinen, mutta lisäksi teetettiin ylitöinä niin paljon kuin tehdä jaksoi* (Vikström. Käy eesp.) 'Официально рабочий день был десятичасовой, но вдобавок заставляли работать сверхурочно, сколько было возможно'; *Jos olisi ollut aika toinen, niin hän olisi yksinkertaisesti ammuttanut pääpukarit* (там же) 'Если бы время было другое, так он бы просто приказал расстрелять зачинщиков'.

Все приведенные примеры показывают, что отглагольный *t*-овый глагол обуславливает иное по сравнению со своей исходной формой выражение отношения между субъектом и объектом действия. Вызывая представление о втором субъекте, непосредственном исполнителе действия, он вместе с тем влечет за собой изменение строя предложения. Главный субъект действия выражается в предложении уже не подлежащим (если он вообще выражен), а косвенным дополнением в форме адессива. Выражение объекта действия не претерпевает при этом изменений. Точнее говоря, все приведенные *t*-овые глаголы, образованные от переходных глаголов, отличаются по значению от своих коренных слов выражением отношения действия к его субъекту. При последних субъект действия равен в предложении подлежащему, тогда как первые предполагают наличие двух субъектов, главного и побочного. Побочный субъект равен в предложении подлежащему, главный — косвенному дополнению. Роль побочного субъекта сводится к понуждению другого субъекта, который непосредственно исполняет действие, выраженное исходной формой глагола.

Значение понудительности характерно и для *t*-овых глаголов, образованных от непереходных глаголов. Выделяется немало таких производных со значением явного побуждения или понуждения совершить действие или прийти в состояние, выраженное коренным глаголом. Например: *Aiti nukuttaa lapsia verannalla* 'Мать заставляет детей спать на веранде'; *Hän naurattaa seuraa kaikenlaisilla hassutuksillaan* 'Он смешит (заставляет смеяться) компанию разными чудачествами'; *Komentaja marssittaa joukkoja väsyksiin asti* 'Командир заставляет войско маршировать до усталости'; *Opettaja seisottaa poikaa nurkassa* 'Учитель заставляет мальчика стоять в углу'; *Poika juoksuttaa koiraa perässään* 'Мальчик заставляет собаку бегать следом за собой'; *Isäntä istutti vieraan tuolille* 'Хозяин посадил (велел сесть) гостя на стул'.

Во всех этих случаях можно в первую очередь констатировать, что *t*-овые производные: *nukuttaa* 'заставлять спать', *naurattaa* 'заставлять смеяться', *marssittaa* 'заставлять маршировать' и др. — вызвали обязательное появление при себе прямого дополнения. С превращением глаголов из непереходных в переходные, требующие обязательной постановки прямого дополнения, меняется и их залоговое значение; *t*-овый суффикс придает им значение понудительности. Эти производные отличаются от обыкновенных переходных глаголов. Если при последних подлежащее и прямое дополнение соответствуют реальному субъекту и объекту действия, как например в предложении *poika lukee kirjaa* 'мальчик читает книгу', где глагол *lukea* 'читать' является обык-

новенным переходным глаголом, то в выше приведенных примерах это соответствие как бы нарушается. Роль подлежащего, выраженного в них словами *äiti* 'мать', *hän* 'он', *komentaja* 'командир' и т. д., сводится к понуждению, побуждению, просьбе, повелению. От него исходит инициатива действия, названного в исходной форме глагола. Непосредственный исполнитель действия, главный субъект, выражен словом, несущим в предложении функцию прямого дополнения. В приведенных предложениях это слова: *lapset* 'дети', *seura* 'компания', *joukot* 'войско, войска', *poika* 'мальчик', *koira* 'собака', *vieras* 'гость'. Чтобы в этом убедиться, можно обратить сочетания глагола-сказуемого с прямым дополнением в форму, когда слово, бывшее прямым дополнением, окажется подлежащим при сказуемом, выраженном коренным словом данного *t*-ового производного. Это сочетания: *lapset nukkuvat* 'дети спят', *seura nauraa* 'компания смеется', *joukot marssivat* 'войско марширует', *poika seisoo* 'мальчик стоит', *koira juoksee* 'собака бежит'. Таким образом, очевидно, что приведенные предложения фактически лишены реального объекта действия, выраженного в исходной форме глагола, а прямое дополнение выражает только объект побуждения, понуждения, исходящего от подлежащего.

Значение понудительности может, как мы видим, объединять *t*-овые глаголы, образованные как от переходных, так и от непереходных глаголов. Эти два вида *t*-овых глаголов могут иметь одно и то же залоговое значение, заключающееся в сходном выражении отношения действия к его субъекту. И в том и в другом случае подлежащее выражает побочный субъект действия. Непосредственный исполнитель его представлен в дополнении, в первом случае — в косвенном (в форме адессива, если он вообще упоминается), во втором случае — в прямом дополнении.

Но *t*-овые производные, образованные от переходных глаголов, свободно допускающих непереходное, т. е. абсолютное употребление, могут вести себя так же, как и производные, образованные от непереходных глаголов, обычно в том случае, если прямое дополнение при них является одушевленным предметом. Сравни, например: *minä seisotan poikaa* 'я заставляю мальчика стоять' и *minä luetaan poikaa* 'я заставляю мальчика читать'. В первом примере *t*-овый производный глагол *seisottaa* 'заставлять стоять' образован от непереходного глагола *seisoa* 'стоять', во втором примере такой же производный глагол *luettaa* 'заставлять читать' образован от переходного глагола *lukea* 'читать'. Производитель действия в обоих случаях выражен прямым дополнением, в данном случае словом *poika* 'мальчик', потому что можно сказать *poika lukee* 'мальчик читает' без прямого дополнения, наподобие *poika seisoo* 'мальчик стоит'. Если же во втором примере в прямом дополнении заменить одушевленный предмет неодушевленным, то грамматическое выражение производителя действия уже изменится. В предложении *minä luetaan kirjettä* 'я заставляю читать письмо' производитель действия уже не заключен в прямом дополнении. Сразу понятно, что выражающее его слово *kirje* 'письмо' обозначает предмет, являющийся объектом действия какого-то постороннего лица, которое при желании можно показать. Выразим это лицо опять словом *poika* 'мальчик', и тогда предложение примет вид *minä luetaan pojalla kirjettä* 'я заставляю мальчика читать письмо'. Здесь прямое дополнение *kirjettä* 'письмо' не является уже объектом понуждения, исходящего от подлежащего, как в первом случае и как это бывает при

t-овых производных, образованных от непереходных глаголов, которые никогда не вызывают появления в предложении другого дополнения в адессиве.

Условие одушевленности прямого дополнения при указанных производных, образованных от переходных глаголов, допускающих абсолютное употребление, необязательно. Но выражаемый прямым дополнением предмет должен тогда представляться как одушевленный, что обычно наблюдается при образной речи. Например, в предложении *hän laulatti pitkän aikaa konekivääriään* 'он долго заставлял петь свой пулемет' прямое дополнение *konekivääriään* 'свой пулемет' при таком производном *laulatti* 'заставлял петь' выражается неодушевленным предметом, но воображаемым в качестве одушевленного.

Разное грамматическое выражение непосредственного производителя действия, главного субъекта, вызываемое в предложении *t*-овым производным с понудительным значением, образованным от переходного глагола, зависит, следовательно, от того, употребляется ли производящий его глагол в абсолютном значении, и от того, чем выражено при производном прямое дополнение — одушевленным или неодушевленным предметом.

Из двух следующих предложений: *minä haetan lapset tupaan* 'я велю привести детей в избу' и *minä haetan puut tupaan* 'я велю принести дрова в избу' — в первом прямое дополнение при *t*-овом производном глаголе *haettaa* 'велеть (заставить) принести, велеть (заставить) привести' выражено одушевленным предметом *lapset* 'дети', во втором при том же производном — неодушевленным предметом *puut* 'дрова'. Тем не менее главный субъект действия получает одинаковое выражение (в данном случае подразумевается) именно потому, что производящий глагол *hakea* 'принести, привести, доставить' не употребляется в языке в непереходном значении, а является в полном смысле переходным глаголом.

t-овые производные, образованные от непереходных глаголов, имеют разные оттенки понудительного значения. Кроме явного понуждения, приказа, повеления, в них может чувствоваться оттенок допущения, дозволения, действия, происходящего помимо желания или вопреки желанию субъекта-понудителя. Например: *vuodattaa kyyneleitä* 'проливать слезы', *kadottaa rahansa* 'потерять свои деньги', *päästää lapset ulos* 'дозволить детям выйти на улицу', *kasvattaa itselleen parta* 'отпустить себе бороду', *kuluttaa vaatteita* 'трепать одежду'.

Следует, однако, заметить, что понятие понудительности по отношению к этим глаголам является весьма условным, особенно когда прямое дополнение при таком *t*-овом глаголе выражено неодушевленным предметом. Если в выражении *marssittaa jotakuta* 'заставить кого-либо маршировать' понудительный оттенок *t*-ового глагола *marssittaa* 'заставить маршировать' обозначен четко, т. е. прямое дополнение воспринимается как выразитель реального исполнителя действия, названного в исходной форме этого глагола *marssia* 'маршировать', то в большинстве случаев это залоговое противопоставление стирается. С ним переплетается другое залоговое противопоставление. Ведь с прибавлением *t*-ового суффикса непереходный глагол приобретает синтаксическое свойство переходности, т. е. получает прямое дополнение. Это синтаксическое изменение скорее всего может истолковываться как выражение изменения отношения действия к объекту, а не к субъекту, потому что *t*-овый глагол, образованный от непереходного

глагола, может восприниматься, и часто действительно воспринимается, как обыкновенный переходный глагол, действие которого переходит на объект. Тогда подлежащее воспринимается как единственный субъект, субъект-исполнитель действия, названного в *t*-овом глаголе, а не как субъект-инициатор действия, названного в производящем глаголе. Это другое залоговое противопоставление — выражение отношения действия к его объекту — доминирует над залоговым противопоставлением понудительности и непонудительности, определяемым как выражение отношения действия к его субъекту.

Таким образом, значение понудительности может выражаться грамматически совершенно отчетливо только у тех *t*-овых производных, которые образованы от переходных глаголов. Производные, образованные от непереходных глаголов, имеют залоговое значение объектности, с которым переплетается залоговое значение понудительности. Приписывание значения понудительности тому или иному *t*-овому производному, образованному от непереходного глагола, основано не на грамматике, а на логике, когда прямое дополнение воспринимается как субъект действия, выраженного в исходной форме *t*-ового глагола. Это создает условность в признании за указанными глаголами понудительного залогового значения.

Следовательно, рассмотренные два типа *t*-овых производных в залоговом отношении неоднородны.

Отдельно нужно выделить *t*-овые отглагольные глаголы с безличным значением. Чаще — это глаголы, произведенные от непереходных глаголов. Но безличное значение могут иметь и производные, образованные от переходных глаголов, если последние употребляются в непереходном, абсолютном значении. Безличное значение происходит от того же понудительного значения, но предмет, понуждающий к действию, отсутствует и в предложении не подразумевается. Например: *lasta väsyttää* 'ребенок устал (ребенка утомляет)', *päätä pyörryttää* 'голова кружится (голову кружит)', *häntä epäilyttää* 'его берет сомнение', *on toisinaan vähän kirjoittanut* 'иногда немного хочется (заставляет) писать'.

t-овые отглагольные производные с безличным значением могут в других конструкциях выступать как личные, т. е. иметь при себе подлежащее. В безличном значении эти глаголы тоже все переходные; прямое дополнение стоит всегда в форме партитива.

В финском языке наблюдается исчезновение в какой-то мере *t*-овых отглагольных глаголов, выражающих понудительность. Понудительное значение присуще обычно только незначительному числу глаголов, выражающих конкретное действие, прежде всего таким, как *tehdä* 'делать', *ommella* 'шить', *leikata* 'резать, кроить', *laittaa* 'делать, налаживать', *rakentaa* 'строить', *lukea* 'читать', *kirjoittaa* 'писать', *nauraa* 'смеяться', *itkeä* 'плакать', *juosta* 'бежать', *seisoa* 'стоять', *istua* 'сидеть', *nukkua* 'спать'. В большинстве случаев понудительное значение передается описательно, сочетанием не-*t*-ового глагола с другим глаголом, имеющим значения 'заставлять, понуждать, приказывать, дать, позволять' и т. п. Только этот способ является универсальным способом передачи разных оттенков понудительного значения.

В эстонском языке, между прочим, совсем не употребляются *t*-овые производные с понудительным значением от переходных глаголов, и понудительность передается только описательно. Вместо финского *hän kirjoittuttaa kirjeen veljellä* 'он пишет письмо с помощью брата

(брат пишет вместо него) по-эстонски следует: *tema laseb kirjutada kirja vennal* 'он заставляет брата писать письмо'. Для финского же языка эта конструкция является нормой. Но в литературе XIX в. такие глаголы употреблялись чаще, чем теперь. Например: *...erüät käsikirjoitukset... jotka minulle lainaksi lähetytti Pietarin Tiede-Akatemia...* (Ahlgvist. 4. matkakert., Suomi, 1857) '...некоторые рукописи..., которые мне одолжила (поручила кому-то прислать мне в долг) Петербургская Академия наук...'; *...velkamiehet selityttökööt hänen kirjansa ja luovunlaskunsa* (Lönnrot. Lakikirjan käänn., Suomi, 1857) '...кредиторы пусть выяснят (заставят выяснить, раздобыться) его бумаги и расчеты'; *Koulunopettaja J. Heinonen jätetti Seuralle luettelon oudoimmista sanoista Kantelettaessa...* (Suomi, 1865) 'Школьный учитель И. Хейнонен оставил (через кого-то) Обществу список с наиболее необычными словами в „Кантелетаре“...'. Употребление в этих примерах *t*-овых производных теперь уже кажется архаичным. Даже у Лассила еще можно встретить случаи употребления *t*-овых производных с понудительным значением от переходных глаголов, не совсем обычные для современных авторов: *Ja silloin käänsi hän hevonsensa kujasille ja vedätti kuormansa Hyväriseen taloon* (Lassila. Tulitikk. lain.) 'И тогда повернул он лошадь на дорогу, ведущую к дому, и потащил (заставил лошадь тащить) обоз к Хювяринену'; *Hän sanoi Jussille merkitsevästi: „Ethän sinä Hyväriseen viitsi ajattaa kuormaasi?“* (там же) 'Он сказал Юсси многозначительно: „К Хювяринену не хочешь захватить (заставить погнать обоз)?"'

Если в отношении *t*-овых производных с понудительным значением, образованных от переходных глаголов, наблюдается тенденция к уменьшению их употребления, то производные, образованные от непереходных глаголов, все больше начинают восприниматься как обыкновенные переходные глаголы — без оттенка понудительности. Прямое дополнение при них представляется как логический объект активного действия со стороны субъекта-подлежащего (ср., например, *lähettää* 'послать' от *lähtää* 'пойти', *päästää* 'пустить' от *päästä* 'попасть', *nostaa* 'поднять' от *nousta* 'подняться'). Однако употребление *t*-овых производных от непереходных глаголов, имеющих соотносительные переходные глаголы того же корня, постепенно сходит на нет, если за производным и за параллельным ему не-*t*-овым переходным глаголом не закрепляются разные лексические значения. Это формы типа *työnnyttää* 'заставить повернуться' (при *työntää* 'повернуть') от *työntyä* 'повернуться'. Например: *Tyven työnnytti itähän, Latvian laski luotehesen...* (Kalev., II) 'Комель отправил (заставил повернуться) на восток, Крону пустил на северо-запад...'

2. *t*-овые отглагольные глаголы с непонудительным значением

Часто *t*-овые производные не получают нового залогового значения по сравнению со своими коренными глаголами, причем лексические значения производного и производящего глаголов или совсем совпадают, или разница между ними определяется незначительным, иногда даже трудно уловимым, стилистическим оттенком. Например: *Usein hän ai-vaan huomaa, miten hänen mietiskelynsä avartavat näköpiiriä ja nostattavat mieltä...* (Vikström. Käy eesp.!) 'Часто он прямо замечает, как его размышления расширяют кругозор и поднимают настроение...'; *Aurinko alkoi sitten kimallutella kasteista pihanurmea ja vet-*

tyneistä seinistä nostattaa höyryilevää lämmintä (Aho. Rautatie). 'Потом солнце заиграло на мокрой от росы траве во дворе и с отсыревших стен поднимало теплый пар'. *t*-овое производное *nostattaa* 'поднимать' в этих примерах отличается от производящего глагола *nostaa*, имеющего то же значение, только стилистическим употреблением. Это тот же глагол *nostaa*, лишь в переносном смысле. *t*-овое производное от глагола *johtaa* 'вести, руководить' — *johdattaa* было в литературе прошлого века более употребительным, чем его коренное слово. Оно встречается и в тех случаях, где в настоящее время возможен только глагол *johtaa*. У Киви в произведении "Семеро братьев" употребляется только форма *johdattaa*. Это же производное сплошь и рядом заменяет свое коренное слово в журнале "Суоми", например: *Esimiehen provessori Lönnrotin poissa ollessa johdatti varaesimies assessori Rabbe tässä kokouksessa keskusteltavat asiat* (Suomi, 1864) 'В отсутствие председателя профессора Ленирота обсуждение вопросов на этом собрании вел заместитель председателя ассессор Раббе'. По свидетельству Раполы, *t*-овое производное *johdattaa* встречается уже в букваре Агриколы, а производящий глагол *johtaa* появляется только в словарях XIX в.; но в словаре Ренвала 1826 г., а также в словаре Хелениуса 1838 г. его еще нет, хотя существительное *johto* 'ведение, руководство' от этого глагола встречается уже в письменных источниках XVIII в.¹ В современном языке употребляются как производный глагол *johdattaa*, так и производящий глагол *johtaa*, лексически иногда не разграничиваясь.

Ср. также значения в следующих глагольных парах: *hengittää* 'дышать' и *henkiä* 'дышать, выдыхать' (о явлениях природы и в переносном смысле); *kannattaa* 'держат, поддерживать, выдерживать, носить' и *kantaa* 'носить'; *koskettaa* 'трогать, дотрагиваться, касаться' и *koskea* 'трогать, касаться'; *pidättää* 'задерживать, препятствовать' и *pitää* 'держат'; *toivottaa* 'пожелать' (кому чего) и *toivoa* 'желать, надеяться'; *tuudittaa* 'убаюкивать' и *tuutia* 'убаюкивать'.

А. Хакулинен утверждает, что *t*-овые производные имеют более интенсивное (усилительное) значение, нежели их исходные формы. Вслед за Буденцом он считает, что этот оттенок развился из прежнего значения однократности.²

Не исключена, однако, возможность и другого объяснения. По всей вероятности, выражение понудительного значения *t*-овыми отглагольными глаголами имело в прошлом более широкое распространение, т. е. эта форма была более грамматикализованной. Но уже очень рано понудительное значение в *t*-овой глагольной форме начало ослабляться. В результате этого *t*-овые глаголы могли иногда употребляться просто в значении своих коренных слов, отражением чего в современном языке и являются производные, с так называемым усилительным оттенком в сравнении со своими коренными глаголами. В ряде случаев традиция употребления могла и утратить эти коренные глаголы и сохранить в их значении *t*-овые производные. Например, глагол *entää* в значении 'поспевать' уже не характерен для литературного языка, и его значение перешло к производному *ennättää*. В близкородственном салминском диалекте карельского языка значение финского *matkia* 'подражать, повторять' передается только через *t*-овое производное

¹ См.: „Virittäjä“, 1952, 1. v., стр. 56.

² См.: А. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. I, стр. 254—255.

matkittua, а коренной глагол *matkia* в этом диалекте отсутствует.¹ В карельском языке в целом отсутствует фонетическое соответствие финского *repää* 'рвать', а это значение имеет глагол *revittää* — полное фонетическое соответствие финского литературного *revittää* 'заставлять рвать'. Не исключена возможность, что коренной глагол в карельском языке утерян.

Народный эпос „Калевала“ может служить иллюстрацией к тому предположению, что когда-то в языке в связи с наметившимся ослаблением понудительного значения *t*-овых отглагольных глаголов в некоторой части глаголов имело место весьма нечеткое разграничение значений *t*-овых производных и их коренных слов и в значении последних могли иногда употребляться и производные. Например: *Pellervoinen, pellon poika, ...Kylvö maita, kylvö soita, Kylvö auhoja ahoja, Panettavi paasikoita* (Kalev., II) 'Пеллервойнен, сын поля, ...Засевал земли, засева болота, Засевал песчаные поляны; Засевает каменные равнины'; *Siitä vanha Väinämöinen Otatti otsolta turkin, Pani aitan parven päähän...* (там же, CVI) 'Вот старый Вяйнэмейнен Снял с медведя шкуру, Повесил на конец полки в амбаре...'. В первом примере *t*-овое производное употреблено в значении своего коренного слова 'засевает' (букв. 'ставит, кладет'). Вполне очевидно, что в подлежащем заключен единственный субъект действия и никакой другой субъект не имеется в виду. Сомнительно допущение какого-нибудь постороннего производителя действия и во втором примере, где *t*-овое производное *otatti*, по всей вероятности, употреблено в значении своего коренного слова *otti* 'снял'.

Представленный тип *t*-овых отглагольных производных нельзя рассматривать как глаголы с залоговым значением понудительности. Глаголы с так называемым усилительным, или интенсивным, оттенком вообще не вызывают изменений в выражении субъектно-объектных отношений в предложении по сравнению со своими коренными словами и, следовательно, не отличаются в этом смысле от последних. Разница в целом сводится только к незначительным лексическим оттенкам.

Помимо этого типа *t*-овых производных, где только намечается семантическое расхождение производного и производящего глаголов, имеется множество случаев полной лексикализации *t*-овых отглагольных глаголов.

По-видимому, в результате ослабления понудительного значения *t*-овых отглагольных глаголов, что создало возможность употребления *t*-ового производного вместо его коренного слова, у глаголов стала широко развиваться синонимия, послужившая впоследствии базой для образования новых слов. Производные стали все больше семантически расходиться со своими коренными словами, за ними постепенно закрепились другие лексические значения. В языке вполне возможны случаи, когда производный и коренной глагол с течением времени расходятся в значениях настолько, что этимологическое родство их совершенно стирается. Однако во многих случаях семантическая близость материально кажущихся родственными глаголов позволяет устанавливать их действительное родство.

¹ См.: P. Pohjanvalo. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1947. — Это явление присуще не только салминскому диалекту.

Отсутствие ранних письменных памятников не позволяет делать подробных наблюдений над процессом лексикализации *t*-овых отглагольных глаголов, но и по имеющимся материалам можно заключить, что этот процесс происходит постоянно. Отдельные *t*-овые глаголы, лексическое значение которых в современном языке не соответствует лексическому значению их предполагаемых коренных слов, в старой письменности встречаются иногда в этом значении с понудительным оттенком. Например: *Nijn myös tuorettapi (jumala, — В. О.) Lehmän Lambain ia Wohten lypsytet ia saatta niistä riesca pijmä juostoa ia woita caikexi kesäxi* (Lauritsa Pietarinp. Selityxet, w. 1644. Agr. Jut.) 'Также обновляет (бог, — В. О.) удои Коров, Овец и Коз и позволяет получать от них свежую простоквашу, сыр и масло все лето'. Здесь глагол *saattaa* воспринимается как понудительный (с оттенком позволения) по отношению к главному значению своего коренного слова *saada* 'получать, добывать'. Теперь же это производное в таком значении уже не употребляется, а имеет значения 'проводить, доставлять, доводить'.

Одним из главных значений глагола *saada* когда-то, очевидно, было и непереходное 'стать, приходиться', сохранившееся в диалектах, а в литературном языке главным образом в поэзии (ср. эстонское *saama* 'стать'). С этим значением связан глагол *saattaa* в следующем примере: *Cunnia corkia Caickiwallan, Joca Rijdoist Rauhan saatti Wiholliset caasi caicki* (Lauritsa Pietarinp. Ajan tieto, w. 1658. Agr. Jut.) 'Честь высокая Всемогущему, Который, уничтожив Междоусобицы, добился (заставил стать, прийти) мира, Врагов подавил всех'.

В современном языке глагол *saattaa* уже не воспринимается как понудительная пара глагола *saada*, хотя современные значения этого глагола и являются вполне мотивированными и нетрудно проследить их развитие из прежних понудительных значений, соответствовавших глаголу *saada* в значениях 'получать, стать'. Теперь это две разных лексемы, обе со множеством значений, но этимологическое родство их все же прозрачно.

Глагол *tuottaa* в одном из своих главных значений в современном языке 'производить' тоже совершенно отошел от своего коренного слова *tuoda* 'приносить, приводить, привозить'. Но вместе с тем этот глагол сохраняется еще и в понудительном значении 'заставлять приносить (приводить, привозить)'. На примерах разных значений этого *t*-ового производного в современном языке можно наблюдать, что глагол с понудительным значением, лексикализуясь, как бы проходит отдельные ступени семантического развития. Вначале он имеет только понудительное значение, как например в предложении *emäntä tuottaa piialla veden* 'хозяйка заставляет служанку носить воду'. Но сама возможность опущения названия непосредственного производителя действия создает предпосылки к тому, что в отдельных выражениях — возможно, вначале только в таких, где подлежащее представляло собой неодушевленный предмет, — это подлежащее начинает постепенно восприниматься как единственный субъект действия и представление о другом субъекте совершенно исчезает.

Так происходит залоговое переосмысление глагола. Например: *Vähän väliä tapahtuva tuuletus tuottaa sairaalle raitista ilmaa...* (Pikku jättiläinen) 'Происходящее время от времени проветривание доставляет (приносит) больному свежий воздух...'; *Ankarissa pistoksissa voi pistoksen kohdalle asetettu jähypussi tuottaa huojennusta*

(там же) 'При сильных болях поставленная на больное место грелка с холодом может приносить облегчение'; *Hänelle tuotti kauhua ajatuskin, että hän vanhoilla päivillään joutuisi asumaan jossakin kahden huoneen huoneistossa...* (H. Wuolijoki. Minusta tuli liikenainen) 'На нее наводила (ей приносила) ужас даже мысль, что ей на старости лет придется жить где-то в двухкомнатной квартире...'

В этих предложениях уже невозможно представить другой субъект, кроме подлежащего, выраженного словами *tuuletus* 'проветривание', *jähypussi* 'грелка с холодом', *ajatus* 'мысль'. Глагол *tuottaa* имеет в них значение обыкновенного переходного глагола, без какого-либо оттенка понудительности. Разница между ним и производящим глаголом *tuoda* 'приносить' носит лексический характер. Это тот же глагол *tuoda* в переносном употреблении, привносящем оттенок усиленности.

Когда значение понудительности у глаголов стало стираться, понудительность, возможно, могла пониматься и как понуждение субъектом самого себя. Именно к этому периоду могут восходить производные с более интенсивным оттенком значения, чем их коренные слова.

Дальнейшее развитие значения производного *tuottaa*, по-видимому, шло под воздействием закона неизбежности обогащения языка новыми словами для обозначения новых понятий. Производный член рассматриваемой пары *tuoda—tuottaa*, ставшей в известный период развития языка в отдельных выражениях синонимической, мог послужить базой для названия нового, но семантически близкого понятия 'производить'. *Tuottaa* 'производить' представляется как переосмысление *tuoda* 'приносить', синонимом которого в известных условиях являлось *tuottaa*. Если *tuoda* и *tuottaa* могли оба означать 'приносить что-то готовое', то теперь за производным могло закрепиться значение 'приносить что-то, сделав его сначала'; затем значение 'делать, производить' стало в нем преобладающим и вытеснило оттенок 'приносить' как ненужный, так как *tuottaa* 'производить' уже имеет в себе значение 'для кого-то' или 'для чего-то'. Путь к лексикализации *t*-ового производного глагола *tuottaa* схематически можно обозначить следующим образом: 'заставлять кого-то приносить' — 'приносить' (или, возможно, 'заставлять себя приносить'), 'доставлять' — 'производить'. Все эти значения сосуществуют в современном языке, но понудительное значение встречается уже реже. Лексикализация глагола *tuottaa* наблюдается уже в первых письменных памятниках.

Характерным примером для показа семантического отдаления *t*-ового производного глагола от коренного является также глагол *menettää* 'терять, лишаться, тратить' (ср. *mennä* 'идти'). В понудительном значении 'заставлять идти' этот глагол в современном языке совсем не встречается. В письменности он предстает уже в лексикализованном виде. Тем не менее его семантическое развитие от понудительной формы глагола *mennä* 'идти' является для финского восприятия очевидным.

Бывшей понудительной парой глагола *vieta* 'нести, вести' является глагол *viittää* 'проводить, справлять'. Современный омоним этого глагола, непереходный глагол *viittää* 'быть покатым', является семантическим звеном в развитии значения бывшего понудительного глагола *viittää* 'заставлять нести (вести)' в сторону полной лексикализации. В выражении *rinne viittää* 'склон поката' собственно нет еще нового значения глагола, но понудительность уже утеряна и установилось

непереходное употребление, развившееся из переходного. Ведь этому выражению вполне соответствует выражение с коренным глаголом *viellä: rinne vie jotakuta alas* 'склон несет кого-то вниз'.

Новые лексические оттенки приобрел глагол *kannattaa* от *kantaa* 'носить', встречающийся еще и с понудительным значением. Кроме так называемого усилительного лексического оттенка 'держат, поддерживать, выдерживать, носить', это производное означает еще 'давать доход, стоить', например: *kauppa kannattaa hyvin* 'торговля дает хороший доход', *näyttelyssä kannattaa käydä* 'на выставку стоит сходить'.

При ослаблении понудительного значения производного глагола имели место и такие случаи, когда коренной глагол приобретал другое значение, а его прежнее значение переходило производному. Такими парами являются, например, *kokea—koettaa*, *noutaa—noudattaa*. *Koettaa* 'пытаться, стараться, пробовать' в современном языке означает то, что раньше означало *kokea*. Прежнее значение *kokea* еще широко встречается в художественных произведениях прошлого столетия, например: *Ja Matin perään koki Liisa pyrkiä...* (Aho. Rautatie) 'И Лиза старалась следовать за Матти...'. И рядом употребляется форма *koettaa* в том же значении: *Koetti hän kuitenkin syrjittäin tirkistellä ikkunasta* 'Однако он старался боком заглядывать в окно'. В литературе последних десятилетий за глаголом *kokea* в качестве основного значения закрепилось значение 'испытывать, переживать', например: *kokea monenlaisia elämänsä varrella* 'испытать многое в своей жизни'.

Точно так же изменил свое значение глагол *noutaa*, обозначающий в современном языке 'приносить, доставлять' (*noutaa vettä* 'приносить воду', *noutaa halkoja* 'приносить дрова'). Раньше этот глагол обозначал 'следовать, соблюдать', например: *Kun menetki miehelähän, Elä noua miehen mieltä, Kuin mindä poloinen nouin...* (Kalev., XXIII) 'Когда выйдешь замуж, Не следуй нраву мужа, Как я, бедняжка, следовала...'. Теперь это прежнее значение глагола *noutaa* сохранил только в диалектной речи или в языке высокого стиля, например: *toimia Jumalan tahtoa noutaen* (Nykysoom. sanak., *noutaa*) 'действовать, следуя Божьей воле'. В широком употреблении в литературном языке это значение перешло к *t*-овому производному *noudattaa*. Такое употребление производного *noudattaa* встречается уже в ранней письменности, например: *Anna mös täällä ollesam Ja täältä poies cuollesam Tosi paiste meit noudhattaa* (Jaakko Suom. Wirsikirja, w. 1582. Agr. Jut.) 'Дай также здесь при жизни И после ухода отсюда Подлинному свету следовать за нами (освещать нас)'. Тойвонен считает, что современное значение 'приносить' у глагола *noutaa* развилось из его древнего значения 'следовать за зверем, идти по следам'.

К типам лексикализации *t*-овых отглагольных производных следует отнести и тот случай, когда производный глагол теряет понудительное значение, лишившись своей непонудительной пары или в результате исчезновения последней из употребления, или в результате приобретения ею нового лексического значения. Например, глагол *asettaa* 'ставить, класть, устанавливать' этимологически представляет собой понудительную форму глагола *asea* 'находиться, располагаться'. Но из литературного языка глагол *asea* исчез и сохранился только в диалек-

тах. Поэтому и производное от него *asettaa* не имеет в литературном языке понудительного значения и воспринимается как непроизводный глагол.

Очень интересными в смысле разрушения прежнего залогового противопоставления являются также глагольные пары *kulkea—kuljettaa* 'ходить, идти—водить, носить, возить', *käydä—käyttää* 'ходить, идти—водить, употреблять, пользоваться', *saapua—saavuttaa* 'прибывать—достигать, догонять', *kasvaa—kasvattaa* 'расти—выращивать, воспитывать', *soida—soittaa* 'звенеть—играть', *kuolla—kuolettaa* 'умирать—умерщвлять, ухаживать за больным, погашать', *huomata—huomauttaa* 'замечать—заметить (кому-либо о чем-либо)' и многие другие. На примере последней пары видно, что *t*-овые производные, лексикализуясь, теряют не только свой понудительный характер, но в некоторых случаях могут терять и свою переходность.

Можно, таким образом, выделить следующие типы лексикализации *t*-овых отглагольных глаголов:

- 1) производное приобретает другое лексическое значение по сравнению со своим коренным словом;
- 2) производное приобретает одно или несколько новых лексических значений по сравнению со своим коренным словом, сохраняя в то же время и свое понудительное значение;
- 3) коренное слово приобретает новое лексическое значение, а его прежнее значение переходит производному;
- 4) коренное слово вообще выходит из употребления или приобретает новое лексическое значение, которое в понудительной форме не передается.

Лексикализация *t*-овых отглагольных производных происходит постоянно и означает разрушение прежнего залогового противопоставления.

ВЫВОДЫ

t-овые глагольные суффиксы, присоединяясь к основам глаголов (переходных и непереходных), не достигают той степени грамматической обобщенности, которая бы характеризовала их как показатели грамматической категории залога. Они не охватывают и половины глаголов (ни переходных, ни непереходных). Выражение ими залогового значения понудительности весьма ограничено. Это значение обнаруживается всего лишь у небольшого количества производных с этими суффиксами. Совершенно отчетливо залоговое значение понудительности может выражаться только у производных, образованных от переходных глаголов. У производных же, образованных от непереходных глаголов, залоговое значение понудительности переплетается с другим залоговым значением, определяемым выражением отношения действия к его объекту, причем значение объектности является доминирующим, так как оно объединяет большее число *t*-овых производных, образованных от непереходных глаголов. Следовательно, выражаемые *t*-овыми суффиксами залоговые значения неоднородны, что, наряду с лексическим сопротивлением, является фактором, не позволяющим считать *t*-овые суффиксы показателями грамматической категории залога. Кроме того, *t*-овые суффиксы часто вообще не меняют залогового значения глагола, а образованные с их помощью производные являются как бы синонимами своих коренных слов.

Наблюдающийся процесс лексикализации *t*-овых отглагольных глаголов постепенно разрушает встречающееся в целом ряде случаев залоговое противопоставление в плане понудительности и непонудительности. Способ передачи понудительного значения *t*-овыми производными уступает место описательному способу передачи этого значения. Залоговое противопоставление глаголов в плане понудительности и непонудительности разрушается также под влиянием все усиливающейся продуктивности *t*-овых суффиксов в области имен. Многие *t*-овые производные с понудительным значением от отыменных глаголов неупотребительны потому, что их вытеснили *t*-овые производные с другим значением, образованные непосредственно от имен.

Главной функцией *t*-овых суффиксов в сфере глагола является образование переходных глаголов от непереходных, что может совпадать с залоговым противопоставлением глаголов в плане объектности и безобъектности, а также в плане понудительности и непонудительности. В целом *t*-овые суффиксы нельзя называть суффиксами переходности, так как отыменные глаголы с этими суффиксами могут быть и непереходными.

Итак, роль рассмотренных *t*-овых суффиксов в общей системе языка сводится к словообразованию. Но в значительной мере их функцией является и выражение двух не объединимых в одно целое залоговых значений понудительности и объектности.

Г. Н. МАКАРОВ

СУБСТАНТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ ТИПА "ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ + ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В КОСВЕННЫХ ПАДЕЖАХ" В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопросы финского синтаксиса в аспекте словосочетаний до последнего времени оставались мало исследованными. Первой, наиболее значительной работой в этой области является вышедшая в Финляндии в конце 1957 г. "Грамматика финского языка" Аарни Пенттиля. В этой фундаментальной работе впервые довольно подробно исследуются основные типы словосочетаний и способы их образования.¹ Известны отдельные работы и на русском языке.² Настоящая статья (один из разделов диссертации) имеет целью несколько дополнить представления о словосочетаниях в финском литературном языке и дать анализ одной из разновидностей именных (субстантивных) словосочетаний.

Под именными определительными словосочетаниями понимаются грамматические единства, состоящие из определяемого и определения и выражающие в составе предложения единые, хотя и лексически расчленяемые, понятия. В таких словосочетаниях в роли главного, или определяемого, компонента (по-фински *edussane* или *pääsane*) выступает имя существительное (субстантив), а в роли зависимого, или определяющего, компонента (по-фински *aliste* или *määrite*) — почти все части речи. Ниже рассматриваются словосочетания, в которых оба компонента выражены одной и той же частью речи — именем существительным. Такие словосочетания могут быть простые и сложные. Простые состоят из одного определения и одного определяемого (иногда имеющего в своем составе служебное слово: послелог или предлог). Сложные словосочетания образуются в результате распространения простого словосочетания определяющими словами, относящимися или к одному какому-либо из компонентов в отдельности, или ко всему словосочетанию в целом.

Наиболее многочисленными из субстантивных словосочетаний являются так называемые генитивные, определяющий компонент которых выражен именем существительным в генитиве. В зависимости от лексических значений слов, входящих в генитивные словосочетания, последние могут выражать самые различные определительные, определительно-обстоятельственные, определительно-субъектные и определи-

¹ Aarni Penttilä. Suomen kielioppi. Porvoo—Helsinki, 1957, стр. 564—586.

² Ю. С. Елисеев. Синтаксические словосочетания в современном финском языке. М., 1959. Г. Н. Макаров. 1) Именные (субстантивные) определительные словосочетания в финском языке. (Кандидатская диссертация), М., 1955; 2) К вопросу об отграничении сложного слова от словосочетания в литературном финском языке. Труды Карельского филиала АН СССР, вып. XII, 1958, стр. 25—48.

тельно-объектные отношения. Количество разновидностей таких отношений не поддается точному учету ввиду того, что значение генитива в финском языке очень широкое и во многих случаях генитив допускает различное толкование. Например, в словосочетании *linnun pesä* 'птичье гнездо (досл. гнездо птицы)' отношения между компонентами могут быть восприняты как отношения принадлежности: *гнездо*, принадлежащее птице; как отношения авторства: *гнездо*, свитое птицей; как отношения назначения: *гнездо*, предназначенное для птицы, и т. д.

Ниже рассматриваются наиболее типичные словосочетания с генитивом и выражаемые в них отношения.

I. ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

1. Отношения конкретной принадлежности: *isän koti* 'дом отца'; *rojan kirja* 'книга мальчика'; *kolhoosin pellot* 'поля колхоза'.

2. Отношения авторства: *Leo Tolstoin „Sota ja rauha“* '„Война и мир“ Льва Толстого'; *Leninin aatteet* 'идеи Ленина'; *Aaltosen veistokset* 'скульптуры Аалтонена'.

3. Отношения принадлежности обществу, коллективу, учреждению: *yhteiskunnan jäsen* 'член общества'; *suvun vanhin* 'старший рода'; *hallituksen päämies* 'глава правительства'; *laitoksen johtaja* 'руководитель учреждения'.

4. Различные отношения к месту:

а) главный компонент называет предмет, а зависимый указывает, откуда этот предмет ведет свое начало: *Krimin omenat* 'крымские яблоки (досл. яблоки Крыма)'; *Olympian kisat* 'олимпийские игры (досл. игры Олимпа)';

б) главный компонент называет предмет или вещь, а зависимый — его местоположение: *Leningradin yliopisto* 'Ленинградский университет (досл. университет Ленинграда)'; *Puiston koivut ja rannan pihlajat tietävät jo tulostasi* (Aho. Muistatko?) 'Березы парка и береговые рябины (досл. берега рябины) уже знают о твоём приезде';

в) главный компонент называет место, территорию, а зависимый — предмет, который неотъемлемо от данного места или территории: *koulun piha* 'двор школы'; *Taivaan kuu todella tällä hetkellä olikin ainoa katselija* (F. Sillanpää. Nuorena nukkunut) 'Месяц на небе (досл. неба месяц) был действительно единственным созерцателем в этот момент'.

5. Отношения к источнику, с которым связано появление предмета или явления, обозначенного в главном компоненте: *auringon säteet* 'лучи солнца'; *lääkkeiden haju* 'запах лекарств'; *Silloin juuri kuului sähkökellon ääni etäältä, ensin lyhyt pirahdus, sitten pitkä tasainen soitto* (Joenpelto. Kivi palaa) 'Как раз в этот момент раздался звонок (досл. был слышен голос электрического звонка), сначала чуть-чуть слышимый, а потом протяжный и ровный'.

6. Отношения признака и его носителя: главный компонент выражен существительным с отвлеченным значением, а зависимый — существительным с конкретным значением, например: *ihmisen ikä* 'возраст человека'; *kukkien kauneus* 'красота цветов'; *sanan mahti* 'мощь слова'; *omantunnon vaivat* 'угрызения совести'; *meren syvyys* 'глубина моря'; *Rahikainen vähän hätkähti näh-*

dessään ihmisen, mutta rauhoittui huomattessaan ukon vanhuuden (V. Linna. Tunteiden sotilas) 'Рахикайнен несколько испугался, увидя человека, но успокоился, заметив, что человек этот старый (досл. заметив старость старика)'; *Tie luikerteli lepikön pimenön läpi alas rantaan* (A. Järnefelt. Greta ja hänen herransa) 'Дорога вилась по темному ольшанику (досл. через темноту ольшаника) вниз к берегу'.

7. Отношения части и целого: главный компонент обозначает часть какого-либо предмета или явления, а зависимый — предмет или явление целиком: *puun oksat* 'ветки дерева'; *kaupungin kadut* 'улицы города'; *vuoden alku* 'начало года'; *Äänisen ulappa hukkuu siniharmaaseen horisonttiin* (V. Linna. Tunteiden sotilas) 'Онежская даль (досл. даль Онеги) терялась где-то за синевато-серым горизонтом'.

8. Отношения меры (размеров, величины, количества, цены, продолжительности и т. п.): *neliömetrin ala* 'площадь размером в квадратный метр (досл. квадратного метра площадь)'; *kilometrin matka* 'расстояние с километр (досл. километра расстояние)'; *tunnin työ* 'работа в течение часа (досл. часа работа)'; *ruplan hinta* 'цена в один рубль (досл. рубля цена)', и т. д.

II. ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНО-ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

1. Обстоятельственные отношения времени (оба компонента выражены словами с временной семантикой):

а) главный компонент называет неопределенное время, а зависимый уточняет его по отношению к определенному периоду, отрезку. В целом в словосочетании выражается приблизительно ограниченный отрезок времени: *viikon päivät* 'с неделю (досл. дни недели)'; *kuukauden aika* 'с месяц (досл. месяца время)'.

б) главный компонент называет какой-либо отрезок времени, а зависимый указывает, что происходит, что делается в этот промежуток времени: *vallankumouksen kausi* 'период революции'; *maatamennon aika* 'время ложиться спать (досл. время уложения спать)'; *lamaannuksen kausi* 'период спада'.

2. Обстоятельственные отношения меры и степени (оба компонента выражены одним и тем же существительным):

а) главный компонент может быть в единственном или во множественном числе и в любом падеже, а зависимый, если он обозначает конкретное существительное, обычно во множественном числе в генитиве; в словосочетании передаются отношения усиления качества, типичности, количества или степени: *miesten mies* 'мужчина из мужчин (досл. мужчин мужчина)'; *salien sali* 'зал из залов (досл. залов зал)'; *Sinun osuutesi siinä oli tuhmuiden tuhmuinta, älä pahastu, veli, jos sanon* (H. Tihl. Lehti kääntyy) 'Твое участие в этом деле была большая глупость (досл. глупости глупость), не огорчайся, брат, если я это говорю'; *Sepä oli vasta kysymysten kysymys työille* (Järnefelt. Greta ja hänen herransa) 'Это действительно был вопрос из вопросов (досл. вопросов вопрос) для девушек'; *Ei ole satanut sitten yhtä tipan tippaa* (A. Penttilä. Suomen kielioppi) 'С тех пор ни одной капельки (досл. капли капля) не выпадало'.

Некоторые из таких словосочетаний стали устойчивыми оборотами речи, обозначающими различные обстоятельства, главный компонент

в них выступает только в каком-либо одном из падежей, например: *loppujen lopuksi* (транслатив) 'в конце концов (досл. концов концу)'; *aikojen aikoja sitten* (партитив) 'очень давно (досл. времен времена тому назад)' и т. д.; *Niin kyllä, kun sitä kumminkin pitkäkseen loppujen lopuksi joutuu* (F. Sillanpää. Nuorena nukkunut) 'Тм, да, в конце-то концов все равно окажешься сваленным'; *Siitä on jo aikojen aikoja kulunut* (H. Tihlä. Lehti kääntyy) 'С тех пор прошло уже очень много времени (досл. времен времена прошли)'.

III. ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНО-СУБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Главный компонент выражен именем существительным со значением действия, а зависимый компонент в форме генитива — именем существительным, называющим производителя действия, например: *lintujen visertely* 'щебетание птиц'; *ystävän neuvo* 'совет друга'; *Se oli syntynyt Väinämöisen, rotu rohkean runojan* (Kalev.) 'Так родился Вейнемейнен, этот мощный песнопевец (досл. то было рождение Вейнемейнена, появление на свет отважного певца)'; *Mutta yhden arvan sisällä on sauri voitto, juhlallisesti jännittävä, niin kuin ukon ilman uhka maataimenon hetkellä* (F. Sillanpää. Nuorena nukkunut) 'Но в одном жребии был большой выигрыш, величественно захватывающий, как страх перед грозой (досл. угроза грозы) в момент перед тем, когда ложатся спать'.

IV. ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНО-ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Главный компонент выражается существительным, образованным от переходного глагола и обозначающим действие, или существительным со значением желания, стремления, результата, а зависимый компонент — имя существительное в генитиве — называет объект действия или акт, благодаря которому достигнут желаемый результат, например: *isänmaan puolustus* 'защита отечества'; *parantumisen toivo* 'надежда на выздоровление'; *voiton hedelmät* 'плоды победы'; *Se ei kai ollutkaan mikään oikea matkansoutaja, vaan joku yksinäinen yön katselija* (F. Sillanpää. Nuorena nukkunut) 'Этот наверно никуда и не ехал на лодке, а только в уединении любовался картиной ночи (досл. был смотритель ночи)'; *Vain onneton sattuma oli estänyt häntä korjaamasta voittonsa hedelmiä* (A. Brink. Velhojuuri) 'Только несчастная случайность помешала ему пожать плоды своей победы'.

Отдельную группу составляют генитивные словосочетания с послелогами и иногда с предлогами. Они отличаются от рассмотренных выше словосочетаний порядком расположения компонентов. Если в них определяющий компонент, как правило, предшествовал определяемому, то в словосочетаниях с послелогами на первом месте стоит определяемый (главный) компонент, затем определяющий (зависимый) и на последнем месте стоит послелог, например: *Orpoina ja yksinäisinä ojentelivat harvat koivut talojen ympärillä luurankomaisia oksastojaan kohti taivasta* (Haapää. Jutut) 'Редкие березы вокруг домов (досл. березы домов вокруг) сиротливо и одиноко протягивали к небу свои ветки, похожие на кости скелета'; *Ollaan irti vanhasta Euroopan mantereesta, matkä valtameren yli on alkanut* (Ivalo. Hellettä) 'Мы оторвались от континента старой Европы: путешествие через океан (досл. путешествие океана через) началось'.

Послелоги и предлоги здесь относятся только к определяющему компоненту и образуют с ним неразрывное смысловое целое, так как послелоги и предлоги получают конкретное значение только в сочетании со значимыми словами.

Предлоги в финском языке встречаются реже, чем послелоги. Более обычны они в стихотворной речи: *Häipyvät taa näkörannan — keitä ja kunnne?* (O. Manninen) 'На горизонте еле виднеющиеся (досл. теряющиеся за горизонтом) — кто они и куда?'

Широкое распространение именных определительных словосочетаний с существительным в генитиве в роли определяющего компонента в финском языке отчасти объясняется тем, что категория относительных прилагательных представляет собою более позднее явление и развита сравнительно слабо. И там, где в русском языке встречается сочетание относительного прилагательного с именем существительным, в финском обычно выступает генитивное словосочетание. Кроме того, как отмечает А. Хакулинен, „в новейшем литературном финском языке существует стремление сознательно распространить генитивное или вообще субстантивное определение (в соответствии с просторечным языком) за счет адъективного определения, выступающего в старом литературном языке, которое часто употреблялось под иноязычным влиянием“.

В новейшем финском языке встречаются такие выражения, как *Kiinan muuri* (досл. стена Китая) вместо *kiinalainen muuri* 'китайская стена', *Saksan—Ranskan sota* (досл. война Германии—Франции) вместо *saksalais-ranskalainen sota* 'немецко-французская война', *Sikstuksen kappeli* (досл. часовня Сикста) вместо *Sikstiiniläinen kappeli* 'Сикстинская часовня' и т. д.¹

Однако такая замена возможна только в случаях с относительными прилагательными. Если же относительное прилагательное переходит в качественное, то замена его существительным в генитиве становится невозможной. Например, можно сказать только: *stoalainen tuuneys* 'стоическое спокойствие', *venäläinen luonne* 'русский характер', и т. д. Не одно и то же будет обозначать и словосочетания *kaupunkilainen ystävä* и *kaupungin ystävä*. Первое обозначает 'городской друг', а второе — 'друг города'.

Определительные словосочетания с существительным в генитиве в роли определяющего компонента в финском и родственных прибалтийско-финских языках очень распространены, и во взглядах на них у финских лингвистов не было особых разногласий. Что касается существительных в других косвенных падежах в роли определяющего компонента, то дело обстоит значительно сложнее.

Обычно в учебниках финского языка говорится, что в роли „атрибута может выступать существительное в генитиве, иногда также в каком-либо другом падеже“. При этом „другие падежи“, как правило, не называются, а приводится лишь один-два случайных примера выражения определения существительным в партитиве, комитативе, адессиве и инессиве (в учебнике Э. Н. Сетяля).² М. Айрила в „Синтаксисе финского языка для школ“ к примерам, которые встречаются у Э. Н. Сетяля, добавляет примеры употребления существительного в иллативе

¹ См.: А. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. II. М., 1955, стр. 232.

² E. N. Setälä. Suomen kielen lauseoppi. Helsinki, 1922, стр. 29.

и аблативе.¹ Л. Кеттунен и М. Ваула в своем учебнике более определенно указывают, что „из субстантивных атрибутов, классифицируемых на основании падежей, важнейшими являются: 1) генитивный атрибут, 2) партитивный атрибут и 3) элативный атрибут. При этом они отмечают, что „также некоторые другие падежи иногда случайно могут выступать в роли определения“.² Но они не перечисляют „других падежей“, а приводят лишь по несколько примеров на иллатив, адессив, комитатив. В отличие от предыдущих последние авторы не приводят примера на инессив.

Аарне-Пенттиля в „Грамматике финского языка“ в разделе субстантивных словосочетаний специально не рассматривает генитивных, партитивных и других словосочетаний, а отсылает читателя в раздел морфологии, где исследуется админальное (т. е. применное) употребление того или иного падежа. Однако и здесь А. Пенттиля не прибавляет нового к тому, что говорилось в анализированных выше учебных пособиях относительно сочетаемости имени существительного с именем существительным.

Таким образом, в качестве „атрибутивных падежей“ в вышеуказанных пособиях по финскому языку, кроме генитива, фигурируют семь других: партитив, элатив, комитатив, адессив, инессив, иллатив и аблатив. Однако примеры и указания на употребление в роли определения имен существительных в падежах: транслатив, аблатив, инструктив и эссив, которые могут образовать определительные словосочетания типа „имя существительное + имя существительное в косвенном падеже“, а следовательно, и выступать в роли атрибута к имени существительному, в данных работах отсутствуют. Ниже рассмотрим такие словосочетания и отношения, выражаемые в них.

1. Имя существительное + имя существительное в эссиве

Основная функция падежа эссива — обозначение обстоятельства. Именное словосочетание, зависимый компонент которого выражен существительным в эссиве, выражает обстоятельственные отношения времени, состояния, например: *Eräs niistä (postimerkeistä) kuvasi Leninin lapsena, toinen nuorukaisena* (Lahti. Hiiri hongan latvassa) 'Одна из них (почтовых марок) изображала Ленина ребенком, вторая — юношей'; *Kun Lönnrot ylioppilana pyrki jäseneksi Uusmaalaiseen osakuntaan, vastustettiin hänen vastaanottamistaan* (Karila. Isänmaallinen lukukirja) 'Когда Ленирот-студент (досл. студентом) стремился стать членом Ньюландского землячества, некоторые выступили против его принятия'; *Mitä pidätte tuttavastanne näyttelijänä?* 'Как нравятся вам ваш знакомый как артист (досл. артистом)?'

Определительные словосочетания с эссивом соотносятся с придаточным предложением времени или с деепричастным оборотом. Сравни: *kun hän oli lapsena — lapsena ollessaan* 'когда он был ребенком — будучи ребенком'. Возможностью передачи этих отношений другими средствами языка отчасти объясняется и то, что словосочетания с эссивом в финском языке встречаются довольно редко.

¹ M. Airila. Suomen kielen lauseoppi. Porvoo—Helsinki, 1947, стр. 13.

² Kettunen—Vauila. Suomen kielioppi. Porvoo—Helsinki, 1948, стр. 178.

2. Имя существительное + имя существительное в партитиве

Наиболее общая функция партитива — обозначение части целого. Словосочетания с зависимым компонентом в партитиве могут выражать следующие отношения.

а) Части и целого — главный компонент называет неопределенную часть какого-либо предмета или явления, а зависимый — весь этот предмет или все явление, например: *Alun kesä hän vietti maalla* 'Начало лета он провел в деревне'; *Lopun matka he ajavat kapeaa jättyntä joenrantaapitkin* (Nokela inen. Tie päättyy tuoksuvan lehtoon) 'Последнюю часть пути (досл. конец пути) они едут по узкому обделенному берегу реки'.

Подобные партитивные словосочетания соотносятся с элативными словосочетаниями. Ср.: *alun kesästä hän vietti maalla* 'начало лета (досл. начало от лета) он провел в деревне'; *lopun matkasta hän kulki jalan* 'конец пути (досл. конец от пути) он прошел пешком' и т. д. (об элативных словосочетаниях см. стр. 71).

б) Главный компонент обозначает меру веса, объема или размер и величину, а зависимый компонент — существительное в партитиве — называет, чем эта мера или объем заполнен или что в нем содержится, например: *lasi maitoa* 'стакан молока'; *pisara vettä* 'капля воды'; *Oli mahdoton kieltäytyä lasista punssia* (Järnefelt. Herääminen) 'Было невозможно отказаться от стакана пунша'; *Parempi kunniata kourallinen kuin häpiätä helmallinen* (посл.) 'Лучше полная горсточка почта, чем полный подол позора'.

в) Главный компонент называет совокупность предметов, а зависимый — те предметы, из которых состоит эта совокупность, например: *joukko ihmisiä* 'группа людей'; *eskaaderi hävittäjiä* 'эскадра истребителей'; *parvi lintuja* 'стая птиц' и т. д. *Taasen asui tämä ihminen metsän helmuksessa harmaassa tönössä ja taasen oli erään miehen hankittava leipä laumalle likaisia pirpanoita* (P. Naanprää. Jutut) 'Опять этот человек жил под сенью леса в серой хибаре, и снова какой-то муж должен был добывать хлеб для кучи грязных обрвышей'; *Mikä jumalallinen musiikki, mikä kukkas-kiekkura kauniita naisia tuolla lehterillä* (Aho. Kevät ja takatalvi) 'Какая божественная музыка, какой букет красивых женщин там на хорах!'

Главный компонент называет отвлеченное понятие, а зависимый уточняет его, например: *Hän (Silja) toi mukanaan vaatteissaan hienon ailahtuksen ulkoista yöilman lemmua* (F. Sillaanprää. Nuorena nukkuhan) 'Она (Силья) принесла с собой в одежде тонкое благоухание аромата ночной улицы'.

г) Главный компонент называет действие, а зависимый — способ совершения этого действия, образ действия, например: *liike vähimän vastuksen linjaa* 'движение по пути наименьшего сопротивления'.

В словосочетаниях с определяющим компонентом в партитиве при обозначении даты возможны случаи замены партитивного определения генитивным, например: *ensimmäinen päivä toukokuuta* 'первое мая (досл. первый день мая)' и *toukokuun ensimmäinen päivä* 'первое мая (досл. мая первый день)'.

В словосочетаниях с существительным в партитиве в роли определяющего компонента последний может иметь при себе предлог. Порядок

расположения компонентов в таких словосочетаниях следующий: на первом месте стоит главный компонент, за ним — предлог, затем зависимый компонент: *Tuli kirkkaat lokakuun ilmat ja viimein tuo paljonpelätty viimeinen ilta ennen lähtöä* (H. Wuolijoki. Kummituksia ja kajavia) 'Наступили ясные дни октября и, наконец, тот страшный последний вечер перед отъездом'; *Täti asui jossain pienellä asemalla lähellä Moskova* (Osejeva. Vasjok Trubatshov) 'Тетя жила на какой-то станции около Москвы'.

Если же при партитиве имеется не предлог, а послелог, то компоненты принимают следующий порядок: на первом месте — главный, затем зависимый компонент в партитиве и на последнем месте послелог, например: *Ottaisiko hän tarjotun avun vastaan, vai jatkaisiko vielä yksin toivottomalta tuntuva taisteluaan kohtaloaan vastaan* (Nokelainen. Tie päättyy tuoksuvaan lehtoon) 'Примет ли она предлагаемую помощь, или она продолжит кажущуюся безнадежной борьбу против своей судьбы (досл. борьбу судьбы против)'.

3. Имя существительное + имя существительное в транслативе

Примеры с транслативом в качестве определения имени существительного в разбираемых учебниках не встречались. Транслатив показывает, кем или чем может стать предмет, а также цель или намерение стать кем или чем-либо. Он может показывать также и количество или отрезок времени, в течение которого должно происходить или к которому приурочено действие.

Существительное в транслативе в роли определяющего компонента показывает результат или цель, с которыми связано появление вещи, явления или действия, выраженного главным компонентом, например: *Niin lähdin minäkin... ja palasin, kädessäni tosin vain kukkiva vahteran oksa tuliaisiksi* (F. Sillanpää. Kiitos hetkestä, herra) 'Пошел и я..., но вернулся и принес с собой только ветку цветущего клена в подарок (досл. в руках лишь ветка в подарок)'.

Главный компонент выражен отглагольным существительным и называется действие, а зависимый — отрезок времени, на который распространяется это действие, или целенаправленность этого действия: *Siroviivainen (aurinko)... hiljaisesti siunaa näköpiiriänsä ja sen inehmojen toimia alkavaksi päiväksi* (F. Sillanpää. Ihmiset suviyössä) 'Лучезарное (солнце)... тихо благословляет окрестность и действия ее людей на грядущий день'; *Helsinkiin tullessani lähetin sen (käännöksen) tohtori Launikselle, sain kiitokset palkkioksi* (H. Wuolijoki. Kummituksia ja kajavia) 'По пути в Хельсинки я отправила его (перевод) доктору Лаунису, в награду получила благодарность (досл. благодарность в награду)'.

4. Имя существительное + имя существительное в инессиве

Словосочетания с определяющим компонентом в инессиве обозначают отношения места и состояния.

В словосочетании выражаются отношения места: главный компонент называет предмет, вещь, действие, а зависимый указывает, где этот предмет находится или где происходит действие, например: *Tuskin mikään taideteos Suomessa on niin nopeasti syöpynyt koko*

kansan tietoisuuteen kuin vuosisadan vaihteessa J. Iston Hyökkäys-taulu (S. Wuolijoki. Vaari muistelee) 'Навряд ли какое-нибудь другое произведение искусства в Финляндии на рубеже прошлого и нынешнего веков так быстро вошло в сознание народа, как полотно Исто "Нападение"'; *Kun Armas ajatteli metsää ja koiran etenevää haukkua Sampaan korvessa, oli kuin olisi pistänyt kauan kävelleet kuumat jalat lähteeseen...* (Joenpelto. Kivi palaa) 'Когда Армас подумал о лесе и об удаляющемся лае собаки в Сампаской глуши, казалось, будто горячие ноги, прошедшие долгий путь, окунул в холодный родник...'.

Главный компонент называет человека, предмет, а зависимый состояние (физическое или моральное), в котором они находятся: *Silloin ovi avautui ja nuori tyttö, hiukset epäjärjestyksessä ja kasvot epätoivon kalventamina syöksyy huoneeseen...* (Tihlä. Lehti kääntyy) 'Вдруг открывается дверь и в комнату врывается молодая девушка с растрепанными волосами (досл. волосы в беспорядке) и бледным от отчаяния лицом'; *Täköläiset ihmiset ovat sellaisia, erämaa on opettanut heille, että on autettava miestä hädässä ilman maksua* (A. Brink. Velhojuuri) 'Здесьние люди таковы: тайга их научила, что человеку в беде нужно помогать бесплатно'.

5. Имя существительное + имя существительное в элативе

Функции элатива обширны и многие из них реализуются лишь в предложении при наличии предиката. Имя в элативе обозначает материал, из которого что-либо делается, или называет предмет, вещь, явление, из которого что-либо ведет свое начало, например: *kaappi on tehty fanerista ja laudoista* 'шкаф сделан из фанеры и досок'; *ihminen polveutuu apinoista* 'человек происходит от обезьян'; *Lapsesta mies tulee, penikasta kunnan koira* (посл.) 'Из ребенка вырастет человек, а из щенка породная собака'.

Однако многие функции элатива раскрываются и в составе словосочетания.

а) Главный компонент называет лицо, а существительное в элативе указывает на его принадлежность к определенному коллективу, обществу: *Rouva Alander koettaa juonitella tyttärelleen miestä säätyläisperheestä* (Vainikainen. Pojanpoika uskoo Leniniin) 'Госпожа Аландер стремится интригами добиться для своей дочери мужа из сословной семьи'.

б) Главный компонент называет целое, совокупность, а существительное в элативе раскрывает, что из себя представляет это целое или эта совокупность, например: *Enemmistö syytetyistä ei koskaan aikaisemmin ollut joutunut poliisikuulusteluun* (Murto ja Kaukonen. Oikeus konepistoolin piirussa) 'Большинство обвиняемых (досл. большинство из обвиняемых) никогда раньше не подвергалось полицейскому допросу'; *Kun pakeni paras osa kansasta ulos maasta, niin taittiin niitä, jotka ainaki jäivät jällelle, nimittää lapalaisiksi* (Lönnrot. Virittäjä, 1891) 'После того как лучшая часть народа (досл. часть из народа) покинула страну, оставшихся стали называть лопарями'.

в) Словосочетания с существительным в элативе соотносятся с словосочетаниями, в которых определяющий компонент выражен

существительным в партитиве, особенно если определяющий компонент стоит в единственном числе и обозначает место или время, например: *Pohjoisin osa Suomesta* (= *pohjoisin osa Suomea*) on *tundra* 'Самая северная часть Финляндии (досл. часть из Финляндии) — тундра'; *kevätpuoli talvesta* (= *kevätpuoli talvea*) oli *erikoisen kylmä* 'конец зимы (досл. весенняя половина из зимы) был особенно холоден'.

г) Главный компонент называет предмет или лицо, а зависимый определяет, откуда этот предмет или это лицо происходит, например: *matkailijat Suomesta* 'туристы из Финляндии'; *uutiset Lontoosta* 'новости из Лондона'; *Suomenkielisiä asiakirjoja Vähästäkyröstä 1700-luvun jälkipuolelta* („Virittäjä“) 'Документы на финском языке из Вяхякюро за вторую половину 17-го века (оглавление в журнале)'.

д) Главный компонент выражен именем существительным, обозначающим отвлеченное понятие, зависимый компонент в элативе конкретизирует это понятие. В целом в словосочетании выражаются определительно-объектные отношения, например: *Engels määritteleekein dialektiikan tieteksi kaikenlaisen liikkeen yleisistä laeista* (T. Lehen. Työväenluokan maailmankatsomus) 'Энгельс как раз и определяет диалектику как науку об общих законах всякого движения'.

е) Главный компонент обозначает внутреннее переживание, зависимый называет причину переживания или объект, из-за которого происходит переживание, например: *Joskus Lia tunsu omantunnon vairoja Olavista, sillä Olavilla oli vaimo* (Nokelainen. Tie päättyy tuoksuvaan lehtoon) 'Иногда Лиа чувствовала угрызения совести из-за Олави, так как у Олави была жена'.

ж) Главный компонент выражен отглагольным существительным, обозначающим действие, а зависимый — существительным, обозначающим объект этого действия. В целом в словосочетании выражаются объектные отношения, например: *Leinon koko elämän päämäärä ja kirjallinen tehtävä oli taistelu vapaudesta* (H. Wuolijoki. Kummituksia ja kajavia) 'Целью всей жизни Лейно и его литературной деятельности была борьба за свободу'; *Hänen elämänsä ehtoota värittivät muistelmat nuoruus- ja miehuusajan sankarteoista* (A. Brink. Velhojuuri) 'Закат его жизни украшали воспоминания о героических делах в пору молодости и возмужания'.

з) Главный компонент выражен существительным, обозначающим речь, высказывание или литературный жанр, а зависимый — содержание речи, высказывания или предмет описания, например: *laulu onnesta* 'песня о счастье'; *tarina isosta tammesta* 'сказание о большом дубе'; *kaskuja eläimistä* 'басни о животных'; *sana sanasta* 'слово о слове' и т. д.

6. Имя существительное + имя существительное в иллативе

Одна из основных функций иллатива — обозначение движения предмета внутрь другого предмета. В определительных словосочетаниях с иллативом главный компонент называет предмет, через который можно входить или по которому можно проходить внутрь чего-либо, а зависимый — называет место, куда входят, например: *ovi saliin* 'дверь в зал', *tie metsään* 'дорога в лес', *matkalla kouluun* 'по пути в школу' и др.

Значительно шире распространены иллативные словосочетания, в которых главный компонент выражен существительным, называющим действие, а зависимый компонент в иллативе называет объект этого действия. В целом в словосочетании выражаются определительно-объектные отношения. Этого рода словосочетания соотносятся с глагольными словосочетаниями, в которых главный компонент — глагол — управляет иллативом. Ср.: *vastaus kirjeeseen* 'ответ на письмо' и *vastata kirjeeseen* 'отвечать на письмо'; *suhde työhön* 'отношение к работе' и *suhtautua työhön* 'относиться к работе'; *Hän on suhteissaan läheisiin tuttuihinsa aran hieno* (Järnefelt. Herääminen) 'В отношениях к близким знакомым он слишком нежный'; *Hänen vaikutuksensa toisiin ihmisiin on ihmeellinen* 'Его влияние на других людей чудодейственно'.

7. Имя существительное + имя существительное в адессиве

Одна из основных функций адессива — обозначение места, на поверхности которого или в районе которого что-либо или кто-либо находится или располагается. В определительных словосочетаниях с адессивом главный компонент, выраженный существительным с конкретным значением, называет предмет, а зависимый — место, где этот предмет расположен. В целом в словосочетании выражаются определительно-обстоятельственные отношения места, например: *Kajavat kuuluvat Kukkian maantieteeseen kuten rakkaat riippakotivut pihalla ja pitkä, villi, viikatetta tuntematon ruoho* (H. Wuolijoki. Kummituksia ja kajavia) 'Чайки, как и милые плакучие березы на дворе и высокая, дикая, не знавшая косы трава, являются неотъемлемой принадлежностью пейзажа (досл. географии) острова Куккиа'; *Lammiota ärsytti Rahikaisen mielittely: ensinkin yleensä siitä, ettei hän sietänyt toista kukkoa tunkiolla, eikä varsinkaan nyt* (V. Linna. Tuntematon sotilas) 'Подхалимство Рахикайнена раздражало Ламмио: во-первых потому, что он не переваривал второго петуха на мусорной свалке (т. е. его присутствия), тем более сейчас'.

Главный компонент может быть выражен существительным, показывающим действие. Зависимый компонент, выраженный существительным в адессиве, в таких случаях показывает место, где происходит или где совершается действие, например: *Kiitos, herra Hagman, ruheestanne Korkeasaaren kalliolla* (Aho. Kevät ja takatalvi) 'Спасибо, господин Хагман, за вашу речь на скале Коркеасаари'.

Иногда главный компонент может иметь два однородных определения, выраженных существительными в разных местных падежах, например в адессиве и в инессиве: *Kauaksi olivat singhaneet eilislän vienot elämykset ja tämän päivän aurinkoiset ilot tiellä ja pihossa* (F. Sillanpää. Nuorena nukkunut) 'Далеко остались тихие переживания вчерашнего вечера и сегодняшнее солнечное веселье на дорогах и улицах'; *Mutta Lia tiesi monista käynneistään merellä ja saaristossa, että saarien takana jatkuu vielä tätä samaa meren lahtea* (Nokelainen. Tie päättyy tuoksuvaan lehtoon) 'Из неоднократных поездок на море и на острова Лиа знала, что за шхерами простирается тот же морской залив'; *Heistä on elossa vielä tytär kotiseudulla ja poika Neuvostoliitossa* (Murto ja

Kaukonen. Oikeus koneristoolin piirussa) 'Из них в живых были еще дочь на родине и сын в Советском Союзе'.

В определительных словосочетаниях с адессивом могут быть выражены определительно-обстоятельственные отношения времени, например: *Voimistelu aamulla on terveydelle hyödyllistä* 'утренняя гимнастика (досл. гимнастика утром) полезна для здоровья'; *Hän oli ripainen kuin karhu kesällä* (A. Penttilä. Suomen kielioppi) 'Он был рыжий, как медведь летом'.

8. Имя существительное + имя существительное в аблативе

Одна из основных функций аблатива — обозначение места, от которого что-либо отделяется, лица, от которого что-либо берется, а также времени, с которого что-либо ведет свое начало.

В определительных словосочетаниях с аблативом главный компонент называет лицо или предмет, а зависимый — место, откуда это лицо или этот предмет родом, например: *Edustaja Pekka Huttunen Rautasalmelta palasi tiedusteluretkeltään sekä ilmoitti...* (S. W. Uolijoki. Vaari muistelee) 'Делегат Пекка Хуттунен из Раутасалми вернулся и доложил...'; *Mitäpä minä, siipirikko muuttolintu myrskymailta...* *kelpaa minulle vanhatkin, — vikisi Akulina* (Tihlä. Lehti kääntyy) 'Что я, перелетная птица с надломленным крылом с берегов, где часто бушуют штормы (досл. птица со штормовых берегов)... пригодятся мне и старые вещи', — бормотала Акулина'.

Определительные словосочетания с аблативом могут выражать определительно-обстоятельственные отношения времени. Обычно в таких словосочетаниях существительное в аблативе имеет при себе определение, выраженное именем прилагательным, например: *Vanhat ihmiset sanoivat lapsen aivan erikoisesti muistuttavan Kustaan äitiä nuoremmilta vuosilta* (F. Sillanpää. Nuorena nukkunut) 'Старые люди говорили, что ребенок сильно напоминал мать Кустаа в молодые годы'.

9. Имя существительное + имя существительное в аллативе

Одна из основных функций аллатива — обозначение места, на поверхность которого что-либо ставится или к которому что-либо приближается, направляется, а также обозначение лица, которому что-либо дается или адресуется.

В определительных словосочетаниях с аллативом главный компонент показывает предмет, вещь или действие, а зависимый компонент в аллативе называет лицо, которому этот предмет адресуется, или называет отвлеченное понятие, которому что-либо посвящается, например: *Lukekaa Georg Brandesin vakavat sanat Strindbergille siitä, että...* (Y. Sirola. Kirje Aholle) 'Прочтите серьезные слова Георга Брандеса в адрес Стриндберга (досл. слова Стриндберга) о том, что...'; *Lönnrotin kirjeet tuttavillensa pitäisi julkaista* („Virittäjä", 1916) 'Письма Лённрота своим знакомым надо бы опубликовать'; *Tunnen, että minussa alkaa soida hymni onnesta, ilolaulu onnelle* (Aho. Muistatko?) 'Чувствую, что во мне зазвучит гимн о счастье, песнь счастью'.

10. Имя существительное + имя существительное в абессиве

В определительных словосочетаниях с абессивом главный компонент показывает вещь, предмет, а зависимый — чего лишен этот предмет, чего недостает ему, что у него отсутствует, например: *keitto suolatta* 'суп без соли'; *talo isännättä* 'дом без хозяина'; *talo katotta* 'дом без крыши' и т. д.

Словосочетания с абессивом соотносятся с определительными словосочетаниями, в которых определяющий компонент выражен именем прилагательным, образованным от существительного той же основы с помощью суффикса *-ton* (*-ttöma*-), обозначающим отсутствие того, что выражает коренное слово. Ср.: *keitto suolatta* 'суп без соли' и *suolaton keitto* 'несоленый (досл. бессоленный) суп'; *kirja kansitta* 'книга без обложек' и *kanneton kirja* 'безобложечная книга' и др.

Словосочетания с абессивом также соотносительны с партитивными словосочетаниями с предлогом *ilman* 'без', например: *keitto suolatta* 'суп без соли' и *keitto ilman suolaa* (с тем же значением); *kirja kansitta* 'книга без обложек' и *kirja ilman kansia* (с тем же значением).

Соотносительностью абессивных словосочетаний с партитивными словосочетаниями с предлогом *ilman* 'без' и со словосочетаниями с прилагательными с суффиксом *-ton* (*-ttöma*-), очевидно, объясняется и то, что абессивные словосочетания в финском языке встречаются исключительно редко. Однако в пословицах и изречениях такие примеры встречаются довольно часто, например: *Kolme on katsoa kamala: vene vedellä soutajatta, hepo tiellä haltijatta, paha vaimo vartijatta* (посл.) 'Ужасно смотреть на три вещи: на воде — на лодку без гребца, на дороге — на лошадь без ездока и на легкомысленную жену без охранителя'.

11. Имя существительное + имя существительное в комитативе

Главная функция комитатива — обозначение предмета, пассивно сопровождающего другой предмет, или обозначение нахождения предмета с кем-либо или с чем-либо.

В определительных словосочетаниях с комитативом главный компонент называет предмет или лицо, а зависимый — другой предмет или другое лицо, которое находится при нем или имеется у определяемого предмета, сопровождает его, например: *Sieltä löysin vain tyhjän makkauksen ja pöydällä puhui omaa kieltään puolitiehen juotu vesisekoitus lusikoineen* (F. Sillanpää. Kiitos hetkistä, herra) 'Там я обнаружила пустое ложе, а на столе своим языком говорил наполовину выпитый стакан с ложкой (досл. водяная смесь с ложкой)'; *Hänellehän kuului sekä saari että maja kalustoineen* (A. Brink. Velhojuuri) 'Ведь ему же принадлежал и остров, и домик со всем скарбом (досл. со всей мебелью)'; *Ei kesäinen tyyni lampi lipattavine laineineen muista talvellista jääpeittoaan* (Aho. Muistatko?) 'Летнее спокойное озеро с тихо плещущей волной не помнит о том, что зимой оно было покрыто льдом'.

Если главный компонент выражен отглагольным существительным, обозначающим действие, то определяющий компонент выражается существительным, имеющим отвлеченное понятие, сопровождающее

это действие: *Kaukana menneisyydessä oli Hilman onnellinen lähtöpäivä, soma muisto viehättävine jännityksineen* (F. Silta *la* праа. Nuorena nukkunut) 'Уже давно позади счастливый день ухода Хильмы, событие, оставившее воспоминание с трогательными переживаниями'.

12. Имя существительное + имя существительное в инструктиве

Основная функция инструктива — обозначение того, каким образом, с чем совершается действие. Однако инструктив может употребляться не только с существительными, обозначающими действие, но и с существительными, обозначающими конкретный предмет. В таких случаях инструктив (как и комитатив) обозначает предмет, пассивно сопровождающий другой предмет, показывает нахождение предмета с кем-либо или с чем-либо.

Главный компонент показывает предмет, а зависимый (существительное в инструктиве) другой предмет, имеющийся при нем, или, если главный компонент обозначает действие, зависимый показывает последствия, вытекающие из этого действия, например: *huone hellauunein* 'комната с плитой'; *taskukello tarkistetuin koneistoin* 'часы с проверенным механизмом'; *hevonen liehuvin harjoin* 'лошадь с развевающейся гривой'; *järvi sadoin saarin* 'озеро с сотней островов'; *Runoilija oli kuin lintu murtunein siivien* 'поэт был как птица с надломленным крылом'; *Hän näkee unessa yöllisen, valjun miehen varjokuvan peitetyn kasvoin* (L. Kettunen. *Huvää varaata suomea*) 'Он видит во сне тень бледного человека с закрытым лицом, которого он встречал ночью'; *Morsian mokalla huulen, kaaso kallella kupärän* (погов.) 'У невесты губы бантиком, у шафера шапка набекрень'.

ВЫВОДЫ

1. На основании синтаксических связей и отношений, которые выражаются в субстантивных словосочетаниях типа „имя существительное + имя существительное“, последние можно разделить на две большие группы:

а) словосочетания с именем существительным в генитиве в роли определяющего компонента или так называемые генитивные словосочетания;

б) словосочетания, определяющий компонент которых выражен именем существительным в других косвенных падежах, или так называемые партитивные, элативные, инессивные и другие словосочетания (словосочетания этой группы в литературном финском языке встречаются относительно редко и чаще всего только в составе пространственных, или сложных).

2. Своими особенностями (главным образом порядком слов) выделяются словосочетания, в которых имеется послелог или предлог, относящийся к определяющему компоненту, выраженному именем существительным в генитиве или в партитиве.

3. Характерной особенностью словосочетания типа „имя существительное + имя существительное“ является отсутствие согласования

между компонентами. Связь между компонентами — управление. Определяющий компонент в генитивных словосочетаниях, как правило, стоит перед определяемым. Инверсия встречается в стилизованной или в стихотворной речи. В словосочетаниях с другими косвенными падежами определяющий компонент, как правило, стоит после определяемого.

4. В зависимости от лексических значений слов, входящих в субстантивные словосочетания типа „имя существительное + имя существительное“, в них могут быть выражены определительные, определительно-обстоятельственные, определительно-субъектные и определительно-объектные отношения.

В. Е. ЗЛОБИНА

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПЕРЕХОДА СЛОВ ИЗ ОДНОЙ ЧАСТИ РЕЧИ В ДРУГУЮ В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В обогащении словарного состава различных языков немалое место занимает переход слов из одной части речи в другую. Обычно принято считать, что переход вызывается синтаксическими причинами. Так, адъективацию причастий объясняют тем, что причастие в определенной синтаксической конструкции утрачивает глагольные признаки, приобретает чисто качественное значение и грамматические признаки имени прилагательного; например, финские прилагательные *riippuva* 'зависимый', *sopiva* 'подходящий', *taitava* 'искусный, способный' образовались от причастий. Субстантивация прилагательных также объясняется тем, что при известных синтаксических условиях имя прилагательное утрачивает значение признака и приобретает предметное значение, например, финские имена существительные *köyhä* 'бедный, бедняк', *viisas* 'умный, умница', *tyhmä* 'глупый, глупец' по происхождению связаны с соответствующими именами прилагательными. Аналогично — влиянием синтаксических причин — объясняется и формирование категории наречия.

Однако было бы ошибочно думать, что переход в новую категорию обусловлен лишь синтаксической стороной и что другие языковые категории никакого значения не имеют.

* * *

Наблюдения над отдельными группами слов финского языка позволяют заключить, что переход слова в другую категорию происходит в силу ряда причин. Оказиональное употребление слова в новой для него синтаксической конструкции, которая затем может закрепиться за ним, и частое употребление одной падежной или глагольной формы в определенной позиции создают базу для перехода слова в другую часть речи. Изменению же морфологической природы слова и его переосмыслению способствуют другие языковые явления, на которых мы ниже и постараемся остановиться.

В финском языке синонимичные формы слова могут распадаться на совершенно разные по лексическим и грамматическим качествам слова. Так, например, наличие у слова двух основ может привести к их грамматическому и лексическому переосмыслению. Таким путем в финском языке обычно обогащаются наречия. Приведем несколько примеров.

Финское *täysi* 'полный' имеет две основы: основу на гласный *täyte-*, *täyde-* и основу на согласный *täyt-*. Обе основы выступают

в парадигме склонения и в современном финском языке, основа на согласный представлена в единственном числе лишь в партитиве (*täyt|tä*). Однако в более ранние времена падежный показатель эссива также мог присоединиться к основе на согласный (*täytnä** > *täynnä*), в результате чего получилось две параллельные формы эссива: *täytenä* и *täynnä*. При благоприятных синтаксических условиях форма, образовавшаяся из основы на согласный, отделилась от парадигмы склонения и перешла в наречие.

То же самое можно сказать о наречии *huomenna* 'завтра'. Оно отделилось от парадигмы существительного *huomen* 'утро' в форме эссива от основы на согласный. Эссив с основой на гласный сохранил прежнее значение. Заметим, что слово *huomen* в значении 'утро' в современном финском языке находит применение лишь в высоком стиле, в словосочетании *hyvää huomenta* 'доброе утро' и в таких сложных словах, как *huomenkoit* 'утренняя заря'. Понятие „утро“ в современном литературном финском языке выражается словом *aamu*, которое появилось в языке уже после распада прприбалтийско-финской языковой общности.

Интересно отметить, что и в русском языке диалектное „наутро“ обозначает „завтра“.

Глагольные образования могли также дифференцироваться по смыслу в зависимости от наличия двух основ, причем новое значение приобретала обычно более краткая из них; например, *jouten* 'праздно, бездела', *tieten(kin)* 'конечно' ведут свое начало от инструктивной формы II инфинитива глаголов *joutaa* 'иметь время, досуг' и *tietää* 'знать', образовавшихся от основы на согласный. В современном финском языке встречаются словосочетания, в которых форма *tieten* по семантике еще связана с глаголом *tietää* 'знать': *minun tieten* 'с моего ведома', *tieten taiten* 'с умыслом'.

Значительную роль в переосмыслении слова играет семантическое разграничение форм единственного и множественного числа. Образование форм множественного числа у имен, обычно употребляющихся только в форме единственного числа, влечет за собой и новое значение. Слово *vesi* 'вода' в косвенных падежах множественного числа — *vesillä*, *vesiltä*, *vesille* и т. д. — обозначает водную поверхность: реку, озеро, море и т. п., *rauta* 'железо' — во множественном числе *raudat* — выражает понятие 'кандалы', например: *veljekset vesille läksi, miehet nuotalle mènevät* 'братья на воды (на реку, на озеро) пошли, мужчины невод тянуть'; *hänen jaloissaan oli raudat* 'на его ногах были кандалы'.

Ряд слов, обычно не имеющих формы множественного числа, получив ее, теряют свое первичное значение и приобретают новое, например: *olo* 'нахождение, пребывание' и *olot* 'условия', *kalleus* 'дороговизна' и *kalleudet* 'драгоценности', *meno* 'ход, уход' и *menot* 'расходы', *kulku* 'прохождение' и *kulut* 'расходы', *pito* 'держание' и *pidot* 'банкет, пир'.

Некоторые слова при употреблении во множественном числе образуют новыми значениями, сохранив и старые, например: *väli* 'промежуток' и *välit* 'промежутки, отношения', *lahja* 'подарок' и *lahjat* 'подарки, дарование', *kutsu* 'приглашение, призыв' и *kutsut* 'приглашения, пир, званый обед'.

Множественное число обобщилось в данных случаях в силу заключенной в словах идеи собирательности.

Другая группа слов, у которой также в ряде случаев обобщилась форма множественного числа, отличается от предыдущей своими структурными особенностями. Это слова, отделившиеся от именной парадигмы в каком-либо из местных падежей, утратившие затем категорию падежа и числа и изменившиеся по значению. Такие слова выражают состояние предмета, например: *olla hereillä* 'быть в состоянии бодрствования', *olla kateissa* 'быть затерявшимся', *olla unohduksissa* 'быть забытым', *olla heitteillä* 'быть брошенным', *olla eksesissä* 'быть заблудившимся', *olla paisuksissa* 'быть опухшим', *olla väsyksissä* 'быть усталым', *olla mietteissään, ajatuksissaan* 'находиться в состоянии раздумья', *olla huolissaan* 'быть озабоченным' и др.

У этих слов множественное число обобщилось по ряду причин. Оно может указывать на длительность пребывания в данном состоянии (*olla unohduksissa* 'быть забытым', *olla heitteillä* 'быть брошенным'), на полный охват данным состоянием (*olla paisuksissa* 'быть опухшим', *olla väsyksissä* 'быть усталым'), на множество однотипных понятий, вызывающих данное состояние (*olla mietteissään, olla ajatuksissaan* 'быть в раздумье', где *miete* 'дума' и *ajatus* 'мысль' в форме множественного числа буквально выражают 'быть в думах, быть в мыслях'). В целом форма множественного числа создает более высокую ступень абстрагирования состояния.

Из грамматических категорий, присущих именам, категория притяжательной суффиксации также подверглась семантическим изменениям при переходе слов из одной части речи в другую. В составе слова с абстрактным понятием притяжательные суффиксы теряют свое конкретно-принадлежностное значение, обрастая другими функциями. В названиях состояния *olen huolissani, olet huolissasi, on huolissaan, olemme huolissamme, olette huolissanne* 'быть озабоченным' притяжательный суффикс указывает на состояние, свойственное кому-то: мне, тебе, ему, нам, вам — и вместе с формой множественного числа как бы погружает предмет в данное состояние полностью. Притяжательный суффикс, выступающий с наречиями причины и цели, указывает на действующего, например: *tein sen tahallani, teit sen tahallasi, teki sen tahallaan, teimme sen tahallamme, teitte sen tahallanne* 'я, ты, он, мы, вы сделали(и) это нарочно'. У наречий и служебных слов, выражающих пространственные понятия, притяжательные суффиксы утратили свое основное, посессивное значение и приобрели уточнительно-определяющее и указательное значения, например: *katsoa taakse-ni, -si, -een, -tme, -nne, -een(-nsa)* 'смотреть назад, на то, что остается позади меня, тебя, его, нас, вас, их'. Притяжательный суффикс выражает определенность в наречиях типа *tuoreeltaan, verekseltään* 'в свежем виде', повторность, например *uudelleen* 'заново'. Таким образом, получив новое значение, притяжательные суффиксы, в свою очередь, способствуют слову закрепиться в новом положении и становятся одним из признаков новой категории.

Нередко важную роль при переходе слова в другую часть речи играет и семантическая сторона.

Окказиональное употребление слова в несвойственной ему синтаксической функции, вызванное стремлением к аффектации, может также послужить причиной перехода слова из одной категории в другую. Действительно, продолжительное метафорическое употребление слова приводит к тому, что слово уже не отождествляется с его прежним значением, а принимается непосредственно в своем новом значении.

При стремлении к эффектному выражению подбирают прилагательное с соответствующим оттенком, но понемногу привыкают к такого рода преувеличенному выражению, и слово теряет свою стилистическую окраску, переходит в наречие: *ärettömän kaunis* 'безгранично красив', где *ärettömän* — генитивная¹ форма имени прилагательного *äretön* 'безграничный', *hirveän ruma* 'ужасно некрасивый', где *hirveän* — генитивная форма имени прилагательного *hirved* 'ужасный'. Слова *ärettömän* и *hirveän* в этих словосочетаниях выражают меру и являются наречиями, развившимися из имен прилагательных.

Данный словообразовательный тип продуктивен в современном финском языке. Класс наречий пополняется таким путем особенно за счет имен прилагательных на *-ton(-ttoma-)*, например: *tavattoman kirkas, tärkeä* 'необычно яркий, важный', где *tavattoman* — генитивная форма прилагательного *tavaton* 'необычный', *muodottoman paljon* 'исключительно много', где *muodottoman* — генитив прилагательного *muodoton* 'бесформенный', *mielettömän hauskaa* 'безумно весело', где *mielettömän* — генитив прилагательного *mieleton* 'безумный', *suunnattoman suuri sato* 'исключительно богатый урожай', где *suunnattoman* — генитив прилагательного *suunnaton* 'огромный, колоссальный', *mitättömän vähän* букв. 'ничемно мало', где *mitättömän* — генитив прилагательного *mitätön* 'ничемный'. Отрицательные причастия на *-maton(-mätön)* могут, как и прилагательные, переходить в наречия, например: *sanomattoman kaunis* букв. 'несказанно красив', где *sanomattoman* — генитив отрицательного причастия *sanomaton* 'несказанный'.

Вторую по численности и продуктивности группу образуют обнаружившиеся прилагательные на *-inen(-ise-)* и причастия на *-va(-vä)*, например: *harvinaisen säteinen syksy* букв. 'редкостно дождливая осень', где *harvinaisen* — генитив прилагательного *harvainen* 'редкостный', *kohtalaisen suuri* 'порядочно большой', где *kohtalaisen* — генитив прилагательного *kohtalainen* 'порядочный', *kummallisen pehmeä (luonne)* 'удивительно мягкий (характер)', где *kummallisen* — генитив прилагательного *kummallinen* 'удивительный', *häikäisevän loistava* 'ослепительно блистательный', где *häikäisevän* — генитив причастия *häikäisevä* 'ослепляющий', *inhottavan likainen* букв. 'отвратительно грязный', где *inhottavan* — генитив причастия *inhottava* 'отвратительный', *kiiltävän puhdas* 'блестяще чистый', где *kiiltävän* — генитив причастия *kiiltävä* 'блестящий', *ihmeteltävän suuri* 'удивительно большой', где *ihmeteltävän* — генитив пассивного причастия незаконченного действия *ihmeteltävä* букв. 'долженствующий вызвать удивление'.

Также и некоторые существительные перешли в наречия в результате метафорического употребления. Например: *ihmeen vilkas lapsi* 'удивительно (букв. 'чудо') резвый ребенок', где *ihmeen* — генитив существительного *ihme* 'чудо'.

Как видно из примеров, адвербиализованные каритивные прилагательные и причастия выражают степень и меру качества, а прилагательные на *-inen* и причастия на *-va(-vä)* больше указывают на признак

¹ Среди лингвистов нет единого мнения о происхождении наречий на *-n*. Одни считают их инструктивной формой (см.: Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. I. Изд. иностр. лит., М., 1953, стр. 90), другие — генитивной (см.: П. Ариств. Прим, 63 к книге Л. Хакулинен). Д. В. Бубрих также не относит их к инструктивным образованиям (см. его: Историческая морфология финского языка, Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 15).

качества, что свидетельствует об их отходе от прилагательного в области семантики. Существенно они отличаются от имен прилагательных и по своим грамматическим особенностям: они не согласуются с определяемым словом, а примыкают к нему.

С течением времени эмоциональная окраска у многих слов, употребленных некогда метафорически, потускнела, и они воспринимаются как наречия меры и степени качества, например: *därettömän kaunis* 'исключительно красивый', *tavattoman kirkas* 'необычайно яркий', *kauhean vaikea* 'ужасно трудный' и др. Однако некоторые образования сохранили оценочный момент в качественной характеристике прилагательного, например: *inhottavan likainen* 'отвратительно грязный', *kiiltävän puhdas* 'до блеска чистый'.

Из семантических изменений, которым подвергаются слова при переходе их из одних частей речи в другие, отметим еще перемещение значения по линии место—время. Такая семантическая эволюция наблюдается и в других прибалтийско-финских языках, особенно в области наречий, послелогов, предлогов и других служебных слов. Эта общая для прибалтийско-финских языков закономерность проявляется даже в случаях, когда слова, выражающие адекватные понятия, не имеют общих корней. Так, наречие 'снова, опять' выражается в финском языке словами *taas*, *jälleen*, в карельском языке (ливвиковский диалект) — *myöz*, в эстонском — *jälle*, *jällegi*, *taas*. Этимологически эти слова, выражающие время, восходят к пространственным понятиям. Карельское *myöz* имеет смысловую связь с отыменными глаголами *myöstie*, *myöstättie* 'подать назад', производными от слова **myö* 'спина'.¹ Форма *myöz* представляет собой, вероятно, усеченную транслативную форму (*myöz* < *myös* << **myökse*) от имени **myö*, которое утратило свое первоначальное конкретное значение существительного и перешло в наречие. Финское *taas* по своему происхождению связано с основой *taka-*, которая в сложных словах типа *takaperin* 'задом', *takarajuinen* 'отсталый' и наречиях *takana* 'позади', *taakse* 'назад' выражает место. В наречии *taas* были когда-то совмещены значения места и времени, но впоследствии местное значение было утрачено.

Параллельное развитие значений наблюдается и в русском языке. Наречие „опять“, как нам кажется, по своему происхождению связано со словами, выражающими место. В. Даль в „Толковом словаре живого великорусского языка“ приводит глаголы „опячивать, опятить“ и указывает, что они обозначают „пятить, подать назад“, существительное — „опяченье“. По Далю, слово „опять“ соответствует наречию „снова, еще... назад“: „Луканька, поиграй, да опять (да назад) отдай!“ Наречие „обратно“ в некоторых русских говорах (например, в орловском) употребляется в смысле „опять“ („обратно пошел дождь“), что также свидетельствует о замене местного значения временным.

Финское *jälleen* 'снова' и эстонское *jälle* в том же значении можно этимологизировать со словом *jälki* (*jälje-*) 'след'. Форма *jälle* употреблялась в финском языке еще в XIX в. Леннрот в словаре „Finskt-Svenskt lexikon“ приводит оба слова, указывая, что форма *jälleen* диалектная. В словаре приводятся следующие значения: 1) *jälle* (dial. *jällen*) adv. *äter*, *anno*, *äyerigen (taas)* 'основа'; *sataa jälleen*, *det reg-*

¹ Л. Хакулинен указывает, что **myö-selkä* — 'спина'. (Структура и развитие финского языка, ч. I. М., 1953, стр. 93).

nar äter 'снова идет дождь'; 2) *tilibaka, igen (takaisin)* 'назад, обратно'; *Tulkaat jälle te, ihmisten lapset* (Ps. 90:3) 'Вернитесь назад вы, дети народа'.

Леннрот фиксирует и слово *jälleen*,¹ объясняя, что оно имеет те же значения, что и слово *jälle*.

История наречия *jälleen* 'снова' также говорит в пользу предположения о смещении местного значения временным.

Переосмысление предлогов и послелогов финского и карельского языков, образовавшихся от имен, выражавших место, шло по линии перехода местного значения во временное.²

Несколько иного рода смысловое перевоплощение произошло у прилагательного *paras*, перешедшего в форме адессива множественного числа *parhailaan* в наречие времени 'сейчас, в настоящее время'. Современное значение финского *paras* 'лучший' не раскрывает причинной стороны сдвига, но в родственных языках (эстонском и карельском) сохранилось прежнее значение слова 'подходящий', которое и легло в основу семантического изменения. *Parhailaan* могло образоваться из словосочетания *parhaila ajoin*, где компонент *ajoin*, попав в неудачное положение, мог слиться с первым компонентом и сократиться в едином потоке речи. Следовательно, слово *paras* — в своем первичном значении 'подходящий, точный' — лексикализировалось в адессиве множественного числа, приобретя временное значение.

Аналогичное явление наблюдается и в других языках, как например в английском и шведском, в которых в одном слове совмещены значения 'подходящий, точный' и 'только что': *this dress is just for you* 'это платье Вам как раз' и *he has just come* 'он только что пришел' (англ.); шведское *just* значит 'правильный, точный', 'именно, как раз', а в словосочетании *just nyss* 'сейчас, только что' выражает идею времени. Заимствованное из шведского в разговорный финский язык *justiin* включает в себя оба вышеуказанные значения: *justiin = juuri, ihan* 'точно, только что'. Например: *olen justiin samaa mieltä* 'я точно такого же мнения', *tulen justiin sieltä* 'иду только что оттуда'.

На основании всего изложенного можно заключить, что фонетические, морфологические и семасиологические явления нередко способствуют слову закрепиться в новой грамматической категории и в новом значении.

¹ М. Айрила указывает, что *jälleen* < *jäljelleen*. (См.: *Johdatusta kielen teoriaan*, I. Porvoo, 1940, стр. 75).

² Такие послелогии, как (*viden*) *tienoissa*, *paikkeilla*, *nurkillä*, *maissa*, *korvilla* (*illan*) *suussa*, указывающие на время, легко могут быть возведены к именам, указывающим на место, или к названиям частей тела: *tienoo* 'местность', *paikka* 'место', *nurkka* 'угол', *maa* 'земля', *suu* 'рот', *korva* 'ухо'.

М. М. ХЯМЯЛЯЙНЕН

О РАЗВИТИИ ВНУТРЕННЕ-МЕСТНЫХ ПАДЕЖЕЙ
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ГРУППЕ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ

ВВЕДЕНИЕ

К северо-восточной группе прибалтийско-финских языков мы относим финский, карельский, ижорский и вепсский языки. Эти близкие между собой языки, кроме общности, полученной из праприбалтийско-финского языка, имеют много общего, возникшего в более поздние периоды в результате прямых или косвенных связей и соприкосновений. Известно, например, что в состав финской национальности вошли две группы исторической корелы: привыборгская и присайминская. Участие карел в образовании финской национальности сильно сказалось и на развитии финского языка. С карелами связано и происхождение ижоры и ижорского языка. Вместе с тем влияние финского языка на ижорский на протяжении истории было настолько велико, что ряд языковедов относит ижорский язык к диалектам финского языка. На развитие карельского языка большое влияние оказал вепсский язык. По мнению Д. В. Бубриха, южные карелы Карельской АССР по своему происхождению являются вепсами, и даже „современная речь олонейского перешейка по множеству признаков близка к вепсской речи, а Прионежье отличается от вепсской речи совсем мало“¹.

Несмотря на общность происхождения и более поздние прямые соприкосновения, косвенные связи и влияние друг на друга, в этих языках исключительно велики различия в употреблении внутренне-местных и внешне-местных падежей (вторичных по своему происхождению). Особенно это касается наречий карельского языка. Различия в употреблении этих падежей в отдельных наречиях карельского языка значительно больше, чем различия в употреблении этих же падежей, например, в собственно карельском наречии и самом далеком от него (по сходству и территориально) ливском языке.

В финском языке употребляется три внутренне-местных падежа (инессив, элатив и иллатив) и три внешне-местных (адессив, аблатив и аллатив). В собственно карельском наречии внутренне-местные падежи представлены как и в финском, но в употреблении внешне-местных падежей имеются различия: как в собственно карельском, так и в финском языке имеет место аблатив, но финским адессиву и аллативу в собственно карельском наречии соответствует один падеж — адессив-

аллатив, по форме совпадающий с адессивом финского языка. В южно-карельских наречиях — ливвиковском и людиковском, а также в вепсском языке отсутствуют исходные падежи — элатив и аблатив. Финским и собственно карельским инессиву и элативу в южнокарельских наречиях и вепсском языке соответствует только один падеж — инессив-элатив, по форме совпадающий с инессивом. Финским адессиву, аблативу и аллативу и собственно карельским адессиву-аллативу и аблативу в людиковском наречии карельского языка и вепсском языке соответствуют два падежа — адессив-аблатив (по своей форме совпадающий с адессивом) и аллатив. В ливвиковском же наречии карельского языка, за исключением некоторых говоров, трем финским и двум собственно карельским внешне-местным падежам соответствует только один падеж — адессив-аллатив-аблатив. Имеются и еще некоторые различия в употреблении внешне-местных падежей в ливвиковских говорах карельского языка.

В нашей статье мы будем рассматривать, в первую очередь, вопросы развития внутренне-местных падежей в отдельных наречиях карельского языка, в вепсском, ижорском и финском (литературном) языках. Особенно нас интересует вопрос об отсутствии внутренне-исходного падежа — элатива в вепсском языке и южнокарельских наречиях — ливвиковском и людиковском. В данной статье мы не будем специально касаться истории развития внешне-местных падежей в упомянутых языках, — это особая тема исследования. Но на одном из вопросов о внешне-местных падежах мы остановимся. Нельзя объяснить отсутствие внутренне-исходного падежа — элатива без учета отсутствия внешне-местного падежа — аблатива в одних и тех же языках и наречиях. Отсутствие двух исходных падежей — явление одного и того же порядка, и навряд ли возможны различные объяснения отсутствия этих падежей в упомянутых наречиях и языках.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВНУТРЕННЕ-МЕСТНЫХ ПАДЕЖЕЙ

Прежде чем приступить к рассмотрению исторического развития внутренне-местных падежей в карельском, вепсском, финском и ижорском языках и объяснению исключительно больших различий в употреблении этих падежей в рассматриваемых языках (это особенно касается различных наречий карельского языка), напомним вкратце общепринятые положения о происхождении этих падежей в прибалтийско-финских языках, или точнее — в праприбалтийско-финском языке.

По своему происхождению внутренне-местные падежи в прибалтийско-финских языках являются вторичными падежами. Они возникли, по общему признанию, еще в волжско-прибалтийско-финское время. Во всех внутренне-местных падежах имеет место *s*-овый элемент, например в финском языке окончанием инессива является *-ssa (-ssä) < *-sna (*-snä)*, элатива — *-sta (-stä)* и иллатива — *-seen < -sen, -hen (-han, -hon* и т. д.), *-een (-aan, -oon* и т. д.) *< *-hen < *-zen*.

Некоторые исследователи полагают, что „иллатив является самым молодым из внутренне-местных падежей, образовавшимся, возможно, лишь в ранний период финского языка-основы“¹. Другие считают, что и иллатив возник в волжско-прибалтийско-финское время. Д. В. Бубрих отмечает, что „в прибалтийско-финском материале объяснение внутренне-

¹ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Гос. изд. Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1947, стр. 44.

¹ Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. 1. М., 1953, стр. 87.

местных падежей не находится, но оно имеется в мордовском материале¹.

В отношении происхождения в составе внутренне-местных падежей общего *s*-ового элемента, с которым связана идея места внутри чего-либо, не существует единой точки зрения в науке. Так, например, Л. Хакулинен в упомянутой выше работе, ссылаясь также и на других авторов, утверждает, что это *s* первоначально являлось суффиксом латива.² Д. В. Бубрих в названной нами и других работах приходит к выводу, что *s*-овый элемент восходит к послелого, выступающему в указательном склонении мордовского языка, а послелог, в свою очередь, восходит к местоимению.³ П. Аристе считает, что „имелся специальный суффикс *-s*, посредством которого образовались разные местные падежи.“⁴

Нет необходимости подробно рассматривать, какого происхождения *s*-овый элемент в составе внутренне-местных падежей. Важно другое: к какому периоду развития финно-угорских языков относится *s*-овый элемент. Общепринято, что этот элемент восходит по крайней мере к эпохе волжско-прибалтийско-финской языковой общности, а возможно, является и еще более древним.

На вопрос о происхождении суффиксов локатива на *-na* (продолжателем которого является эссив), делатива на *-ta* (предшественника партитива) и латива на *-n'* в составе внутренне-местных падежей существует одна точка зрения. Все авторы сходятся на том, что к *s*-овому элементу присоединились суффиксы первичных падежей локатива, делатива и латива.

Что касается происхождения внешне-местных падежей в общеприбалтийско-финском плане, то в науке также существует общепринятое мнение, что они возникли только в период существования праприбалтийско-финского языка.

Состав компонентов внешне-местных падежей ясен. Общий *l*-овый элемент во всех рассматриваемых падежах восходит к общему прибалтийско-финскому суффиксу *-la (-lä)* (со значением коллектива и места), к которому присоединяются те же первичные падежные окончания, что и во внутренне-местных падежах.

О РАЗВИТИИ ВНУТРЕННЕ-МЕСТНЫХ ПАДЕЖЕЙ В ЮЖНОКАРЕЛЬСКИХ НАРЕЧИЯХ И ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ

Прежде всего нас интересует отсутствие исходных падежей в южнокарельских наречиях. Этот вопрос приобретает большой интерес в связи с тем, что в наречиях одного и того же языка (карельского) в одних из них употребляются исходные падежи, в других они отсутствуют.

К вопросу о бытовании исходных падежей в одних языках и наречиях и об их отсутствии в других можно подойти с разных сторон.

¹ Д. В. Бубрих. Историческая морфология финского языка. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 26.

² Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. 1.

³ Д. В. Бубрих. 1) Историческая морфология финского языка, стр. 26; 2) происхождение *s*-овых внутренне-местных падежей в западных группировках финно-угорских языков. Уч. зап. Карело-Финск. гос. ун-в., т. I, 1946.

⁴ P. Ariste. Sisekohakäänete kujunemisest Läänemere keeltes. (Об образовании внутренне-местных падежей в прибалтийско-финских языках). Изв. АН ЭССР, 1954, т. III, № 1, стр. 49.

Можно, например, предположить, что в тех языках и наречиях, где сейчас нет исходных падежей, их никогда и не было. Можно считать, что исходные падежи были утрачены этими языками. Но если признать последнее положение, то следует решить, в результате чего произошла эта утрата: в силу ли фонетических изменений, имевших место в языке, в результате ли морфологических сдвигов, под влиянием ли синтаксических факторов языка или под воздействием других языков, и т. д.

Следует, в первую очередь, установить, были ли в прошлом вепского языка и южнокарельских наречий исходные падежи. Непосредственных данных, которые свидетельствовали бы о существовании исходных падежей в прошлом этих языков, нет. Но косвенные данные говорят в пользу предположения о их былом существовании.

Вепский язык (вместе с южнокарельскими наречиями — ливвиковским и людиковским, которые, очевидно, восходят к вепсскому языку) берет свое начало из праприбалтийско-финского языка. Все внутренне-местные падежи, как известно, возникли еще в период волжско-финской языковой общности и до сего времени являются живыми падежами мордовского языка. Эти падежи были и в праприбалтийско-финском языке. Существуют они и в большинстве прибалтийско-финских языков. Отсюда напрашивается вывод, что исходные падежи были и в вепском языке, и в южнокарельских наречиях (или в том наречии или наречиях праприбалтийско-финского языка, продолжателем которого или которых является вепский язык). Едва ли можно предполагать, что вепский язык и отделившиеся от него наречия, продолжающиеся в южнокарельских наречиях (ливвиковский и людиковский), в отношении внутренне-местных и внешне-местных падежей стояли особняком среди остальных прибалтийско-финских языков. Да и современные формы этих падежей в вепском языке и южнокарельских наречиях показывают, что они там не представлены в их первоначальном виде и что в них произошло очень много фонетических изменений.

В пользу такого предположения говорят и основные значения внутренне-местных и внешне-местных падежей. В вепском языке и южнокарельских наречиях (ливвиковском и людиковском) в инессив-элативе полностью совпадают все основные значения инессива и элатива других прибалтийско-финских языков. Точно так же в адессив-аблативе вепского языка и людиковского наречия полностью совпадают все основные значения адессива и аблатива других прибалтийско-финских языков. Логически и из значений рассматриваемых падежей вытекает, что либо инессив-элатив и адессив-аблатив разделились на две части и дали начало инессиву и элативу, адессиву и аблативу в других прибалтийско-финских языках, либо инессив и элатив, адессив и аблатив в вепском языке и южнокарельских наречиях слились в два падежа: инессив-элатив и адессив-аблатив. Нет абсолютно никаких оснований отрицать существование исходных падежей в праприбалтийско-финском языке. Еще меньше оснований к предположению, что в праприбалтийско-финский или в более древний период были какие-то вторичные пребывательные-исходные падежи, которые затем разделились на две части и дали начало вторичным пребывательным и исходным падежам.

Фонетические данные вепского языка и южнокарельских наречий наглядно показывают, что в окончаниях местных падежей этих языков произошли серьезные фонетические сдвиги и рассматриваемые падежные окончания отнюдь не представлены в первоначальном виде. Попы-

таемся ответить на вопрос, когда же произошли эти изменения: в период самостоятельного существования вепсского языка или в более ранний период. В этой связи попытаемся также выяснить, имеются ли в самом вепсском языке и южнокарельских наречиях что-либо (фонетического и иного порядка), что могло бы говорить о возможности или невозможности существования исходных падежей в прошлом этих языков.

Начнем с фактов, которые не имеют непосредственного отношения к падежным окончаниям. В вепсском языке, например, совершенно различно ведут себя *s*, *z* или *š*, *ž* в середине или конце слова в отношении перехода или неперехода их в другие звуки или озвончения в разных типах слов. Приведем примеры:

1. В словах типа *jäniš*(~*ž*): *jäniš*len ~ an 'заяц, зайца'; *variš*(~*ž*): *variš*len ~ an 'ворона, вороны'; *il'beš*(~*z*): *il'besen* 'рысь, рыси' и т. д. свистящие и шипящие не изменяются, не чередуются ни в каком положении. В словах этого типа *s*, *z*, *š*, *ž* восходят к *ks*, *kš* (ср. карельское и финское *jänis*: *jänikse*-, *varis*: *varikse*-, *ilves*: *ilvekse*-).

2. В словах типа — *kirveš*(~*z*): *kirven*(*< kirvehen*) 'топор, топора'; *taivaš*(~*z*): *taivhan* (*< taivahan*) 'небо, неба'; *armaš*(~*z*): *armhan* (*< armahan*) 'милый, милого'; *nagr'iš*(~*z*): *nagrhen* (*< nagrihen*) 'репа, репы' — *s*, *z*, *š*, *ž* чередуются с *h* (такое чередование имеет место в карельском и, с некоторыми видоизменениями, в других прибалтийско-финских языках). В этом типе слов вепсские *s*, *z*, *š*, *ž* восходят к *s*.

3. В вепсском языке в одинаковых фонетических позициях (между гласными или звонкими согласными и гласными) в одних случаях имеет место звонкое *z*, например *peza* 'гнездо', *vez'i* 'вода', *küz'i* 'рука', в других же — глухое *s*, например *tatasaiž* 'в твоём или при твоём отце', 'из или от твоего отца'. В этих примерах звонкие *z*, *ž* соответствуют негеминированному *s* тех прибалтийско-финских языков, в которых *k*, *t*, *p*, *s* не озвончаются; например, финск. *pesä*, *käsi*, *vesi*, а вепсские глухие *s*, *š* (в составе окончания вепсского инессива-элатива) соответствуют финскому *ss* (в составе окончания инессива *-ssa*, *-ssä*) или *st* (в составе окончания элатива *-sta*, *-stä*), например, *isüssäsi* 'в твоём отце', *isüstäsi* 'из твоего отца, о твоём отце'.

Интересно в этой связи отметить, что в ряде говоров, например в шимозерском, в словах типа *variš*, *g'an'iš* даже в абсолютном конце слова *š* не озвончается, в то время как в словах типа *rugiž*, *nagriž*, *rugiž* в абсолютном конце слова употребляется звонкое *ž*. С точки зрения истории фонетического развития такие звукосоответствия являются весьма последовательными: не озвончаются такие *s*, *š*, которые восходят к сочетанию двух согласных, в данном случае — *ks*, и озвончаются такие *s*, *š*, которые восходят к *s*, *š*. В этом же говоре не озвончаются *s*, *š* в абсолютном конце слова и в падежном окончании инессива-элатива: *kädes*, *küz'iš* 'в руке, в руках', 'из руки, из рук', *jougas*, *jougoiš* 'в ноге, в ногах', 'из ноги, из ног'. И в этом случае соблюдается большая историческая фонетическая последовательность (если сопоставить окончание инессива-элатива вепсского языка с окончаниями инессива и элатива, например финского языка или собственно карельского наречия): глухие *s*, *š* в окончании вепсского инессива-элатива соответствуют окончаниям инессива *-ssa*(*-ssä*) или элатива *-sta*(*-stä*) в финском и карельском языках. Следовательно, и в этом случае развитие звонкости *s*, *š* в исходе слова могло задержаться сочетанием

двух глухих согласных: или *ss* в инессиве (*kädessä** > *kädess** > *kädes*) или *st* в элативе (*kädestä** > *kädest** > *kädes*). Отметим, что иногда в вепсских говорах встречается употребление двойного *s*, *š* в инессиве-элативе в некоторых фонетических позициях, например: *puss_om reig* 'в дереве дыра'; *ni küss_eil'e vet* 'нигде нет воды'; *koivuss_om oks* 'на березе ветка'; *papiš ~ papišš_om* 'у попа есть'.¹ Э. Тункело отмечает, что „геминированное *s* в вепсском языке унаследовано, возможно, только в окончании инессива (и в эссиве *toissa*). Непосредственно перед следующим сонантом, по крайней мере в некоторых местностях, отмечены случаи употребления в инессиве геминаты *ss* с краткой первой частью“.² Следует также отметить, что и в словах типа *jäniš*, *variš* иногда в некоторых фонетических положениях *š* геминируется, например: *jänišš_om*, *varišš_om*. Здесь в сочетании *šš*, очевидно, отражается бывшее сочетание *ks*. Этот факт косвенно свидетельствует о том, что в вепсском инессиве-элативе двойное *s* может восходить и к элативу (к сочетанию двух различных согласных — *st*), а не только к инессиву. Приведенные факты дают возможность предполагать, что в вепсском языке в составе окончания инессива-элатива, так же как и в окончаниях других местных падежей, произошли большие изменения, и эти падежные окончания отнюдь не представлены в их первоначальном виде. Мы поэтому не можем согласиться с В. И. Лыткиным, что не исключена возможность, что в „прибалтийско-волжскую эпоху наряду со сложным (-сна) существовал простой инессив на *-sa*, сохранившийся в мордовских языках и во многих прибалтийско-финских языках и диалектах (эстонском, ливском, вепсском, некоторых финских диалектах)“.³

По крайней мере в окончании вепсского инессива(элатива) и в современном языке все еще настолько заметны пережитки на *-ssa*, что не может быть и речи о возводимости его к „простому“ инессиву на *-sa*.

О происхождении инессива на *-sa* в отдельных прибалтийско-финских языках имеются высказывания в ряде работ.⁴ Для таких утверждений имеются, безусловно, основания.

В водском языке действительно окончанием инессива является *-za*(*-zä*), например: *jalgaza* 'в ноге', *pagoza* 'в бегах', *nokkaza* 'в клюве', *verkkoza* 'в сетях', *rinnaza* 'в груди', *mäezä* 'на горе, в горе' и т. п. Интересно отметить, что перед падежным окончанием инессива в одних случаях (перед геминированными взрывными) слово имеет сильную ступень чередования согласных, и это нефонетично с точки зрения современного языка, в других (перед негеминированными взрывными) — слабую ступень, и это фонетично по нормам современного языка.

¹ E. Tunkelo. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946, § 135.

² Там же.

³ Редакторское примечание В. И. Лыткина в книге Д. В. Бубриха „Историческая морфология финского языка“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 174—175.

⁴ Lauri Kettunen. 1) Eestin kielen äännehistoria. Helsinki, 1929, стр. 94; 2) Vatjan kielen äännehistoria. Helsinki, 1930, стр. 76—77; 3) Suomen murteet, III, Helsinki, 1940. — E. Tunkelo. „Virittäjä“, 1930, стр. 370. — E. N. Setälä. Yhteissuomalainen äännehistoria. Helsinki, 1890—1891, стр. 227. — P. Ariste. Sisekohakäänete kujunemisest Läänemere keeltes. (Об образовании внутренне-местных падежей в прибалтийско-финских языках). Изв. АН ЭССР, 1954, т. III, № 1, стр. 194.

В среднеэстонских говорах перед падежным окончанием инессива слово имеет сильную ступень, и это нефонетично с точки зрения современного языка, например: *rindus* 'в груди', *jalgas* 'в ноге', *lauttas* 'в хлеву'. Этот факт должен был бы говорить о том, что инессив в названных эстонских говорах восходит к „простому“ инессиву на *-sa*.

В группе западнофинских говоров окончанием инессива также является *-sa(-sä)*, и перед этим падежным окончанием имеет место слабая ступень, что нефонетично с точки зрения современного языка, например: *jäläsa* 'в ноге', *maasa* 'в земле, на земле', *matalasa* 'неглубоко' и т. п.

В водском языке, таким образом, встречаются такие языковые факты, которые как будто говорят о первоначальности *s*-ового инессива. Но в нем встречаются также и такие факты, которые говорят в пользу первоначальности *ss*-ового инессива. Если учесть еще обстоятельство, что в современном водском языке вообще не встречается геминированное *s*, что оно (*ss*) перешло в *z* (мы не говорим о тех случаях, когда *ss* восходит к *st*, а также о случаях, когда *ss* встречается в нескольких заимствованных словах), то в таком случае окончание инессива на *-za(-zä)* в водском языке ничего не говорит о происхождении его из „простого“ инессива на *-sa*. Наличие чередования ступеней согласных перед падежным окончанием инессива на *-sa(-sä)* или *s* (слабая ступень перед этим окончанием в юго-западных говорах финского языка и в определенных случаях в водском языке) или отсутствие этого чередования (сильная ступень чередования в среднеэстонских говорах и в определенных случаях в водском языке) не могут служить серьезным аргументом для обоснования происхождения современного инессива из „простого“ инессива на *-sa* или из сложного на *-ssa (< sna)*. Слабая или сильная ступень в рассматриваемых случаях могла установиться также в результате аналогии. Нефонетичное обобщение сильной ступени в одних говорах или наличие слабой ступени в других перед падежным окончанием инессива скорее всего говорит только об относительной давности перехода окончания инессива *-ssa(-ssä)* в *-sa(-sä)* или *-za(-zä)*. И в этой связи необходимо отметить, что в составе окончания инессива произошло много фонетических изменений. Первоначальный вид этого окончания **sna(-*snä)* представлен весьма различно в прибалтийско-финских языках: *-sna(-snä)*, *-hna(-hnä)*, *-ssa(-ssä)*, *-sa(-sä)*, *-za(-zä)*, *-s(-š)*, *-z(-ž)* и в некоторых других разновидностях.

Нет больших оснований видеть в *-sa(-sä)* или *-za(-zä)* „простой“ инессив на *-sa(-sä)*, если мы будем учитывать другие фонетические данные языка: ведь перешло же в водском языке *ss* в *z*, почему же в этом языке также и окончание инессива на *-ssa(-ssä)* не могло перейти в *-za(-zä)*, почему это должно было стать исключением из общей фонетической закономерности? Трудно предположить, чтобы во всех прибалтийско-финских языках одни внутренние-местные падежи (элатив и илатив) по своему происхождению могли бы являться вторичными, а другие (инессив) — в некоторых из этих языков и говоров — первичными. Заметим здесь, что и мордовский инессив на *-so* восходит к *-sla*, т. е. это падежное окончание является вторичным и, следовательно, сложным по своему происхождению. Ни в вепском языке, ни в южнокарельском ливвиковском наречии окончание инессива-элатива также не возводимо к „простому“ инессиву на *-sa(-sä)*.

В некоторых говорах вепского языка в определенных фонетических позициях (об этом мы говорили выше) в этом падежном окончании встречается геминированное *s*. В южнокарельских наречиях в случае употребления притяжательных суффиксов окончанием инессива (-элатива) является *-ssa(-ssä)*, например, *tuata|ssah*. В этом вопросе мы согласны с утверждением Л. Кеттунена, что „*ss* инессива-тавастских и более восточных финских говоров восходит также к праприбалтийско-финскому языку. Эту линию развития представляют вепский и карельский языки“¹.

Что же касается сокращения *ss(ss > s)* в окончании инессива, то следует считать вполне удовлетворительным объяснение Э. Н. Сетяля, указывающего, что это сокращение является, очевидно, довольно древним и первоначально встречалось только в безударном положении, откуда затем по аналогии распространилось на все случаи.²

Анализ закономерностей перехода свистящих в шипящие в ливвиковском наречии карельского языка и особенно в видлицком говоре этого наречия дает весьма интересный материал для предположения о былом существовании элатива. Д. В. Бубрих в статье о развитии перехода свистящих в шипящие в видлицком говоре пишет следующее: „Как известно, древнее прибалтийско-финское *s* или возникшее из него *z* в ливвиковском наречии карельского языка (как и в людиновском наречии, равно как в вепском языке) в положении после *i* и *i* смягчилось, после чего мягкое *s'* или *z'* перешло в *š* или *ž*. Примеры (по видлицкому говору): *iškō* 'бьет, колет', *n'išku* 'затылок, задняя часть шеи', *viškō* 'швыряет', *kiškō* 'тащит', *puol'iško* 'половина', *kiškoj* 'ерш', *ižä* 'отец', *ižändü* 'хозяин', *ižä* 'добавка', *n'izu* 'пшеница', *kiža* 'игра', *šizä'i* 'пазуха' (*š* по ассимиляции с *ž*), *šizil'ijhkoj* 'ящерица' (*š* по ассимиляции с *ž*), *šizmu* 'сковородник' (*š* по ассимиляции с *ž*), *er'iže* 'отдельно', *nuorižo* 'молодежь', *tal'izu* 'ветренный', *aizu* 'оглобля', *raizivo* 'колея' и т. п.

„В видлицком говоре, как и в некоторых других, данное явление имеет два существенных ограничения.

„Во-первых, *s* остается без изменения перед твердым *t*. Примеры: *istä* 'сидит', *kistä* 'спорит, вздорит', *kojihäl'istö* 'беднота', *lumistu* (партитив) 'снежного', *kaun'istä* 'украшает' и т. п. Очевидно, твердость *t* мешала смягчению предшествующего *s*.

„Во-вторых, *z* (из *s*) остается без изменений в конце слова. Примеры: *ruiz* 'рожь', *valmiz* 'готовый', *pertiz* 'в избе [также 'из избы', — М. Х.]', *ravoiz* 'в горшках [также 'из горшков', — М. Х.]' и т. п.“³

Возникает вопрос: почему же во всех ливвиковских говорах в конце слова после *i*, *i* сохраняется нефонетичное свистящее *z*, почему оно не переходит в шипящее *ž*? В другой своей статье Д. В. Бубрих дает на это следующий ответ: „Очевидно, в исходе слова на смыке с последующим словом в свое время могли возникнуть какие-то особые затруднения для смягчения *s*“⁴. (Напомним здесь, что неперенным условием для перехода свистящих в шипящие являлось смягчение *s*, а смягчение *s*,

¹ Lauri Kettunen. Suomen murteet, III, стр. 192.

² E. N. Setälä. Yhteis-suomalainen äännehistoria, стр. 227.

³ Д. В. Бубрих. К вопросу об исторической последовательности фонетических сдвигов в ливвиковском наречии карельского языка. Изв. Карело-Финской базы АН СССР, № 1—2, Петрозаводск, 1947, стр. 120—121.

⁴ Д. В. Бубрих. Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах. Уч. зап. ЛГУ, вып. 2, 1948, стр. 133.

в свою очередь, вызвано *i, i*). По нашему мнению, объяснение этого интересного фонетического явления может быть и другим.

Смягчение *s(z)* после *i, i* в абсолютном конце слова в таких случаях, как: *pertiz* 'в избе, из избы', *ravoiz* 'в горшках, из горшков' могло задержать твердое *t* бывшего элатива (**pertistä, *ravoista*). Значит, и в этом случае смягчение *s* после *i, i* могло быть задержано таким же образом твердым *t*, как и в случаях *istä, kätä, kaunistaa* и т. д. Следовательно, в обоих случаях для сохранения *s* после *i, i* могла иметь силу одна и та же фонетическая закономерность. Такое объяснение представляется нам самым естественным. Что касается сохранения *s(z)* после *i, i* в абсолютном конце слова в таких случаях, как *ruiz, valmiz* и т. д., где переходу *s > s' > š* не могло помешать твердое *t*, то *s(z)* в них могло обобщиться по аналогии с *pertiz, ravoiz*.

Объясняя сохранение *s(z)* без всяких изменений в абсолютном конце слова в таких случаях, как *pertiz, ravoiz*, тем, что после него (*s, z*) стояло твердое *t*, которое помешало смягчению *s(z)*, мы тем самым определяем в какой-то мере и время утраты элатива и в вепском языке, и людиковском и ливвиковском наречиях карельского языка. Значит, элатив мог иметь место еще после того, как из вепского языка выделилось ливвиковское и людиковское наречия карельского языка.

При рассмотрении вопроса о возможности существования исходных падежей в вепском языке и южнокарельских говорах следует обратить внимание на содержание вепского агглютината *-päi* (~ *-pai* ~ *-pā* ~ *-pā* ~ *-pei* и т. д. < *päin), южнокарельского *päi* ~ *päin* и финского наречия-последлога *päin*, которые употребляются при внутренне-местных и внешне-местных падежах, а также при наречиях со значением места.

Вепский формант *-päi* и финское наречие-последлог *päin* исторически являются падежной формой инструктива во множественном числе слова *pää* 'голова, конец'; *päin* можно перевести 'концом, головой'. Современное финское наречие-последлог *päin* можно перевести 'стороной, направлением, концом, головой'. Никакого конкретного направления оно не показывает, в смысле направления *päin* является нейтральным; конкретное направление (направление во внутрь, на внешнюю сторону, исход, выход, отход и т. д.) показывают те падежи, при которых оно употребляется, например, по-фински *metsään päin* 'по направлению к лесу, в сторону леса' (первон. — 'концом, головой к лесу'), *metsästä päin* 'со стороны леса' (первон. 'концом, головой из леса'), *metsässä päin* '(быть) в стороне леса, в направлении к лесу' (первон. 'концом, головой в лесу'), *järvelle päin* 'в сторону озера, к озеру' (первон. 'концом, головой к озеру, на озеро'), *järveltä päin* 'со стороны озера' (первон. 'концом, головой от озера'), *järvellä päin* '(быть) в направлении к озеру, в стороне озера' (первон. 'концом, головой на озере'); по-вепски *metshapäi* 'в сторону леса, к лесу', *metsaspäi* 'со стороны леса' и 'из леса', *järvelepäi* 'в сторону озера, к озеру', *järvelpäi* (~ *jarvoipäi* ~ *jarvoipäi*) 'со стороны озера' и 'с озера, от озера', в наречии *edupäi* 'впереди, в передней стороне'. Обращает на себя внимание двойственная природа вепского агглютината *-päi* (бывшего последлога *päin*). При иллативе и аллативе он обозначает только нейтральную сторону, направление, а само направление движения показывают падежи (*metshapäi* 'к лесу, в сторону леса', *järvelepäi* 'в сторону озера, к озеру'). При инессиве-элативе и адессиве-аблативе этот агглютинат имеет двойное значение: 1) обозначает ней-

тральную сторону, направление и 2) содержит в себе значение исходности (*metsaspäi* 'со стороны, по направлению из леса' и 'из леса', *järvelpäi* 'со стороны, по направлению от озера' и 'с озера'). В южнокарельских наречиях *päi* имеет такое же двойственное значение, как и в вепском языке. О двойственной природе этого *päi(n)* в ливвиковском наречии карельского языка Н. А. Анисимов пишет следующее: „Употребляется этот падеж [инессив-элатив, — М. Х.] и с послелогом *päi*,¹ но при этом он может иметь двойное значение: во-первых — из чего, с чего, во-вторых — в направлении от чего, со стороны чего; например: *lapset jo tullah skolas päi* 'дети уже идут из школы' (поскольку известно, что дети были в школе), *lehmät tullah külüs päi* 'коровы идут от бани, со стороны бани' (поскольку известно, что коровы не были в бане), *tuulou järves päi* 'дует ветер со стороны озера', *mašin tul'i l'innas päi* может означать 'машина прибыла из города' и 'машина пришла с городской стороны', *olen l'innas päi tulemas* 'нахожусь в пути из города', *metsäs päi kuulutah kellot* 'колокольчики слышны из леса' и 'колокольчики слышны со стороны леса', *kaži juoksi aitas päi* 'кошка бежала из кладовой' и 'кошка бежала в направлении от кладовой'².

Чем объяснить такую двойственную природу агглютината *-päi* южнокарельских наречий и вепского языка? Объяснить это явление легко, если исходить из предположения о существовании исходных падежей — элатива и аблатива в прошлом этих языков. В таком случае агглютинат *-päi* (в прошлом наречие-последлог *päin*) мог иметь только одно значение: значение нейтральной стороны, без указания направления, а само конкретное направление (пребывание, исход, прибытие) показывали те падежи, при которых употреблялся этот агглютинат (в том числе и элатив, и аблатив), как это имеет место и сейчас, например в финском языке в наречии-последлоге *päin*. Второе, новое значение — исходность, отделительность — агглютинат *-päi* получил только после того, как в вепском языке утратились различия между инессивом и элативом, адессивом и аблативом, т. е. тогда, когда инессив и элатив слились в один падеж инессив-элатив, а адессив и аблатив — в один падеж адессив-аблатив. Такое слияние падежей привело к неразличению пребывательности и исходности в случаях, когда весь контекст в целом не подсказывал этих различий. Для устранения такого пробела был использован агглютинат *-päi*, который получил еще одно, новое значение — значение исходности, отделительности тех исходных, отделительных падежей, при которых он до этого употреблялся, и в большой степени (только в большой степени, а не совсем) восполнил утрату элатива и аблатива. Утрата элатива не была восполнена агглютинатом *-päi* в тех случаях, когда при этом падеже не употреблялся агглютинат (раньше последлог), т. е. в тех случаях, когда элатив не имеет исходного значения, например *ost'in sadas rubl'as* 'я купил за сто рублей', *o'tin hänt kädes* 'я взял его за руку'. Кроме того, употребление указанного агглютината совершенно не обязательно даже в тех случаях, когда элатив имеет и исходное значение. Например *hongas hongha l'endlob* 'с большого дерева на (другое) большое дерево перелетает'.

На возможность получения агглютинатом *-päi* нового содержания

¹ Н. А. Анисимов южнокарельское *päi* называет послелогом, а не агглютинатом.

² Н. А. Анисимов. Фонетика и морфология коткозерского говора (рукопись, хранится в архиве Карельского филиала АН СССР).

в связи с утратой вепским языком элатива и аблатива указывает и Л. Кеттунен. „Послелог *päin* (инструктив от *pää* 'голова, конец'), — пишет он, — оказался общим окончанием отделительных падежей в таких случаях, когда исходный падеж требует уточнения. Таким образом образовалось новое окончание элатива и аблатива“.¹ (Вепский формант *päi* мы рассматриваем как агглютинат, а не падежное окончание).²

Двойственная природа вепского и южнокарельского агглютината *-päi(n)* (значение нейтральной стороны, направления, как и финского или собственно карельского *päin*, и значение исходности, отделительности) косвенно говорит о бытовании исходных падежей в прошлом южнокарельских наречий и вепского языка.

ПРИЧИНЫ УТРАТЫ ИСХОДНЫХ ПАДЕЖЕЙ ЭЛАТИВА И АБЛАТИВА В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ И ЮЖНОКАРЕЛЬСКИХ НАРЕЧИЯХ

Лаури Кеттунен в своей монографии, посвященной истории звуков южновепских говоров, утрату элатива и аблатива объясняет отпадением *t* в постконсонантном положении.³ Э. А. Тункело в своей работе по истории фонетики вепского языка⁴ опровергает все фонетические доводы Кеттунена. Э. Тункело в своей полемике с Л. Кеттуненом не определяет причин, которые могли бы, с его точки зрения, привести к исчезновению исходных падежей в вепском языке, но выдвигает предположение, что причины исчезновения этих падежей, возможно, надо искать в синтаксисе, значениях и функциях падежей и, быть может, во влиянии других языков. Э. Тункело решительно отвергает возможность объяснения утраты исходных падежей в результате фонетических изменений в составе этих падежных окончаний.

Следует более подробно рассмотреть выдвинутые Кеттуненом фонетические обоснования причин утраты исходных падежей вепским языком и южнокарельскими наречиями и возражения Тункело, так как эти проблемы обсуждаются только в их работах.

Положение Кеттунена о том, что в вепском языке исходные падежи утратились в результате отпадения *t* в постконсонантном положении, заслуживает самого серьезного внимания, если это частное явление включить в общую закономерность нетерпимости сочетания согласных в конце слога середины и конца слова в прибалтийско-финских языках. Как известно, эти языки не терпели сочетания согласных ни в начале слова или слога, ни в конце слога середины слова, ни в конце слова. В. Д. Бубрих дает следующее описание сочетаний согласных в прибалтийско-финском языке: „Слог мог начинаться не более чем на один согласный. Это значит, что не более чем на один согласный могло начинаться и слово в целом. К этому нужно добавить, что непервые слоги начинались на один согласный обязательно... Оканчиваться слог мог и на сочетание двух согласных. Но в этом случае первый из согласных должен был быть бесшумным (сонорным), а второй шумным. Последний слог, впрочем, оканчивался не более чем на один согласный (разрядка наша, —

¹ L. Kettunen. Vepsän murtelden lauseopillinen tutkimus. Helsinki, 1943, § 577.

² См. нашу статью „Об агглютинатах в вепском языке и южнокарельских наречиях карельского языка“ в трудах Карельского филиала АН СССР „Прибалтийско-финское языкознание“ (вып. XII, Петрозаводск, 1958).

³ Lauri Kettunen. Lounavepsa häällikälugu, § 32.

⁴ E. Tunkelo. Vepsän kielen äännehistoria, §§ 43, 49, 49, 135.

М. Х.)¹. Такая закономерность употребления согласных в конце слога сохраняется в основных чертах и по сей день в финском литературном языке, собственно карельских и ливвиковских говорах карельского языка. Особенно это касается тех случаев, где один из компонентов в сочетании согласных является взрывным.

Для иллюстрации этого положения приведем некоторые примеры. Выше, в другой связи, было отмечено, что в результате отпадения или выпадения *e* в трех- и многосложных словах (до этого только в нечетносложных) типа *jänikse* 'заяц', *kirjoitukse* 'запись, письмо' в конце слова или конце слога середины слова должно было оказаться нефонетичное *ks*, но из-за нетерпимости сочетания согласных в конце слова или конце слога середины слова нефонетичное сочетание *ks* упрощается в фонетичное *s*, например *jänikset*: *jänis*, *jänistä* 'зайцы, заяц, зайца'. В вепском языке в данном типе слов сочетание *ks*, упростившееся в *s* (или его отражения *z*, *š*, *ž*), обобщилось в основе слова во всех случаях — фонетичных и нефонетичных, например *jänis|ed* (~ *ad*): *jänis*, *jänist* 'зайцы, заяц, зайца'.

Недостаточно ясным еще является вопрос, как произошел переход *ks* в *s* и *ps* в *s* — непосредственно или через какую-либо промежуточную ступень. Весьма возможно, что при переходе *ks* > *s*, *ps* > *s* и в других случаях имели место и промежуточные ступени. Такое предположение высказали Л. Кеттунен и Э. Тункело. Но в данном случае не это является существенным. Самым важным здесь является то, что в результате в конце слога середины и конца слова оказалось *s*, а не сочетания *ks* или *ps*.

Упрощение вышеупомянутых сочетаний согласных в один согласный (*ks* > *s*, *ps* > *s*) — общеприбалтийско-финское явление. Таким образом, еще до широкого отпадения гласных в вепском языке (в том числе и *a*, *ä* в составе элатива и аблатива) существовала традиция упрощения сочетания согласных в конце слога середины и конца слова в один согласный. Особенно это касается конца слога в исходе слова. Поэтому мы считаем приемлемым объяснение Кеттунена, что вепский язык утратил исходные падежи — элатив и аблатив в результате отпадения *t* в постконсонантном положении в исходе слова. Еще раз отметим, что нетерпимость *t* в постконсонантном положении в исходе слова мы рассматриваем как частное явление общей закономерности нетерпимости сочетания согласных в конце слога середины и конца слова. Л. Кеттунен не ставит отпадение глухого *t* в постконсонантном положении в связь с общей закономерностью нетерпимости сочетания согласных в конце слога и слова.

Весьма серьезные возражения против теоретических положений Л. Кеттунена высказал Э. Тункело. Поскольку в этих возражениях заключается не только мнение самого автора по рассматриваемому вопросу, но изложено все основное, что до сего времени сказано по вопросу об отсутствии исходных падежей в вепском языке и южнокарельских наречиях, считаем необходимым привести высказывание Э. Тункело почти полностью. „Так же, как и аблатив, — пишет Э. Тункело, — в вепском языке отсутствует элатив, хотя уже в прафинском языке был исходный падеж на *-sta*, *-stä*. (Ведь имеется же в мордовском языке как по морфологической оформленности, так и

¹ Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, 1948, стр. 19—20.

по значению точное соответствие прибалтийско-финскому элативу). Утрата элатива вепским языком до сего времени не объяснена и навряд ли получит свое объяснение и в будущем только на основе истории фонетики вепского языка, например на основе отпадения глухого постконсонантного *t*.¹ Даже в олонецком наречии карельского языка инессив и элатив «слились в один падеж, окончанием которого (перед притяжательным суффиксом) является *-ssa(-sta) sinussas* 'в тебе, из тебя', *uuvessah*² 'снова'; в рунах иногда *ssu, ssü: karzinassu* 'в подполье, из подполья', *metšässy* 'в лесу, из леса'; обычно *-s* и *-z*».³ Следовательно, слияние элатива и инессива в олонецком наречии в один падеж не зависит от отпадения конечных гласных или согласных и от последствий этого отпадения. И в людиковском наречии также имеет место инессив-элатив, окончанием которого является *-ssä-* (напр. *itšessäh*), *ss* или (обычно) *s*.⁴ В южнолопарских говорах окончанием элатива является *-st*, инессива *-sn*.⁵ В луулайском говоре лопарского языка общим окончанием эссива и инессива является *-n*, для элатива — только *-s*.⁶ У норвежских и кольских лопарей для обоих падежей, инессива и элатива, окончанием является *-st*,⁷ кроме говоров Кауткейно и Карисъёки, где окончанием этих падежей является только *-s*, начинающее проникать в полмакские говоры.⁸ Таким образом, вопрос об отсутствии элатива в вепском языке является слишком сложным для окончательного разрешения сейчас.

„Даже в пермских языках, в которых окончанием элатива является *s*, в окончании элатива *t* сохраняется только перед притяжательными суффиксами в вотяцком (удмуртском, — М. Х.) языке, например, *korka* 'haus', элат. — *korkas*', с притяжательными суффиксами в елабугском говоре — *korkas'tim* 'aus meinem Hause'. Отсутствие элатива в пермских языках объясняют в историко-фонетическом плане: в конце слова *st > s*. В севернорусских говорах встречается подобное же звукоизменение: *st > s, st' > s'*.⁹ Но в вепском языке *st* является устойчивым и в конце слова: в нем всегда *last* 'ребенка', *must* 'черный', *vast* 'веник', *lambast* 'овцы', *kirvest* 'топора'. Сохраняется *-st* и в олонецком наречии: *koi-vustu* 'березы', *mätästy* 'кочки', *mustu* 'черный'; сохраняется также и у людигов: *pakašt* 'мороза', *rugišt* 'ржи'.

„Заслуживает все же некоторого внимания тот факт, что в эстонском языке в эссиве наблюдаются окончания на *-st* и *-ss*: *koigest ~ kigest ~ koegess* (Eesti murdeatlas, 55, III) и в водском языке *st ~ ss* (в открытом слог): *s* (в закрытом слог), напр. *puussa* финск. *puusta* 'из или с дерева', *meissamassa* 'перестать) понимать'».¹⁰

Об утрате вепским языком аблатива Э. Тункело пишет следующее:
 „Утрату входившего в состав аблатива конечного *t* неубедительно объясняют тем, что это вторичного происхождения *t* отпало в постконсонантном положении.¹¹ Даже в олонецком [в ливвиковском, — М. Х.] и

¹ Так уже пытались объяснить: LVHA, 32.

² У А. Генетца наряду с *uuvessah* дается также *uuvestah* (примечание наше, — М. Х.).

³ A. Genetz, TAK, s. 149.

⁴ Kieletär I r, s. 18.

⁵ Lagercrantz, Sprachlehre des Südlapp. 15, 19.

⁶ Wiklund, Lärobok i lappskan s. 24.

⁷ Szinnyei, FUSpr², s. 67.

⁸ Nielsen, Lærebok i lappisk I 20.

⁹ Uotila: SUST LXV 314—315.

¹⁰ Kettunen, VKAN² § 354. — E. Tunkelo. Vepsän kielen äännehistoria, § 49.

¹¹ LVHA, 56.

в людиковском наречиях адессив и аблатив слились в один падеж «*casus externus*» с окончанием на *-l*, который в древних олонецко-карельских рунах сохраняет также формы с неотпадающим гласным, например: *mäelley* 'на горе, на гору, с горы', *suudijoilu* 'у судей, судьям, от судей' и перед притяжательными суффиксами *-llä*: *täyvelläh* 'полностью', *yhtelläh* 'все же'.¹ Адессив-аблатив личных местоимений в людиковских говорах звучит в Святозере *minul ~ lain* 'у меня, от меня', *hänel ~ läh* 'у него, от него', *meil ~ ll* 'у нас, от нас', в Суне и Мунозере *millai* 'у меня, от меня', *sililai* 'у тебя, от тебя', *hälläi* 'у него, от него', *meill* 'у нас, от нас', *teill* 'у вас, от вас', *heill* 'у них, от них'. На основе только одной фонетической структуры этих трех языков трудно находить объяснение об утрате ими аблатива».²

Все сказанное Э. Тункело о невозможности утраты вепским языком элатива и аблатива в результате отпадения *t* в постконсонантном положении можно свести к трем положениям: 1) сочетание *st, št* в вепском языке имеет устойчивое положение в конце слова, например в номинативе: *vast* 'веник', *must* 'черный'; в партитиве: *kirvest* 'топора', *rugišt* 'ржи' и т. д. (добавим, что в современном вепском языке в исходе слова не только сочетание *st* имеет устойчивое положение, но и сочетания других согласных, например *kaks* 'два', *tal'u* 'зима', *hang* 'вилы', *händ* 'хвост', *hänt* 'его, ее', *p'üud*, *peld* 'поле', *kärz* 'морда' и т. д.); 2) в ливвиковском наречии имеют место *mustu* 'черный', *vastu* 'веник', *kirvestü* 'топора', *ruistu* 'ржи' и в старых рунах *viizahassu* 'в хитром, из хитрого', *mäellü* 'на горе, с горы, на гору' (это значит, что в ливвиковском наречии, по мнению Э. Тункело, *t* никогда не было в постконсонантном положении в исходе слова — для этого не было никаких фонетических условий, ибо *a, ä* в исходе слова здесь не отпало, а перешло в *u, ü*: *mustu* < *musta, *vastu* < *vasta, *viizahassu* < *viizahassa, *mäellü* < *mäellä), и тем не менее и в этом наречии произошла утрата исходных падежей; 3) в южнокарельских говорах различий между пребывательными и исходными падежами нет даже в застывших формах; например, в наречии *uuvessah* 'снова' и в исходно-пребывательных падежах, употребляемых с притяжательными суффиксами, которые обычно сохраняют более древние падежные формы.

Несмотря на серьезные возражения и, на первый взгляд, весьма убедительные доводы Э. Тункело о невозможности утраты вепским языком, а также и южнокарельскими наречиями исходных падежей в результате отпадения глухого постконсонантного *t* в исходе слова, мы все же склонны признать возможной утрату исходных падежей в результате отпадения *t*.

Попытаемся ответить на все основные доводы Э. Тункело. Посмотрим также, возможны ли еще какие-нибудь иные объяснения утраты вепским языком исходных падежей.

Остановимся подробнее на закономерности нетерпимости сочетания нескольких согласных в исходе слова.

Кажется совершенно естественным, что эта закономерность в вепском языке не исчезла сразу, хотя в современном языке сочетание не только двух, но и трех согласных в конце слова и является самым распространенным явлением. Нетерпимость сочетания согласных в ис-

¹ Genetz, TAK, 149—150.

² E. Tunkelo. Vepsän kielen äännehistoria, 43.

где *ks* является фонетичным.¹ Восстановление сочетания согласных в конце слога середины и конца слова по аналогии является, таким образом, распространенным явлением.

2. Нефонетичное сочетание *st* в конце слова в случаях *kirvest* 'топора', *kerandest* 'ушата', *rugišt* 'ржи' и других образовалось в результате отпадения *a* (*ä*) в словоизменительном суффиксе — партитиве, где падежное окончание присоединяется к согласной основе слова на *s*, *š*: сочетание *st* в конце слова здесь образуется из *s*, *š*, входящего в состав основы слова, и *t*, входящего в состав словоизменительного суффикса — партитива. Заметим здесь, что окончание партитива *t*, *d* присоединяется и к другим согласным основы, например *sur* | *t* ~ *d* 'большого', *sizar* | *t* ~ *d* 'сестры', *hult* | *t* ~ *d* 'губы', *samal* | *t* ~ *d* 'мха', *son* | *t* ~ *d* 'жилы', *paimen* | *t* ~ *d* 'пастуха', *pen* | *t* ~ *d* 'маленького' и т. д. Но падежное окончание партитива присоединяется не только к согласной, но и к гласной основе слова. Большинство имен в единственном числе имеет только одну гласную основу, например: *hebo* | *d* 'лошади', *lava* | *d* 'пола', *s'il'm'ä* | *d* 'глаза' и т. д. Во множественном числе окончание партитива, как и окончания других падежей, присоединяется только к гласной основе, например: *hebo* | *d'* 'лошадей', *lavo* | *d'* 'полов', *s'il'mil'd* 'глаз', *kirvhi* | *d'* 'топоров', *kerandesil'd* 'ушат'. Необходимо также отметить, что при односложных словах с кратким открытым слогом окончание партитива сохраняется в своем первоначальном виде — даже без отпадения *a* (*ä*), например: *ke* | *da* 'кого', *mi* | *da* ~ *mi* | *d'ä* 'чего, что'. В большинстве случаев окончание партитива оказывается в такой фонетической позиции, где оно не может отпасть.

Таким образом, с точки зрения общих фонетических закономерностей вепсского языка, в словах с основой на гласный (это подавляющая часть случаев) окончание партитива могло бы употребляться, а в словах с основой на согласный его употребление являлось бы невозможным. С последовательным соблюдением фонетических закономерностей в употреблении партитива получился бы настоящий хаос. Для предупреждения хаоса в употреблении партитива язык нашел выход. Этим выходом явилось морфологическое обобщение окончания партитива во всех случаях — в фонетичных и нефонетичных положениях, по аналогии с подавляющим количеством случаев, где употребление партитива являлось фонетичным.

О том, какие морфологические обобщения произошли в партитиве, свидетельствуют и другие нарушения фонетических закономерностей в ряде говоров вепсского языка в связи с употреблением окончания рассматриваемого падежа. В вепсском языке глухие *k*, *t*, *p*, *s*, *š* в положении между гласными или гласными и сонантами, а также после них в конце слова перешли в звонкие *g*, *d*, *b*, *z*, *ž*, и их употребление в таком положении является фонетичным.

Сейчас нас интересует переход глухих в звонкие в конце слова после звонких согласных, например: *händ* < *hántä 'хвост', *ižand* < *isüntä 'хозяин', *kuud* < *kulta 'золото', *hārg* < *härkä 'бык', *pard* < *parta 'борода', *birb* < *virpi 'дратва' и т. д. В южновепсских говорах эта закономерность озвончения является абсолютной и касается озвонче-

¹ На это обратил внимание V. Ruoppila (см. его: *Aurämöismurteiden äännehistoria*, Helsinki, 1955). Он отмечает, что *hiuks* употребляется в еврейском говоре. Заметим здесь, что *hiuks* употребляется во всех нингерманландских говорах, а не только в еврейском.

ния в основе и окончании партитива, например: *sond* < *sōnta 'жилы', *händ* < *hántä 'хвост' и 'его', *änd* < *āntä 'голоса', *paimend* < *paimenta 'пастуха', *jurd* < *jārta 'корня', *tütärd* < *tütärtü 'дочери', *huld* < *haltä 'губы', *hil'd* < *hiltä 'угля', *kel'd* < *kältä 'языка'. Но во всех остальных вепсских говорах фонетичное озвончение окончания партитива *t* после звонких согласных не происходит, например: *g'urt*, *jurt*, *hult*, *kort*, *paiment*, *humbart*, *kel't*, *hant* 'его', *ant* 'голоса'.¹ Подобное употребление нефонетичного *t* в партитиве могло обобщиться по аналогии с такими случаями, где *t* является фонетичным, например: *kirvest* 'топора', *kerandest* 'ушата', *mest* 'человека', *nagrišt* 'репы', *tošt* 'второго, другого'. В этих говорах установилась такая закономерность, что после гласных окончанием партитива является *-d* или *d'*, а после всех согласных (звонких и глухих) — *-t* или *-t'*. О чем же говорят приведенные примеры? О том, что в оформлении показателя партитива в постконсонантном положении в подавляющей части вепсских говоров произошли весьма большие обобщения аналогического порядка. Морфологические обобщения такого характера способны были не только противопоставить себя первоначальной фонетической закономерности нетерпимости сочетания согласных в конце слова, в том числе и *st* в партитиве, но и способствовать изменению и уничтожению этой закономерности.

Морфологические обобщения показателя партитива *-d*, *-t* при всех основах — гласных и согласных (в том числе и в словах с основой на *s*, что приводит к образованию в таких словах сочетания *st* в конце слова в партитиве) — является одним из многочисленных примеров нарушения первоначальной фонетической закономерности нетерпимости сочетания согласных в конце слова в пользу морфологической целесообразности.

Нарушение фонетических закономерностей в пользу морфологической целесообразности — частое явление не только в вепсском, но и в других прибалтийско-финских языках. Для норм вепсского языка отпадение *n* является фонетичным. Но эта фонетическая закономерность не соблюдается в языке абсолютно. В этом отношении существует ряд ограничений, в том числе и ограничения, связанные с морфологической целесообразностью. Например, в основной массе вепсских говоров *n* отпадает в окончании генитива во множественном числе (*lapsid'e* ~ *lapsid'en* 'детей', *prihojd'e* ~ *prihojd'en* 'парней' и т. д.), но не отпадает в генитиве в единственном числе (*lapsen* 'ребенка', *prihan* 'парня' и т. д.). Такое отпадение или сохранение в генитиве понятно: отпадению не препятствует в генитиве множественного числа то обстоятельство, что *n* входит только в состав этого окончания, а не является самим окончанием, т. е. форма генитива во множественном числе из-за отпадения *n* не перестает быть окончанием генитива (*-d'e* ~ *-d'en* < *-d'e+n*; *-d'e* по своему происхождению является показателем множественного числа, *n* — падежным окончанием), в то время как *n* в единственном числе является самим окончанием генитива. Генитив в единственном числе совпадает с аккузативом единственного числа.

В печенидском говоре на основе отпадения или сохранения *n* образовалось два падежа: генитив и аккузатив. Генитив образовался в результате фонетичного отпадения *n* (*minu poiga lapsen* 'дети моего сына') и

¹ Окончание партитива *t*, *t'* может являться кратким и полудолгим. Эту разницу мы здесь не отмечаем. В данном случае мы обращаем внимание только на обстоятельство, что показатель партитива в таком положении является глухим.

аккузатив в результате нефонетичного сохранения *n* (*m'd kazvat'in poigan* 'я вырастил сына').

Нужно отметить, что в историческом развитии элатива в вепском языке почти не было возможностей для сохранения или восстановления в абсолютном конце слова постконсонантного *t*, как это имеет место в таких случаях, как *must*, *vast* или *kirvest*, *lambast*, *rugist*. При элативной форме (если признать, что элатив существовал в вепском языке) упрощение фонетически нетерпимого сочетания согласных *st*, *št* элатива в абсолютном конце слова в *s*, *š* является естественным. Но здесь нам могут возразить, что такое развитие элатива и инессива невозможно потому, что оно привело бы к совпадению элатива с инессивом. Положение элатива с партитивом совершенно несравнимо в смысле результатов от отпадения гласных. Последовательное соблюдение фонетической закономерности нетерпимости сочетания согласных в конце слова при употреблении партитива привело бы к тому, что в одном типе слов (с основой на гласный, и кстати, преобладающего типа слов) употребление окончания партитива являлось бы возможным, а в другом типе слов (с основой на согласный) — недопустимым. Невозможность употребления падежного окончания партитива в одних случаях и возможность его употребления в других, действительно, создали бы хаос в языке. Для предупреждения этого окончание партитива обобщилось во всех положениях — фонетичных и нефонетичных — по аналогии со случаями, в которых употребление *t ~ d* является фонетичным.

В отношении элатива такое двойственное положение не могло возникнуть. Утрата элативом постконсонантного *t* в конце слова могла привести к совпадению этого падежа с инессивом абсолютно во всех случаях. При совпадении элатива с инессивом фонетически не могло возникнуть положение, при котором в одних случаях употребление элатива являлось бы возможным, а в других — невозможным, как это могло бы иметь место с партитивом. Таким образом, инессивная форма (образовавшаяся из бывшего элатива и инессива) в новой обстановке включила в себя и все основные значения двух прежних падежей — инессива и элатива.

Нам могут возразить, что в вепском языке имеются и такие формы, при употреблении которых в инессиве и элативе, а также и при адессиве и аблативе сохраняются гласные, которые, в свою очередь, должны сохранить в неизменном виде сочетания согласных в падежном окончании, и, следовательно, причиной утраты исходных падежей не может служить нетерпимость сочетания разных согласных в конце слова. Такими формами являются притяжательные суффиксы. В прибалтийско-финских языках широко известно восстановление прежних падежных форм при употреблении притяжательных суффиксов. В ряде финских говоров происходит отпадение конечных гласных в падежных окончаниях, например: *järvest* < *järvestä* 'из озера', *järvelt* < *järveltä* 'с озера'; в результате отпадения гласных совпадают адессив и аблатив: *järvel* < *järvellä* 'на озере', *järvel* < *järvelle* 'на озеро'. При употреблении притяжательных суффиксов восстанавливаются прежние падежные формы, например: *järvelstälän* 'из моего озера', *järveltälmmä* 'с нашего озера', *järvellelälis* 'на твоём озере', *järvellelelis* 'на твоё озеро'. И в вепском языке гласные в составе падежных окончаний при употреблении притяжательных суффиксов восстанавливаются, например: *tata[s]* 'в отце, при отце, у отца; из отца, от или у отца', *tata[salän]* (~ *tatasälän*) 'в моем отце, при моем отце, у моего отца, из моего отца; от или у моего отца', *tatal* (~ *tataj ~ tataoj*)

'от или у отца', *tatalain* (~ *tatalejn*) 'от или у моего отца'. Из примеров видно, что при употреблении притяжательных суффиксов восстанавливаются только гласные в составе падежных окончаний (вышемы все время говорили, что отпадение *a*, *ä* в элативе должно было создать сочетание **st* < **sta*, что нетерпимо в конце слова), но не восстанавливаются ожидаемые элативная форма на *-sta(-stä)* и аблативная на *-lta(-ltä)*. То же самое встречается и в южнокарельских наречиях. Не говорит ли это о том, что утрата вепским языком и южнокарельскими наречиями элатива и аблатива, как это и утверждает Э. Тункело, произошла в результате отпадения *t* в постконсонантном положении, и не нужно ли искать иные объяснения нефонетического порядка для этого весьма интересного явления? Но не надо забывать, что при употреблении притяжательных суффиксов восстанавливаются только гласные в составе падежных окончаний, но не сочетания согласных. Нужно также учесть широту употребления притяжательных суффиксов, с одной стороны, в финском языке, с другой — в вепском и карельском языках. Эта морфологическая категория в финском языке — живое и исключительно широко распространенное явление. В вепском и карельском языках притяжательные суффиксы — неживая языковая категория. Они употребляются редко и в весьма узком кругу слов. Кроме того, во многих случаях они вошли уже в состав падежных окончаний. Естественно, что в тех весьма немногочисленных случаях, при которых употребляются притяжательные суффиксы, и где, таким образом, можно было ожидать восстановления окончания элатива на *-sta(-stä)*, обобщилось *s*-овое окончание по аналогии с подавляющим количеством случаев, где отпадение *t* в постконсонантном положении являлось фонетичным.

Таким образом, отпадение *t* в постконсонантном положении в элативе или, как мы говорим, в силу общей закономерности нетерпимости согласных в конце слова, было вполне закономерным.

Только этим, по нашему мнению, можно объяснить фонетическое совпадение элатива с инессивом в вепском языке.

Те же самые фонетические сдвиги, которые привели к утрате вепским языком элатива, были причиной утраты и другого исходного падежа — аблатива.

По нашему мнению, причины утраты исходных падежей в южнокарельских наречиях те же, что и в вепском языке. Мы разделяем точку зрения Д. В. Бубриха, что южнокарельские наречия — ливвиковское и людиковское — в своем прошлом восходят к вепскому языку.¹

Перейдем к более детальному рассмотрению фонетического развития внутренне-местных и внешне-местных падежей в южнокарельских наречиях.

По мнению Э. Тункело, слияние элатива и инессива в один падеж в ливвиковском и людиковском наречиях не зависит от отпадения гласных и от его последствий, ибо если в этих наречиях окончанием инессива элатива является *-s(-š)* или *-z(-ž)*, то в них встречаются и такие формы, где нет отпадения конечного гласного. Нет отпадения, например, в некоторых формах с притяжательными суффиксами: *sinu|ssa|s* 'в тебе, из тебя', *itse|ssä|h* 'в самом себе, из самого себя', *uuve|ssa|h* (*uuve|sta|h*) 'снова', иногда в рунах: *karzina|ssu* 'в подполье, из подполья', *mettä|ssü* 'в лесу, из леса'.² Таким же образом Э. Тункело

¹ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, Карело-Финское гос. изд., 1947.

² E. Tunkelo. Vepsän kielen äännehistoria, § 49.

отвергает аргументы и об утрате аблатива в результате отпадения *t* в постконсонантном положении, ибо „даже в олонецком [ливвиковском, — М. Х.] наречии и у людиков адессив и аблатив слились в один падеж — в «*casus externus*» с окончанием на *-l*, который в древних олонецко-карельских рунах сохраняет формы с неотпадающим гласным, например: *mäelly* 'на горе, с горы', *suudijoilu* 'у, от судей' — и перед притяжательными суффиксами *-llä*: *täyvelläh* 'полностью', *yhtelläh* 'все же'. Адессив-аблатив личных местоимений в людиковских говорах звучит в Святозере *minul ~ -lain* 'у меня или от меня', *hänel ~ -läh* 'у него или от него'.¹

Нельзя отрывать исторического развития внутренне-местных и внешне-местных падежей в южнокарельских наречиях от развития тех же падежей в вепсском языке. Поскольку в южнокарельских наречиях карельского языка и в вепсском языке отсутствуют исходные падежи, в существовании которых в прошлом этих языков нет никаких оснований сомневаться, то вполне естественно предположить, как это и делает Э. Тункело, что утрата этих падежей могла произойти вследствие одних и тех же причин.

Если утрата исходных падежей в вепсском языке могла произойти, как мы считаем, вследствие упрощения в конце слова нетерпимого сочетания согласных (образовавшихся в конце слова в результате фонетического отпадения гласных), с одной стороны, и если, с другой, терпимость в конце слова нефонетического сочетания согласных (образовавшихся также в результате отпадения гласных) стала допустимой как в основе слова, так и в сочетании согласного основы слова и окончания партитива, то утрата исходных падежей, по мнению Э. А. Тункело, необъяснима вследствие отпадения *t* в абсолютном конце слова в постконсонантном положении в ливвиковских говорах хотя бы только потому, что *t* не могло оказаться в таком положении, ибо *a, ä* не отпали, а перешли в *u, ü*, что полностью исключает образование в абсолютном конце слова сочетания *st* или *lt*. Как утверждает Э. Тункело, еще в недавнем прошлом и в инессиве, и в адессиве ливвиковского наречия имели место *u, ü* (< **a, ä*).

Действительно, в ливвиковском наречии в абсолютном конце слова *a, ä* в большинстве случаев переходят в *u, ü*, а не отпадают. Например: *kulda** > *kuldu* (ср. *kulda-*) 'золото', *lehmä** > *lehmü* (ср. *lehmä-*) 'корова', *emändä** > *emändü* (ср. *emändä-*) 'хозяйка', *piendä** > *piendü* 'маленького', *vemmeldä** > *vemmeldü* 'дуги', *kastetta** > *kastettu* 'росы' и т. д. (ср. *kedü* 'кого', *midü* 'чего' и т. д.). Исключение из этого правила составляют двусложные слова с кратким первым слогом, в которых *a, ä* не отпадают и не переходят в *u, ü*, а сохраняются: *kana* 'курица', *tšoma* 'красивый', *kedü* 'кого', *midü* 'чего' и т. д., и многосложные слова с кратким предпоследним слогом, в которых *a, ä* не переходят в *u, ü* и не сохраняются, как в двусложных словах с первым кратким слогом, а отпадают (*madal* < *madala (ср. *madala-*) 'неглубокий, мелкий', *hämär* < *hämärä (ср. *hämärä-*) 'сумерки' и т. д.). Отпадают также *a, ä* в инессиве-элативе (*karzinas* 'в подполье, из подполья', *metšäs* 'в лесу, из леса'), в адессиве-аблативе (*mäl ~ mäel* 'на горе, с горы', *suudijoil* 'у судей, от судей'). Но в старых южнокарельских рунах встречаются случаи перехода *a, ä* в *u, ü* также и в инессиве-

элативе и адессиве-аблативе, например: *karzinassu, metsässü* и *mäellü, suudijoilu*.

Доводы Э. Тункело о невозможности утраты в южнокарельских наречиях и вепсском языке исходных падежей вследствие отпадения *t* в абсолютном конце слова в постконсонантном положении (т. е. в результате упрощения сочетания согласных в конце слова) заслуживают серьезного внимания, и с его возражениями следует серьезно считаться, если, во-первых, на самом деле в ливвиковском наречии *a, ä* в абсолютном конце слова в отмеченных уже выше случаях непосредственно переходили в *u, ü*, т. е. при развитии *a, ä* и *u, ü* не было никаких промежуточных звеньев; во-вторых, в прямолинейном развитии *a, ä* > *u, ü* не было никаких отклонений и исключений, т. е. *a, ä* переходили в *u, ü* одинаково во всех случаях: в основе слова и в падежных окончаниях, и причем в падежных окончаниях, в которых в современном языке имеет место только отпадение *a, ä* (например, в инессиве-элативе), и в падежных окончаниях, в которых в одних случаях *a, ä* сохраняются и в других — переходят в *u, ü* (*kedü* 'кого', *midü* 'чего', *tuadu* 'земли', *piendü* 'маленького'); в-третьих, если при развитии *a, ä* > *u, ü* отсутствуют факторы аналогии.

Развитие конечных *a, ä* в ливвиковском наречии нельзя рассматривать в отрыве от людиковских говоров вепсского языка. Точно так же невозможно понять историю *a, ä* в конце слова в рассматриваемых языках изолированно от развития этого звука в такой же позиции в собственно карельских говорах карельского языка и в финском языке. Развитие конечных *a, ä*, в свою очередь, нельзя отрывать от развития других конечных гласных во всех упоминаемых выше языках.

В связи с рассмотрением утраты исходных падежей в южнокарельских наречиях и в вепсском языке мы только кратко остановимся на развитии *a, ä* в конце слова, поскольку, с одной стороны, утрата упомянутых падежей ставится в косвенную связь с отпадением *a, ä* в конце слова, а с другой — имеются возражения против такой постановки вопроса.

В ливвиковском наречии карельского языка, как утверждает Э. Тункело, *a, ä* в конце слова перешли в *u, ü* во всех случаях, кроме двусложных слов с первым кратким открытым слогом, в которых *a, ä* в конце слова сохраняются. В положения Э. Тункело по этому вопросу нужно внести некоторые поправки.

Гласные *a, ä* в конце слова в инессиве-элативе и адессиве-аблативе не переходят в *u, ü*, а отпадают. Такие, весьма редкие примеры перехода *a, ä* в *u, ü* в отмеченных падежных окончаниях, как *metšässü, karzinassu, mäellü, suudijoilu*, встречаются, по замечанию и самого Э. Тункело, только в старых ливвиковских рунах. Подчеркиваем — в рунах.

Встречающиеся в старых рунах весьма редкие случаи употребления *u, ü* в инессиве-элативе и адессиве-аблативе являются ненадежным материалом для серьезных выводов о переходе *a, ä* в *u, ü* в рассматриваемых падежных окончаниях. Надо сказать, что в поэзии вообще допускается очень много всяких отклонений от общих норм языка. При соблюдении стихотворного размера не только в рунах и народнопесенном творчестве, но и в поэзии литературной, книжной в употреблении гласных не только конца слова, но и конца слога середины слова допускается очень много всяких отклонений от обычных норм языка. Употребление *u, ü* в качестве конечной огласовки

¹ Там же, 43.

в составе окончаний инессива-элатива и адессива-аблатива в ливвиковских рунах относится как раз к случаям нарушения норм употребления конечных гласных слова, которое связано со стихотворным размером не только в рассматриваемых падежах, но и в других случаях. Отметим также, что при соблюдении старого стихотворного размера в конце слова употребляются не только *u, ü*, но и другие гласные и даже чуждые для данного наречия падежные формы. Приведем некоторые примеры употребления конечных гласных в ливвиковских рунах.

В стихах руны *Lugi nuorin Jougamoine zvierire<d> metšässü*¹ 'Сосчитал молодой Еугаханне зверей в лесу' в составе окончания инессива-элатива имеет место *ü* вместо отпадения гласного в обычном тексте (по мнению Э. Тункело, это *ü* развивалось из *ä* в конце слова). В стихотворных строчках: *Nouzi mies mustas meres, vaski suista, vaski päistä, ... vaskikinttu kormanissa*² 'Встал человек из черного моря, медь во рту, медь на голове, медная рукавица в кармане' в одних случаях употребляется инессив-элатив с отпадающим гласным (*mustas meres*), что соответствует нормам языка, в других — с гласным *u* в составе рассматриваемого падежного окончания *-ssu (kormanissa)*, в третьих, вместо инессива-элатива — чуждый для данного наречия исходный падеж элатив на *-sta, -stä (suista, päistä)*. Эти же стихотворные строчки и дальше в руне одного и того же певца повторяются следующим образом: *Nouzi miez mustas meres, hobd'u suissa, hobd'u päissä, hobd'ukintut kormanissa* 'Поднялся мужчина из черного моря, серебро во рту, серебро на голове, серебряная шапка на плечах, серебряные рукавицы в кармане'. Здесь и нормальная форма инессива-элатива *-s (mustas, meres, kormanis)*, и окончание этого же падежа *-ssa, -ssä (suissa, päissä)*, а не *-ssu, -ssä*, как в *metšässü*.

Если в стихотворной строчке *Kirgui marjaine mäellü*³ 'Кричала ягодка на горке' окончание адессива-аллатива-аблатива звучит *-llü*, то в стихах *Itkõü neiçoi, ilavuttau kirjavile kivoyizile, kaunehele kallivoizel* 'Плачет девушка, рыдает на пестрых камнях, на красивой скале'⁴ окончанием рассматриваемого падежа является *-l*, и *-le*, а в стихотворных строчках *Eigõ häi muillah duumua küzü, yhtel omalleh tuatal* 'Ни у кого он совета не спрашивает, кроме своего отца' окончанием адессива-аллатива-аблатива является *-l, -lla: -lle*.

Как видим, огласовка и оформление инессива-элатива и адессива-аблатива в языке ливвиковских рунах представлены весьма пестро. В рунах встречаются, как мы уже отметили, даже случаи употребления вместо инессива и с инессивным же, а не с элативным значением. Приведенные примеры фонетического оформления рассматриваемых падежей в языке руна убеждают в том, что не имеется достаточных оснований говорить о переходе первоначальных *a, ä* в составе упомянутых окончаний в *u, ü*. По нашему мнению, *u, ü* в рассматриваемых падежных окончаниях употребляются только по требованию традиционного стихотворного размера таким же образом, как и

a, ä, и отнюдь не являются результатом фонетического перехода *a, ä* в *u, ü*. Употребление в составе отмеченных падежных окончаний — по требованию стихотворного размера — как *a, ä*, так и *u, ü* является в какой-то мере восстановлением утраченных гласных. Восстановление в падежных окончаниях инессива-элатива и адессива-аблатива именно гласных *a, ä* в языке руна с традиционным размером произойти под влиянием собственно карельских или соседних финских говоров, в которых *a, ä* сохраняются без отпадения. Заимствование отдельных вариантов, сюжетов руна и т. д. из соседних говоров создало для этого благоприятные условия.

Случаи же восстановления гласного в составе рассматриваемых падежных окончаний через *u, ü* можно объяснить влиянием тех случаев, в которых *u, ü* в абсолютном конце слова имеют устойчивое положение и чередуются с *a, ä* основы слова, например *hukku: hukat, hukan* и т. д. 'волк, волки, волка', *händü: hännät, hännän* и т. д. 'хвост, хвосты, хвоста', и т. д.

В других прибалтийско-финских языках в народной поэзии также встречаются случаи восстановления гласных в конце слова по требованию традиционного стихотворного размера. Часто при этом восстанавливаются не те гласные, которые употреблялись первоначально.¹

Мы, таким образом, не принимаем положений Э. Тункело о переходе *a, ä* в *u, ü* в составе окончания инессива-элатива и адессива-аблатива в ливвиковском наречии. В этих окончаниях могло иметь место только отпадение *a, ä*, как и обстоит дело в современном языке. Но как произошло отпадение *a, ä*, это особый вопрос. Возможно, что при этом отпадении имели место какие-то промежуточные звенья. Во всяком случае, для развития конечных *a, ä* в инессиве-элативе и адессиве-аллативе-аблативе условия были не совсем такие, как для развития конечных *a, ä*, например в именительном падеже. Отпадение конечных гласных инессива-элатива и адессива-аблатива *a, ä* не может быть поставлено в связь с другими случаями отпадения гласных, за исключением редких случаев, связанных с притяжательными суффиксами, при которых выпадение или отпадение *a, ä* в составе рассматриваемых падежей невозможно.

Но и притяжательные суффиксы в карельском языке не могли вызвать ассоциации восстановления именно гласных *a, ä* в составе инессива-элатива и адессива-аблатива хотя бы только потому, что сами притяжательные суффиксы, являясь пережиточным явлением в этом языке, не являются самостоятельной морфологической категорией и вошли в какой-то степени в состав падежных окончаний.

Можно полагать, что переход *a, ä* в *u, ü* в номинативе, эссиве и партитиве в таких случаях, как *lehmü* при основе *lehmä-* 'корова', *kuldu* при основе *kulda-* 'золото' и т. д., *pienennü* 'в качестве маленького' и *piendü* 'маленького', *vierastu* 'чужого' (при других партитивных образованиях вроде *kedü* 'кого', *kanaa* 'курицы' и т. д.), в ливвиковском наречии карельского языка связан с отпадением *a, ä* в инессиве-элативе и адессиве-аблативе, а также с отпадением *a, ä* в людиковском наречии карельского языка и в вепском языке не только в упоминаемых, но и в других падежах.

Прежде чем продолжить наши суждения о последовательности развития конечных *a, ä*, отметим, что в части людиковских говоров

¹ Suomen kansan vanhat runot II. Helsinki, 1927, стр. 94.

² В. Я. Евсеев. Карельские эпические песни. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 260, 261.

³ Suomen kansan vanhat runot II, стр. 95.

⁴ В. Я. Евсеев. Карельские эпические песни, стр. 302.

¹ Lauri Kettunen. Eestin kielen äännehistoria. Helsinki, 1929, § 383.

конечные *a*, *ä* переходят в *e(s)* в таких же позициях, в каких *a*, *ä* переходят в *u*, *ü* в ливвиковских говорах.

Нам представляется, что широкое отпадение *a*, *ä* произошло не только в вепском языке и части людиковских говоров, но и во всех тех случаях в ливвиковском наречии, где в настоящее время имеет место переход *a*, *ä* в *u*, *ü*, и в части людиковских говоров, в которых наблюдается переход *a*, *ä* в *e(s)*. Не следует думать, что там, где сейчас употребляется *u*, *ü* вместо *a*, *ä* (в ливвиковском наречии) и *e(s)* вместо *a*, *ä* (в части людиковских говоров), развитие конечных *a*, *ä* в определенных фонетических позициях обязательно шло по схеме *a*, *ä* > *u*, *ü* или *a*, *ä* > *e(s)*. А. Турунен высказывает мысль, что во всех людиковских говорах в определенных фонетических позициях имело место только отпадение *a*, *ä*.

В части современных говоров, в которых сейчас вместо *a*, *ä* употребляется *e(s)*, по его мнению, это *e(s)* является вторичным и стало употребляться вследствие восстановления гласных в конце слова; *e(s)*-овое звучание этот звук мог получить в результате редукции восстановленных *a*, *ä*.¹ Мы согласны с А. Туруненом в том, что исторически во всех людиковских говорах в определенных фонетических позициях происходило только отпадение *a*, *ä* и ни в одном говоре не было перехода *a*, *ä* в *e(s)*. Но мы ставим этот вопрос шире. Нельзя отрывать, на наш взгляд, современный переход в *u*, *ü* или отпадение *a*, *ä* в ливвиковском наречии и переход *a*, *ä* в *e(s)* или отпадение *a*, *ä* в части людиковских говоров от отпадения *a*, *ä* в определенных фонетических позициях в вепском языке и части людиковских говоров. Все это вместе взятое — явление одного порядка: изменение качества конечных *a*, *ä*. Это изменение следует отнести к одному источнику. Можно предполагать, что отпадение *a*, *ä* в отдельных фонетических позициях имело место во всех рассматриваемых говорах и языках еще в тот период, когда ливвиковское и людиковское наречия карельского языка и современные наречия вепского языка являлись наречиями или говорами одного и того же языка — вепского.

Восстановление конечных гласных *a*, *ä* в номинативе через *e(s)* в части людиковских говоров могло произойти под влиянием тех слов, в которых это *e* не могло отпасть (т. е. слова, в которых *e* оказалось в абсолютном конце слова после отпадения *k* с предшествующим *e*). К этому типу относятся такие слова, как *kaste* 'роса', *lähte* 'пруть, источник', *vuate* 'сукно' и т. д. В данном случае, скорее всего, речь идет даже не о восстановлении гласного в исходе слова, а о позднем аналогическом обобщении *e* в абсолютном конце слова по аналогии с теми случаями, где *e* имеет устойчивое положение. В части людиковских говоров в обстановке восстановления гласных сложилось новое соотношение сохранения, отпадения и восстановления *a*, *ä* (через *e*): сохранение *a*, *ä* в абсолютном конце слова в двусложных словах с первым кратким и открытым слогом и в середине слова; отпадение *a*, *ä* в многосложных словах, если предпоследний слог был открытым; восстановление *a*, *ä* в конце слова через *e* в словах с предпоследним закрытым слогом по аналогии с такими словами, в которых *e* оказалось в конце слова после отпадения согласного перед ним.

Если восстановление ранее утраченных гласных *a*, *ä* через *e(s)* в словах с предпоследним закрытым слогом могло произойти, по нашему мнению, по аналогии с такими словами, как *kaste*, *lähte*, *vuate* и т. д., то такое восстановление могло иметь место прежде всего в номинативе. Восстановление же гласного в партитиве и эссиве могло произойти по аналогии с восстановлением соответствующего гласного в номинативе.

В ливвиковском наречии также могло иметь место восстановление утраченных в конце слова *a*, *ä* через *u*, *ü* по аналогии с такими случаями, в которых *u*, *ü* в конце слова имели устойчивое положение. Словами такого типа являются *itku* 'плач', *käskü* 'приказ, повеление', *laulu* 'песня, пение' и т. д. Следовательно, в том языке или наречии, продолжателями которого являются современный вепский язык и ливвиковский и людиковский говоры карельского языка, в то время, когда имело место отпадение *a*, *ä*, отпадения *u*, *ü* еще не происходило. В вепском языке и людиковских говорах, которые еще и сейчас очень близки к вепскому языку, отпадение распространилось и на гласные более позднего происхождения; в ливвиковском же наречии отпадение гласных ограничилось гласными *a*, *ä* и не распространилось на гласные более позднего происхождения. Возможно, что процесс дальнейшего отпадения гласных в ливвиковском наречии был приостановлен влиянием карельского языка, наречием которого он впоследствии стал.

* * *

Мы пришли, таким образом, к выводу, что в вепском языке и в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка после фонетичного отпадения гласных *a*, *ä* в элативе и аблативе образовались нетерпимые для своего времени сочетания согласных *st* и *lt*, которые, в свою очередь, упростились в результате нетерпимости сочетания согласных в конце слова в *s* (и его отражения) и *l* (отпадение *t* в постконсонантном положении). Такое упрощение сочетания согласных привело к полному совпадению элатива с инессивом и аблатива с адессивом и, следовательно, к утрате исходных падежей — элатива и аблатива.

Такое объяснение утраты исходных падежей в одинаковой степени применимо как к вепскому языку, так и к ливвиковскому и людиковскому наречиям карельского языка.

¹ А. Turunen, *Lyydiläismurteiden äännehistoria*, II. Helsinki, 1950, стр. 157—159.

Г. М. КЕРТ

ОСНОВНЫЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В СААМСКИХ
ДИАЛЕКТАХ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Саамы — небольшая народность, населяющая Кольский полуостров, а также северную часть Финляндии (2300 чел.), Швеции (7500 чел.) и Норвегии (19 000 чел.).¹ По данным переписи 1959 года в Советском Союзе саамов насчитывается 1800 человек.

Саамский язык представляет собой ряд диалектов, имеющих фонетические, грамматические и лексические общности. Однако наряду с общностями имеются также и значительные различия как в области фонетики и грамматики, так и в лексике. Следует сказать, что деление на диалекты в известной мере условно, так как иногда бывает довольно трудно провести границу между говором и диалектом.

Проф. Д. В. Бубрих в своей статье „О древней прибалтийско-финской речи“, касаясь саамских диалектов, пишет: „Тут, что ни река, что ни долина, — особый диалект. Географически близкие друг к другу диалекты сходны, а географически друг от друга отдаленные — различны, и это различие вместе с расстоянием нарастает.“

„На расстоянии уже нескольких сотен километров возможность взаимопонимания полностью иссякает, — а тянется саамская речь больше чем на сотни километров. Об одном саамском языке никак нельзя говорить. Но, с другой стороны, невозможно и точно разграничить языки. Сами саамы своих языков не считают. Ученые спорят. Выход из создавшегося положения только один: говорить не о саамских языках, а о саамской речи.“²

Е. Лагеркрантц указывает на следующие диалекты саамского языка:

I. Южносаамские (Südlappisch):

1) Таньяс (Tännäs), 2) Рерус (Rörös), 3) Меракер (Meraker), 4) Шёрдален (Stjördalen), 5) Вярдал (Värdal), 6) Сноса (Snåsa), 7) Калл (Kall), 8) Вейсен (Wefsen), 9) Сорселе (Sorsele).

II. Западносаамские (Westlappisch):

1) Арьеплуг (Arjeplog), 2) Тусфьорд (Tysfjord).

III. Северносаамские (Nordlappisch):

1) Гратанген (Gratangen), 2) Талма (Talma), 3) Сааривуома (Saarivuoma), 4) Юккасъярви (Jukkasjärvi), 5) Паркаломполо (Parkalompolo),

¹ По данным Малой финской энциклопедии. Pieni tietosanakirja, Helsingissä, Kustannusosakeyhtiö Otava, 1949—1952.

² Д. Бубрих. О древней прибалтийско-финской речи. Изв. Карело-Финск. научно-иссл. базы АН СССР, № 1, 1949, стр. 55.

6) Суйяваара (Suijavaara), 7) Лайниовуома (Lainio-vuoma), 8) Кёнкмявуома (Könkäntä-vuoma), 9) Лунген (Lungen), 10) Энонтекио (Enontekiö), 11) Каутокеино (Kautokeino), 12) Утсёки (Utsjoki), 13) Полмак (Polmak), 14) Квянанген (Kvånången), 15) Реппёфьорд (Reppelfjord), 16) Нессебю (Nesseby), 17) Нейден (Neiden).

IV. Восточносаамские (Ostlappisch):

I) Нейден (Neiden).¹

По данным литературных источников, а также экспедиционных материалов последних лет, язык саамов, проживающих на Кольском полуострове, распадается на три диалекта: нотозерский, кильдинский и иоканьгский.

К кильдинскому диалекту относятся говоры: териберский, вороньинский, пулозерский, ловозерский и варзинский; к иоканьгскому диалекту — иоканьгский и чальмны-варский говоры; к нотозерскому — туломский и нотозерский говоры.

Интенсивное изучение языка кольских саамов началось в конце XIX в. в связи с развитием сравнительно-исторического языковедения.

В 1883 г. в венгерском журнале И. Халас опубликовал свой „Очерк грамматики русских лопарей“.² Очерк был написан по материалам А. Генетца, изданным в 15 номере того же журнала. В „Очерке“ дается довольно подробное для своего времени описание морфологии кильдинского диалекта саамского языка. Описанию морфологии предпослан небольшой раздел фонетики.

В 1891 г. вышел в свет первый словарь кольских диалектов саамского языка А. Генетца.³ В словаре дается материал по трем диалектам кольских саамов. Однако диалектные соответствия даются не по всем словам. Кроме того, пользование словарем затрудняется тем, что алфавитный порядок не соблюден. Правда, этот пробел восполняется указателями (немецкий и финский).

В Архангельске православным миссионерским обществом были изданы перевод евангелия и азбука.⁴ Оба эти издания представляют определенный интерес как первая попытка передачи звуков языка кольских саамов на письме.

Работа по исследованию языка кольских саамов продолжается в Финляндии до настоящего времени.

В 1916 г. появилась монография Т. Итконена „Чередование ступеней согласных в языке саамов России“.⁵ На основе собранного материала автор приходит к выводу о наличии в кольско-саамских диалектах трех ступеней долготы согласных: I сильная, II сильная и слабая или сильная, I слабая и II слабая ступени.

¹ E. Lagerkrantz. Lappischer Wortschatz. Lexika societatis fenno-ugricae, VI. Helsinki, 1938, т. II, стр. 1195—1205.

² I. Halasz. Orosz-lapp nyelvteni vazlat. Nyelvtudomanyi közlemenyek, т. 17. 1883.

³ A. Genetz. Kuolan lapin murtelden sanakirja ynnä kielen näytteitä. Helsingfors, 1891.

⁴ Господа мни Иисуса Христа пась евангелие Матьвеест. Саме киле, Архангельск, 1894; Азбука для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии. Архангельск, изд. Православного миссионерского общества, 1875.

⁵ T. Itkonen. Vanäjänlapin konsonanttien astevalitelu. Koltan, Kildin ja Turjan murtelden mukaan, Memoires de la Societe Finno-Ougrienne (M. S. F. Ou.). XXXIX, Helsinki, 1916.

В 1939 г. вышла в свет монография Э. Итконена „Восточносаамский вокализм с качественной точки зрения“.¹ В этом исследовании автор стремился „не только дать описание современного состояния восточносаамского вокализма, но также осветить и его историю с древневосточносаамского и по возможности с древнесаамского периода“.² В 1946 г. была опубликована монография Э. Итконена „Структура и развитие восточносаамской количественной системы“,³ которая явилась продолжением работы 1939 г. В этом труде Итконен характеризует соотношение гласных и согласных звуков. Подробно дается соотношение долгот первого и второго слогов, причем исследование дается по трем диалектам (включающим и диалект саамов, проживающих на территории Финляндии): Инари (Inarilappischen), Сколта (Skoltlappischen), а также Кильдинскому (Kildinlappischen).

В Советском Союзе исследование диалектов саамского языка началось в 30-х годах. Данные саамского языка представляют определенный научный интерес не только для лингвистов-финно-угроведов, но и для историков Севера.

В 1933 г. в связи с созданием письменности для саамов Кольского полуострова появляется саамский букварь З. Чернякова. В 1934—1935 гг. издаются переводы учебников и книг для чтения для начальных школ. В 1937 г. в сборнике „Языки и письменность народов Севера“ была опубликована статья А. Эндюковского „Саамский (лопарский) язык“. Названная работа преследовала практические цели — помочь в упорядочении норм письменного языка. Введение содержит краткую сравнительную характеристику саамских диалектов Кольского полуострова. Статья посвящена описанию фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики кильдинского диалекта, который был положен в основу просуществовавшего недолгое время письменного языка саамов. В целом работа не дает исчерпывающего описания фонетики и грамматического строя кильдинского диалекта.

Настоящая статья представляет собой попытку дать в сравнении систематический обзор основных элементов грамматического строя, фонетики и лексики саамских диалектов Кольского полуострова. Это тем более необходимо, что до сих пор нет описания грамматического строя нотозерского и иоканьгского диалектов. Но в рамках статьи невозможно дать подробное описание фонетики, морфологии и лексики саамских диалектов Кольского полуострова. Мы считаем важным показать основные сходства и различия в фонетике, грамматике и лексике этих диалектов.

Работа написана по материалам лингвистических экспедиций 1954—1956 гг.⁴ В экспедициях принимали участие студенты Петрозаводского университета, студенты-саамы Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена: А. Антонова, О. Матрехина, Е. Сверлова, доцент Петрозаводского пединститута В. Сенкевич-Гудкова и автор настоящей статьи.

¹ E. Itkonen. Der Ostlappische Vokalismus vom qualitativen Standpunkt aus. M. S. F. Ou. LXXIX, Helsinki, 1939.

² Там же, стр. VII.

³ E. Itkonen. Struktur und Entwicklung der ostlappischen Quantitätssysteme. M. S. F. Ou. LXXXVIII, Helsinki, 1946.

⁴ Материалы экспедиций хранятся в архиве Карельского филиала АН СССР.

ФОНЕТИКА

Состав фонем саамских диалектов Кольского полуострова чрезвычайно богат. Все согласные фонемы, за исключением некоторых аффрикат, образуют пары по долготе и краткости, а также по твердости и мягкости. Некоторые согласные, как например *p* и *t*, могут быть твердыми, мягкими и полумягкими; причем все эти согласные противопоставляются как самостоятельные фонемы, например в кильдинском диалекте: *manp* 'месяц', *man'n* 'яйцо', *man'n* 'невестка', *tall* 'медведь', *t'all* 'скользкое дерево, подкладываемое под лодку', ср. также *at't* 'теперь'. Из характерных особенностей согласных звуков следует отметить наличие глухих *p*, *t*, *k*. Эти согласные также выступают как самостоятельные фонемы, например: *čonŋa* — 1-е л. ед. ч. презенс. от *čonŋts* 'крутить', ср. *čanŋts* — мн. ч. номинатив от *čonŋt* 'горло', *perŋt* — мн. ч. номинатив от *perŋt* 'дом', ср. *kir'r'ts* 'спешить, торопиться'; *kuŋra* деминутив от *kuŋ'l'p* 'шар в матице', ср. *alpa* 'бабочка'.

Характерным для саамских диалектов является наличие полувзвонных геминат: начало их звонкое, а на конце — оглушение. Однако оглушение, как правило, не достигает 25% всей длительности звука.

Гласные также противопоставляются по долготе и краткости. Из особенностей гласных звуков следует отметить наличие дифтонгов и трифтонгов, а также сверхкратких гласных.

Сверхкраткие гласные встречаются, как правило, в конце слова, например: *kide* 'руки', *lads* 'пули'. Вопрос о том, являются ли сверхкраткие гласные самостоятельными фонемами, нуждается в дальнейшем исследовании.

В отношении состава фонем существенных различий между тремя диалектами не имеется. Разумеется, фонемы по диалектам различным образом реализуются в словах, что затрудняет общение между представителями различных диалектов.

К фонетическим общностям диалектов относятся чередование гласных и чередование ступеней согласных звуков в саамском языке. Чередование ступеней согласных в саамском языке возникло первоначально как чисто фонетическое явление. Впоследствии, когда причины, породившие это явление, отпали, чередование ступеней согласных стало использоваться и в морфологии для различия форм слов. Чередование ступеней согласных в саамских диалектах Кольского полуострова подробно описано в упомянутой монографии Т. Итконена.

Как уже указывалось, Т. Итконен различает при чередовании ступеней согласных три ступени долготы.

По нашим наблюдениям, в отдельных случаях согласные в трех ступенях дают противопоставление фонем не по трем ступеням, а только по двум (по терминологии Т. Итконена — I сильная и II слабая ступени или сильная и III слабая ступени). Согласные в этих ступенях чередования дают фонологическое противопоставление и выступают как самостоятельные фонемы. Промежуточная ступень чередования согласных (по терминологии Т. Итконена — II сильная или I слабая) могла возникнуть в силу чисто позиционных условий, и согласные в этих условиях, по нашему мнению, не могут давать фонологических противопоставлений.

Мы не ставим целью в данной статье дать всю картину чередования ступеней согласных в саамских диалектах Кольского полуострова.

В настоящее время в этих диалектах геминаты чередуются с одиночными, а сочетания геминат с краткими согласными чередуются с сочетаниями кратких согласных.

Сильная ступень выступает в номинативе единственного числа имени, в эссиве единственного и множественного числа, дативе-иллативе единственного числа, в инфинитивной форме глагола, в 3-м л. ед. ч., 1, 2, 3-м л. мн. ч. презенса и 1, 2-м л. ед. ч., 3-м л. мн. ч. имперфекта.

Слабая ступень будет соответственно выступать во всех остальных падежах единственного и множественного числа, а также в остальных личных формах глагола.¹

Приведем примеры чередования ступеней согласных.

Чередование согласных

Кильдинский диалект

Геминаты

bb(bp), b'b'(b'p):b,b'

bb:b

*šabp*² 'сиг': *šāb* ном. мн. ч.
kēbp 'болезнь': *kēb* ном. мн. ч.
rabbe 'копать': *raba* 1-е л. ед. ч. през.
grobbs 'грабить': *grāba* 1-е л. ед. ч. през.

b'b':b

kob'p 'яма': *koba* уменьшит.
lub'p 'лопатка (человека, оленя и т. д.)': *lubjīnč*
lab'b'e 2-е л. мн. ч. императ. от *labbs* 'висеть':
laba 1-е л. ед. ч. през.

b'b:b'

kob'p 'яма': *kōb'e* ном. мн. ч.
šab'b'e дат.-илл. ед. ч. от *šabp* 'сиг': *šob'a*
уменьшит.

dd(dt), d'd'(d't'):d,d'

dd:d

ludt 'пуля': *luds* ном. мн. ч.
kudds 'оставить': *kūēda* 1-е л. ед. ч. през.

dd:d'

ludt 'пуля': *lud'a* уменьшить.
kudds 'оставить': *kud'e* 3-е л. ед. ч. имперф.
v'er'vudt 'вина': *v'er'vud'a* уменьшит.

¹ На чередованиях по твердости и мягкости согласных мы специально не останавливаемся, хотя твердые и мягкие согласные выступают как самостоятельные фонемы.

² Звонкие геминаты с конечным оглушением обозначаются сочетанием букв *bp*, *dt*, *gk*.

d'd':d

lud'd'e дат.-илл. ед. ч. от *ludt* 'пуля': *ludē* ном. мн. ч.
jed'd'e 1-е л. ед. ч. имперф. от *jedde* 'резать, вырезать': *jeda* 1-е л. ед. ч. през.
vud'd'e 1-е л. ед. ч. имперф. от *vūēd'd'e* 'спать':
vūada 1-е л. ед. ч. през.

d'd':d'

lud'd'e дат.-илл. ед. ч. от *ludt* 'пуля': *lud'a* уменьшит.

gg(gk), g'g'(g'k'):g,g'

gg:g

logk 'потолок': *logs* ном. мн. ч.
suggs 'грести': *suga* 1-е л. ед. ч. през.
taggs 'забывать': *taga* 1-е л. ед. ч. през.

gg:g'

tagga дат.-илл. ед. ч. от *tag'k* 'камелек, печка':
tag'es't инесс.-элат. ед. ч.
agga дат.-илл. ед. ч. от *ag'k* 'век': *ag'es't* инесс.-элат. ед. ч.
ragga причаст. законч. действия от *rag'g'e* 'спорить': *raga* 1-е л. ед. ч. през.

g'g':g

tag'k 'камелек, печка': *taga* уменьшит.
rag'g'e 'спорить': *raga* 1-е л. ед. ч. през.
lug'g'e 'высечь': *lūēga* 1-е л. ед. ч. през.

g'g':g'

tag'k 'камелек, печка': *tag'es't* инесс.-элат. ед. ч.
ag'k 'век': *ag'es't* инесс.-элат. ед. ч.
rag'g'e 'спорить': *rag'* 2 л. ед. ч. императ.
lug'g'e 'высечь': *lug'e* 3 л. ед. ч. имперф.

mm,m'm':m,m'

mm:m

nēmt 'имя': *nēt* ном. мн. ч.
n'uatmē 'ползти': 1-е л. ед. ч. през.
n'uata

mm:m'

nēmt 'имя': *nēt'a* уменьшит.

m'm':m

nēt'm'e дат.-илл. ед. ч. от *nēmt* 'имя': *nēt* ном. мн. ч.

m'm':m'

nēt'm'e дат.-илл. ед. ч. от *nēmt* 'имя': *nēt'a* уменьшит.

nn: n

<i>rāpn̄s</i> 'прясть': <i>rāpa</i>	1-е л. ед. ч. през.
<i>čōpn̄s</i> 'вертеться': <i>čōpa</i>	1-е л. ед. ч. през.
<i>taṃp</i> 'месяц': <i>tāpa</i>	уменьшит.
<i>rāpn̄</i> 'куча': <i>rāpa</i>	уменьшит.

n'n': n

<i>ron'n'e</i>	1-е л. ед. ч. имперф. от <i>ronn̄s</i> 'прясть':
<i>rāpa</i>	1-е л. ед. ч. през.
<i>čāp'n'e</i>	1-е л. ед. ч. имперф. <i>čōpn̄s</i> 'вертеться':
<i>čōpa</i>	1-е л. ед. ч. през.

ll: l

<i>nīll̄e</i> 'глотать': <i>nīla</i>	1-е л. ед. ч. през.
<i>kuill̄e</i> 'слушать': <i>kuila</i>	1-е л. ед. ч. през.
<i>val̄l̄e</i> 'лить': <i>vala</i>	1-е л. ед. ч. през.
<i>tol̄l̄e</i> 'огонь': <i>tol̄es't</i>	инесс.-элат. ед. ч.

l'l': l'

<i>ji'l'l'e</i> 'жить': <i>ji'l'e</i>	3-е л. ед. ч. имперф.
<i>šij'l'l'e</i> 'ловить': <i>šij'l'e</i>	3-е л. ед. ч. имперф.
<i>ku'l'l</i> 'рыба': <i>ka'l'</i>	ном. мн. ч.
<i>čul'l'l</i> 'кишка': <i>čul'en'</i>	комит. ед. ч.

rr: r

<i>kurrr̄e</i> 'курить': <i>kura</i>	1-е л. ед. ч. през.
<i>sirrr̄e</i> 'играть': <i>sira</i>	1-е л. ед. ч. през.
<i>murr̄e</i> 'дерево': <i>mures't</i>	инесс.-элат. ед. ч.
<i>tuarr̄e</i> 'война, драка': <i>tuares't</i>	инесс.-элат. ед. ч.

r'r': r'

<i>kur'r'e</i>	1-е л. ед. ч. имперф. от <i>kurrr̄e</i> 'курить':
<i>kura</i>	1-е л. ед. ч. през.
<i>por'r'e</i>	1-е л. ед. ч. имперф. от <i>porrr̄e</i> 'есть': <i>pora</i>
	1-е л. ед. ч. през.
<i>pur'r'</i> 'веревка': <i>puṛra</i>	уменьшит.
<i>var'r'</i> 'лес': <i>vara</i>	уменьшит.

Сочетания кратких глухих согласных с h¹

hp: p

<i>tohp</i> 'ножны': <i>topes't</i>	инесс.-элат. ед. ч.
<i>vihp</i> 'свекор': <i>vip̄es't</i>	инесс.-элат. ед. ч.
<i>c'ehp</i> 'палец': <i>c'epes't</i>	инесс.-элат. ед. ч.

hk(h'k'): k(k')

<i>ah'k'</i> 'жена': <i>ak'es't</i>	инесс.-элат. ед. ч.
<i>nah'k'</i> 'кожа, шкура': <i>nak'es't</i>	инесс.-элат. ед. ч.
<i>rahks</i> 'велеть': <i>raka</i>	1-е л. ед. ч. през.
<i>vičhks</i> 'стонать': <i>vičaka</i>	1-е л. ед. ч. през.

¹ h — ларингальный, глухой, щелевой; в саамских диалектах имеется палатальный щелевой, обозначаемый знаком х.

h't: t

<i>tah'ts</i> 'хотеть': <i>tata</i>	1-е л. ед. ч. през.
<i>mah'ts</i> 'уметь': <i>mata</i>	1-е л. ед. ч. през.
<i>smih'ts</i> 'целиться': <i>smita</i>	1-е л. ед. ч. през.

hc: c

<i>vāhc</i> 'варежка': <i>vācs's't</i>	инесс.-элат. ед. ч.
<i>muhcs</i> 'мучить': <i>mucs</i>	3-е л. ед. ч. имперфект.

Щелевые

s's': z'

<i>p'es's</i> 'береста': <i>p'ez'es't</i>	инесс.-элат. ед. ч.
<i>ras's</i> 'трава, зелень': <i>raz'es't</i>	инесс.-элат. ед. ч.
<i>k'es's'e</i> 'тянуть': <i>k'aza</i>	1-е л. ед. ч. през.

šš: ž

<i>kuššā</i> дат.-илл. ед. ч. от <i>kušš</i> 'кожа': <i>kuššes't</i>	инесс.-элат. ед. ч.
<i>šušmušš</i> дат.-илл. ед. ч. от <i>šušmuš</i> 'баловство':	
<i>šušmuššes't</i>	инесс.-элат. ед. ч.
<i>mošše</i> 'мазать': <i>moža</i>	1-е л. ед. ч. през.
<i>pošše</i> 'подметать': <i>poža</i>	1-е л. ед. ч. през.

Аффрикаты

dz: z

<i>csdz</i> 'краска (для сетей)': <i>csz's't</i>	инесс.-элат. ед. ч.
<i>kādzs</i> 'вешать': <i>kāza</i>	1-е л. ед. ч. през.
<i>lādzs</i> 'мокнуть': <i>laza</i>	1-е л. ед. ч. през.

d'ž': ž'

<i>k'ed'ž'</i> 'конец': <i>k'ež'es't</i>	инесс.-элат. ед. ч.
<i>pad'ž'e</i> 'выжимать (одежду)': <i>paž'a</i>	1-е л. ед. ч. през.
<i>vid'ž'e</i> 'бежать': <i>viž'a</i>	1-е л. ед. ч. през.

Иоканьгский диалект

Геминаты

vv(ṽp): v

<i>rabpad</i> 'копать': <i>rabai</i>	3-е л. ед. ч. имперф.
<i>sobpid</i> 'глотать': <i>sob'ji</i>	3-е л. ед. ч. имперф.
<i>šabpa</i> 'сиг': <i>šabast</i>	инесс.-элат. ед. ч.
<i>rsbp</i> 'гроб': <i>rsbst</i>	инесс.-элат. ед. ч.

dd(dt): d

<i>kjdtad</i> 'оставить': <i>kjdi</i>	3-е л. ед. ч. имперф.
<i>p'edtid</i> 'тупеть': <i>p'edji</i>	3-е л. ед. ч. имперф.
<i>lijdt</i> 'пуля': <i>lijdest</i>	инесс.-элат. ед. ч.

gg(gk): g

<i>sugkid</i> 'грести (на лодке)': <i>sugji</i>	3-е л. ед. ч. имперф.
<i>tagkid</i> 'делать': <i>tagji</i>	3-е л. ед. ч. имперф.
<i>ugkid</i> 'лаять': <i>ugji</i>	3-е л. ед. ч. имперф.
<i>t'agka</i> 'дождевой червь': <i>t'aga</i>	уменьшит.

nn : n

<i>sonn</i> 'он': <i>sõne</i>	аккуз. ед. ч.
<i>sjn'n'as</i> 'платок': <i>sjn'az</i>	аккуз. ед. ч.
<i>ven'n'e</i> 'вино': <i>ven'a</i>	аккуз. ед. ч.

ll : l

<i>tolл</i> 'огонь': <i>tolst</i>	инесс.-элат. ед. ч.
<i>толлid'</i> 'идти': <i>толji</i>	3-е л. ед. ч. имперф.
<i>šjлл</i> 'промысел': <i>šjлst</i>	инесс.-элат. ед. ч.

rr : r

<i>s'irr</i> 'игра': <i>s'irst</i>	инесс.-элат. ед. ч.
<i>serr</i> 'сор': <i>serst</i>	инесс.-элат. ед. ч.
<i>šurr</i> 'большой': <i>šuramp</i>	сравн. ст.
<i>karrid'</i> 'затвердеть': <i>karji</i>	3-е л. ед. ч. имперф.

Сочетания кратких глухих согласных с h

hp : pp

<i>popp</i> 'поп': <i>popp</i>	ном. мн. ч.
<i>tahpid'</i> 'закрывать': <i>tappji</i>	3-е л. ед. ч. имперф.

hk : kk

<i>puhk</i> 'пух': <i>pukk</i>	аккуз. ед. ч.
<i>r'eh'k'e</i> 'грех': <i>r'ek'k'e</i>	аккуз. ед. ч.

ht : t't

<i>p'irrah'ted'</i> 'швырнуть': <i>p'irrat't'i</i>	3-е л. ед. ч. имперф.
<i>sir'k'ahted'</i> 'напутать': <i>sir'k'at't'i</i>	3-е л. ед. ч. имперф.
<i>s'eht</i> 'зять': <i>s'et't'i</i>	аккуз. ед. ч.
<i>t'ih't</i> 'знак, клеймо': <i>t'it't'</i>	ном. мн. ч.

hc : cc

<i>p'ehc</i> 'печь': <i>p'ecci</i>	ном. мн. ч.
<i>uhcid'</i> 'учить': <i>uc'c'ij</i>	3-е л. ед. ч. имперф.

Щелевые

ss : z

<i>ussid'</i> 'собирать': <i>uzji</i>	3-е л. ед. ч. имперф.
<i>possad'</i> 'дуть': <i>pozai</i>	3-е л. ед. ч. имперф.

šš : ž

<i>paššid'</i> 'подметать':	3-е л. ед. ч. имперф.
<i>raz'ji</i>	

Чередование гласных

В кольско-саамских диалектах, кроме чередования ступеней согласных, имеются также и чередования гласных. Чередования гласных могут происходить как в первых слогах слова, так и в непервых:

<i>jul'l'k</i> (лов.) 'нога': <i>juella</i> 'в ногу', <i>juella</i> уменьшит.	
<i>sul'l'</i> (лов.) 'соль': <i>suella</i> 'в соль', <i>suella</i> уменьшит.	

<i>pal'des'</i> (лов.) ¹ 'волка': <i>paltas</i>	ном. мн. ч.
<i>karnes'</i> (лов.) 'ворон': <i>karnas</i>	ном. мн. ч.
<i>sarniškueddē</i> (лов.) 'начать говорить': <i>sarniškuada</i>	
'начну говорить'.	

Кильдинский диалект

u : u̥

<i>kud'd'e</i> 'оставить': <i>kuēda</i>	3-е л. ед. ч. през.
<i>kun'n'ts</i> 'нести': <i>kuēnnt</i>	3-е л. ед. ч. през.
<i>ku'l'l'</i> 'рыба': <i>kuēlla</i>	дат.-илл. ед. ч.
<i>sul'l'</i> 'соль': <i>suēlla</i>	дат.-илл. ед. ч.
<i>kus's'</i> 'гость': <i>kuēssa</i>	дат.-илл. ед. ч.

u̥ : ua

<i>čuer'r'v'</i> 'рог': <i>čuaruva</i>	дат.-илл. ед. ч.
<i>vuēl'g'k'</i> 'плечо': <i>vuēl'g'ka</i>	дат.-илл. ед. ч.
<i>tuēl'l'</i> 'стол': <i>tuēlla</i>	дат.-илл. ед. ч.
<i>puēd'd'e</i> 'прийти': <i>puēdt</i>	3-е л. ед. ч. през.
<i>vuēd'd'e</i> 'спать': <i>vuēdt</i>	3-е л. ед. ч. през.

Иоканьгский диалект

i : i̥

<i>kjin'n'ted'</i> 'нести': <i>kjenta</i>	1-е л. ед. ч. през.
<i>pil'l'ed'</i> 'гореть': <i>pjēla</i>	1-е л. ед. ч. през.
<i>sjnn</i> 'нитка': <i>sjēnna</i>	дат.-илл. ед. ч.
<i>sjll</i> 'вор': <i>sjēlla</i>	дат.-илл. ед. ч.

e : a

<i>k'evr'e</i> 'кольцо': <i>k'avra</i>	дат.-илл. ед. ч.
<i>n'ed'd'e</i> 'куница': <i>n'adda</i>	дат.-илл. ед. ч.
<i>p'el'l'e</i> 'половина': <i>p'alla</i>	дат.-илл. ед. ч.

Чередования согласных и гласных звуков имеются также и в нотозерском диалекте.

Таким образом, фонетическое явление чередований является общим для всех диалектов.

Если в отношении звукового состава в кольско-саамских диалектах наблюдается относительное единство, то в использовании этого состава по диалектам имеются большие различия. Наибольшие различия между кольско-саамскими диалектами существуют в области фонетики. Они проявляются в закономерных соответствиях гласных и согласных звуков по диалектам. Приведем наиболее характерные из них.

Диалектные соответствия гласных звуков

Нотозерский Кильдинский Иоканьгский

u̥	u	i̥	'пуля'
lu̥ht	luht	liht	

¹ Условные сокращения: варзинский говор — варз., вороньинский говор — вор., иоканьгский говор — иоканьг., ловозерский говор — лов., нотозерский говор — нот., чальмны-варрский говор — ч.-варр.

<i>nuer'r'</i>	<i>nurr</i>	<i>nir'r'a</i>	'молодой'
<i>vuel'n'</i>	<i>vul'n'</i>	<i>vil'n'</i>	'под' (по- слелог)
<i>suel'l'</i>	<i>sul'l'</i>	<i>sil'l'a</i>	'соль'
<i>kuessšk</i>	<i>kuššk</i>	<i>kiššk</i>	'водопад'
<i>ua</i>	<i>ue</i>	<i>u</i>	
<i>kuas's'</i>	<i>kuēs's'</i>	<i>kes's'</i>	'когда'
<i>cuabp</i>	<i>cušmp</i>	<i>sembai</i>	'лягушка'
<i>puarns</i>	<i>puerns</i>		'поправиться'

Диалектные соответствия согласных звуков

Нотозерский Кильдинский Иоканьгский

<i>hk</i>	<i>gg</i>	<i>gg</i>	
<i>lahk</i>	<i>logk</i>	<i>lagk</i>	'потолок'
<i>ciehk</i>	<i>cig'k'</i>	<i>cig'k'</i>	'туман'
<i>šah'k'</i>	<i>šag'k'</i>	<i>šag'k'</i>	'свинья'
<i>hp</i>	<i>bb</i>	<i>bb</i>	
<i>koahp</i>	<i>kob'p'</i>	<i>kob'p'a</i>	'яма'
<i>kehp</i>	<i>kebp</i>		'болезнь'
<i>bb</i>	<i>mmp(mp)</i>	<i>mmp(mp)</i>	
<i>cuabb</i>	<i>cušmp</i>	<i>sembai</i>	'лягушка'
<i>subb</i>	<i>suem'm'p</i>	<i>šemp</i>	'палка'
<i>labbes'</i>	<i>lampes'</i>	<i>lambes'</i>	'овца'
<i>d'd'(dd)</i>	<i>n'n'd'</i>	<i>n'n'd'</i>	
<i>lod'd'</i>	<i>lon'n'd'</i>	<i>lon'n'd'</i>	'птица'
<i>kod'd'</i>	<i>kon'n'd'</i>	<i>kon'n'd'</i>	'олень дикий'
<i>redd</i>	<i>ran'n'd'</i>	<i>ran'n'd'</i>	'грудь'

МОРФОЛОГИЯ

Именные формы

Система склонения кольских диалектов саамского языка едина, за исключением некоторых фонетических различий. Во всех диалектах имеются следующие падежи: номинатив (именительный), генитив (родительный), партитив (частичный), аккузатив (винительный), эссив (состояния), инессив-элатив (местно-исходный), датив-иллатив (дательный-направительный), абессив (лишительный) и комитатив (совместный).

Следует заметить, что прилагательные и числительные в позиции определения не склоняются, за исключением отдельных случаев.

Номинатив не имеет никакого падежного показателя. Множественное число в основном образуется путем изменения гласных и согласных основы, например: *šabp* (лов.) 'сиг': *šāb* 'сиги', *ludt* (лов.) 'пуля': *luds* 'пули', *logk* (лов.) 'потолок': *lobge* 'потолки', *pal'des* (лов.) 'волк': *pal'tas* 'волки', *karnēs* (лов.) 'ворон': *karnas* 'вороны'. Имеются

и другие случаи образования множественного числа, например: *puaz* (лов.) 'олень': *puzš* 'олени' и т. д.

Генитив в единственном числе не имеет особого падежного суффикса. Показателем генитива единственного числа является изменение гласных и согласных звуков слова.¹ Примеры из ловозерского говора: *p'ed'z'* 'сосна', *p'ez'murr* 'сосновое дерево' (букв. 'сосны-дерево'), *ruvt'* 'железо', *kimmn'* 'котел', *ruvd'kimmn'* 'железный котел' (букв. 'железа-котел').

Имя существительное в генитиве множественного числа обычно не употребляется. Сходная типологическая картина наблюдается и по другим диалектам.

Аккузатив единственного числа по своей форме совпадает с генитивом и с основой множественного числа в некоторых косвенных падежах. Аккузатив единственного числа имени существительного в некоторых случаях совпадает также с номинативом множественного числа. Приведем примеры употребления аккузатива в единственном числе: *čäl'l'e kal'* (лов.) 'я чистил рыбу'; *munn sobrat čakči* (ч.-варр.), *tonn sobrat čakč* (иоканьг.), *tonn šovsem čevč* (нот.) 'я люблю осень'; *tonn uine šurr čuld* (лов.), *tonn uinet čuld* (нот.) (ср. ном. ед. ч. *čullat*), *munn uinim šurr jal'n'az'* (иоканьг.) (ср. ном. ед. ч. *jal'n'as'*) 'я видел большой пеня'.

Во множественном числе аккузатив имеет окончание *-t'* по всем диалектам, например: *par'sa peļlt vurčēt'* (лов.) 'мальчик пугает ворон'; *peñ'n'aije piñ'n'av pedčičidzjūt'* (ч.-варр.) 'пастухи пасут олени стада'; *tavles't' kodtēt' taljūt'* (нот.) 'на севере убивают медведей'.

Партитив от некоторых имен существительных употребляется после слов *jenns* (лов.) 'много', *tenvert* (лов.) 'сколько', *tsnvert* (лов.) 'сколько', *piel'es* (нот.) 'пол-половина', а также после количественных числительных начиная с семи. Партитив имеет окончание *-dts*: *tssta sirrvu jenns par'nedts* (лов.) 'здесь играет много ребят'; *parniš jugi pieles' stoknedts miel't* (нот.) 'ребенок выпил полстакана молока'; *jenns olmnedts* 'много людей'.

Датив-иллатив единственного числа в диалектах кольских саамов не имеет морфологически выраженных падежных показателей. Показателем датива-иллатива является изменение гласных и согласных основы: *vul'ker tsna varra* (лов.) 'пойдем в тот лес' (ср. *var'r'* ном. ед. ч.); *pi sul'l' kivala* (лов.) (ср. *kul'l'* ном. ед. ч.), *pi sil'a kivala* (иоканьг.) 'положи соли в рыбу'; *išter vnsš* (нот.) 'сядем в лодку'. Множественное число датива-иллатива имеет показатель *-t'* по всем диалектам, например: *kil'l'ešil'l'ai išt'in vansjūt'* (иоканьг.) *kul'šil'l'-lei išt'en vnsēt'* (лов.) 'рыбаки сели в лодки'.

В инессиве-элативе по всем диалектам наблюдаются одинаковые окончания. В единственном числе окончания *-s't'*, *-st'* (иоканьг.), *s't'* (кильд., нот.) *tunne barst l'ev kolm avšgovve šurr jexkan* (иоканьг.) 'в той избе три одинаковых больших окна'; *sonn val'ti pjezest šuvv arv* (иоканьг.) 'он получил за оленя хорошую плату'; *sonn pud'e kul' šel'mes't'* (лов.) 'он пришел с рыбной ловли' (букв. 'с рыбы-ловления'); *šel'mes't'* (лов.) 'он пришел с рыбной ловли' (букв. 'с рыбы-ловления'); *goršex tuiješ' soaves't'* (нот.) 'горшок вылепили из глины'; *ahča voal'di kirji vil'ses't'* (нот.) 'отец получил письмо от своего брата'; *toberk l'ev jul'ges't'* (варз.) 'тоборки [вид саамской обуви] на ногах'. Во множе-

¹ В саамском языке, кроме сильной и слабой твердых основ, имеются еще основы на мягкий согласный (также сильная и слабая).

ственном числе показателем местно-исходного падежа является суффикс *-n*: *malec kuarst tuljen* (лов.) 'малицу шьют из шкур'; *malec tuiješ tulljin* (нот.) 'малицу сделали из шкур'.

Эссив в единственном и множественном числе имеет окончания *-n*: по всем диалектам, например: *n'um'm'p' tuvnedš tallen* (кильд.) 'второй (другой) оделся медведем'; *var'r'en* (кильд.) 'лесом', *čil'm'jin* (иоканьг.) 'узлом', *čidn* (иоканьг.) 'сотней'.

Комитатив в единственном числе имеет окончания, аналогичные окончанию падежа состояния. Различие заключается в том, что в эссиве выступает сильная ступень (в тех случаях, когда в основе имеются согласные, подверженные чередованию ступеней согласных), а в комитативе слабая, например: от *kuss* (кильд.) 'ель' комитатив *kuzen*, а эссив *kussen*; от *tall* (кильд.) 'медведь' комитатив *talen*, эссив *tallan*; от *kešš* (иоканьг.) 'кожа' комитатив *kežjin*, а эссив *keššen*.

Во множественном числе показателем комитатива являются суффиксы *-gaim*, *-goim* (кильд.), *-gem* (иоканьг.). Приведем примеры на употребление комитатива по диалектам: *sonn čupš c'err pšipen* (лов.) 'он обрезал палец ножом'; *sonn šell kušl' l' vuggen*, *saimen* (нот.) 'он ловит рыбу удочкой, сеткой'; *sji čihpiv leip pšiben* (иоканьг.) 'они режут хлеб ножом'; и *olma vušiv kiehpnezgoim* (лов.) 'человек дышит легкими'; *munn uinim idžin čal'migem* (иоканьг.) 'я видел собственными глазами'; *muš toavrš lahk maht'in* (иоканьг.) 'мой товарищ работает учителем'.

Несколько отличается падежное окончание множественного числа в нотозерском диалекте, например: *olmiš vušing kiehpnezvušim* (нот.) 'человек дышит легкими'; *lod'd' poš soašivšim* (нот.) 'птица машет крыльями'; *sonn šell kušl' l' vuggevim*, *saimivim* (нот.) 'он ловит рыбу удочками, сетками'; *munn uinim tu iššan čil'mim* (нот.) 'я видел это собственными глазами'; *parna vuš'gen varra uc'c' parnageim* (лов.) 'школьники (ребята) пошли в лес с маленькими ребятами'; *parna pud'd'en školne modžes kniškegem* (лов.) 'ребята пошли в школу с красивыми книжками'; *parna viš'kin varre uc'c' parnageim* (ч.-варр.) 'ребята пошли в лес с маленькими детьми'; *škol'nik'k'e peditin škola modžes kniškegem* (ч.-варр.) 'школьники пришли в школу с красивыми книжками'; *parna vuš'ki varra siemc parnim* (нот.) 'мальчик пошел в лес с маленькими детьми'.

В иоканьгском диалекте суффикс *-gem*, *-kəm*, кроме значения совместности, имеет также местно-пребывательное значение во множественном числе, например: *javr'egem jennš l'ev kiš'a* (иоканьг.) 'в озерах много рыбы'; *sji jel'l'ev modžes pštkšim* (иоканьг.) 'они живут в красивых домах'. Ср., однако, в единственном числе: *sji jel'l'ev modžes parst* (иоканьг.) 'они живут в красивом доме'. Следует сказать, что суффиксы инессива-элатива множественного числа и комитатива единственного числа совпадают. Значение совместности, возможно, исторически развилось из местного значения.¹

Таким образом, в отношении оформления падежных суффиксов в кольско-саамских диалектах наблюдается, за небольшими исключениями в нотозерском диалекте, полное единство.

Нет сомнения, что образование падежной системы проходило еще тогда, когда саамские диалекты представляли собой более тесное единство.

Послелогии и предлоги

Характерным явлением для саамского языка является обилие послелогов. В подавляющем большинстве послелогии в диалектах по происхождению являются общими, хотя фонетически они варьируются.

Послелог *vušl'n* (нот.), *vuš'n* (вор.), *viš'n* (иоканьг.) 'под': *brevn vušl'n arr kied'g* (нот.) 'под бревном лежит камень', *brevn vuš'n are kied'd'g* (вор.) 'под бревном находился камень', ср. *briev'n'e viš'n li k'iet'k'e* (иоканьг.) 'под бревном лежит (находится) камень'.

Послелог *raija* (нот.), *råije* (вор.), *raija* (иоканьг.) 'до': *sjides't lan' raija viš'tt kilometre* (нот.) 'от села до города пять километров', *sjites't lan' råije viš't kilometre* (вор.) 'от деревни до города пять километров', *sjist lan'a raija viš't kilometr* (иоканьг.) 'от села до города пять километров'.

Послелог *bai* (нот.), *baije* (вор.), *påije* (ч.-варр.) 'в течение': *sonn l'ai lannes't tal'v bai* (нот.) 'он был в городе в течение зимы', *sonn jil'e lannes't tal'v baije* (вор.) 'он жил в городе в течение зимы', *sonn jall lan'es't tal've påije* (ч.-варр.) 'он живет в городе в течение зимы'.

Послелог *tuohken* (нот.), *dug'g'en* (вор.), *tuggen* (лов.), *tšggən* (иоканьг.) 'за, позади': *var' tuohken jennš pšts li* (нот.) 'за лесом много домов', *var' dug'g'en li jennš pšts* (вор.) 'за лесом много домов', *vaara tšggən l'ev jenni pšt* (иоканьг.) 'за лесом много домов'.

Кроме послелогов, в диалектах имеется также значительное количество предлогов.

Предлог *kəsk* (нот.), *kəskis* (вор.), *kask* (иоканьг.) 'посреди, среди': *kəsk pišad arr kuss* (нот.) 'посреди поля стоит ель', *kəskis pišad arr el'les' kuss* (вор.) 'посреди поля стоит высокая ель', *kask pišest āra all kišš* (иоканьг.) 'посреди поля стоит высокая ель'.

Предлог *čod* (нот.) (употребляется и как послелог), *čed* (вор.), *čad* (иоканьг.) 'сквозь, через': *ludt manji čod sein* (нот.) 'пуля прошла сквозь стену', *ludt mənš čed stiens* (вор.) 'пуля прошла сквозь стену', *ludt manji čad stiena* (иоканьг.) 'пуля прошла сквозь стену'.

Предлог *pšrr* (нот., иоканьг., вор.) 'вокруг'.

Предлог *rast* (нот., лов.), *ras'te* (ч.-варр.) 'через'.

Характерно, что общие по происхождению в диалектах послелогии управляют одними и теми же падежами, например: *maņa pšives't šeddi mann* (нот.) 'после (захода) солнца взошла луна', *maņa pšiv lueštes't ede mann* (вор.) 'после захода солнца взошла луна', *maņa pšiv manmest (manmen) id'i manna* (ч.-варр.) 'после захода солнца взошла луна'. В этих примерах предлог *maņa* управляет инессивом-элативом.

Притяжательные суффиксы

К морфологическим общностям по диалектам кольских саамов относится наличие притяжательных суффиксов.

Притяжательный суффикс 1-го л. ед. и мн. ч. *-m* в настоящее время в некоторых диалектах обычно не употребляется, например: *vuš'ker kušda, janna viš'rtt mijnet* (лов.) 'пойдем в вежу, мать (наша) ждет нас', *vuš'ker pš'rtš, janna uš vuardt* (варр.) 'пойдем домой, мать (наша) уже ждет'. В других диалектах, в частности в нотозерском и иоканьгском, показатель 1-го л. употребляется, например: *viš'ker maaz, jannam vuard* (нот.) 'пойдем обратно, мать (наша, моя) ждет'.

¹ О суффиксах абессива см. ниже, в разделе „Притяжательные суффиксы“.

vij'ker' par'tinni janam ušš vjert mint (ч.-варр.) 'пойдем в избу, мать (наша) уже ждет нас'.

Притяжательным суффиксом 2-го л. ед. ч. является *-t: kič, ton'n'a puadt adžat* (лов.) 'посмотри, к тебе идет отец (твой)', *kiehč, ahčat puadt* (нот.) 'посмотри, отец (твой) идет', *kič, ahčat puadt* (вор.) 'посмотри, отец (твой) идет'.

Притяжательным суффиксом 3-го л. ед. ч. является *-s': sōns kähč adžas'* (лов.) 'его зовет отец (его)', *lišť sonn pjinodds, sōns kohčs ječ-čes'* (ч.-варр.) 'пусть он побережется, его зовет отец (его)'.

Притяжательный суффикс 2-го л. мн. ч. *-t* или *-nt* также сохраняется, хотя во внешнем оформлении этот показатель варьируется по диалектам. Приведем примеры: *vuar'duggs māst, jannat vuerrt tjinest'* (лов.) 'идите обратно, мать (ваша) ждет вас', *mann par'tinni, janant ušš vjert tint* (ч.-варр.) 'идите в избу, мать (ваша) уже ждет вас', *pušte maza, jannat vuardt* (нот.) 'идите домой, мать (ваша) ждет вас'.

Притяжательный суффикс 3-го л. мн. ч. *-s'* совпадает с суффиксом 3-го л. ед. ч. Наиболее употребительны принадлежностные формы в 3-м л.: *an' sji kiptev v'aar, sinsn' vshtsnne adžas' puadt* (вор.) 'пусть сварят суп, к ним скоро придет отец (их)', *ahčas' touvda puadt* (нот.) 'отец (их) скоро придет'.

Следует отметить, что в одних косвенных падежах притяжательный суффикс стоит перед падежным окончанием, в других — после него, т. е. в конце слова. Приведем примеры употребления притяжательного суффикса в конце слова: *sonn vul'ki varra ākenes'* (лов.) 'он пошел в лес со своей женой', *sonn vij'ki roallā kaabkijnes'* (иоканьг.) 'он пошел в поле со своей женой', *sonn vul'ki pialta izes' ākenes'* (вор.) 'он отправился в лес со своей женой'. В абессиве притяжательный суффикс стоит в конце слова, перед падежным окончанием, например: *sonn vijjel' lanpa adžes'xa* (лов.) 'он уехал в город без своего отца'. Ср. с нотозерским *sonn vul'ji lanpa ed'jista* и с чальмны-варрским *sonn vijji lanpa jedžes'ta* 'он отправился в город без своего отца'.

Степени сравнения прилагательных и наречий

Прилагательные в саамском языке Кольского полуострова имеют генетически общие показатели степеней сравнения, дающие в настоящее время фонетические варианты по диалектам. В кильдинском диалекте показателем сравнительной степени является суффикс *-mp*, который в настоящее время почти не употребляется. В нотозерском диалекте показателем сравнительной степени является суффикс *-p*, в иоканьгском *-mpa*.

Примеры на образование сравнительной степени: *perrt li vual'gar murrjūt* (нот.) 'дом ниже деревьев', *murr li al'ar perrti* (нот.), *murr al'a* (или *al'amp*) *perrtē* (лов.), *mjrr li al'ampa parrti* (иоканьг.) 'дерево выше дома'.

Признаком превосходной степени прилагательных в кильдинском и нотозерском диалектах является суффикс *-mus*, в иоканьгском — *-mīs*, например: *tadt li šor'mus perrt* (нот.), *tattj li šur'mīs parrt* (ч.-варр.) 'это самый большой дом', *tattj li kug'k'imīs sijmpre* (иоканьг.) 'это самая длинная палка'.

Качественные наречия также имеют степени сравнения, показатели которых варьируются по диалектам. Приведем примеры: *puade toudep*

odlup (нот.) 'приходи быстрее', *puvd' vshtamp* (лов.) 'приходи быстрее', *sari'n't mieakz'ampa* (ч.-варр.) 'говори тише', *lijgk per'ampa* (иоканьг.) 'работай лучше'.

Местоимения

Личные местоимения являются общими для всех диалектов.

Ед. ч. Нотозерский Ловозерский Иоканьгский

1 л.	<i>monn</i>	<i>monn, munn</i>	<i>munn</i>
2 л.	<i>tonn</i>	<i>tonn</i>	<i>tonn</i>
3 л.	<i>sonn</i>	<i>sonn</i>	<i>sonn</i>

Мн. ч.

1 л.	<i>mji</i>	<i>mji</i>	<i>mji</i>
2 л.	<i>tji</i>	<i>tji</i>	<i>tji</i>
3 л.	<i>sji</i>	<i>sji</i>	<i>sji</i>

Числительные

Числительные также не имеют больших различий по диалектам.

Нотозерский Ловозерский Иоканьгский

'один'	<i>sxt</i>	<i>sxt</i>	<i>akt</i>
'два'	<i>kuaxt</i>	<i>kuxt</i>	<i>kikt</i>
'три'	<i>kolm</i>	<i>kolm</i>	<i>kolm</i>
'четыре'	<i>n'ellj</i>	<i>n'ellj</i>	<i>n'iel'l'a</i>
'пять'	<i>vijtt</i>	<i>vidt</i>	<i>vidt</i>
'шесть'	<i>kuhtt</i>	<i>kudt</i>	<i>kudt</i>
'семь'	<i>čiščem</i>	<i>kidžem'</i>	<i>kidžim</i>
'восемь'	<i>kax'c</i>	<i>kaxc</i>	<i>kakc'a</i>
'девять'	<i>āxc</i>	<i>axc</i>	<i>akca</i>
'десять'	<i>lāhkk</i>	<i>lāg'k'</i>	<i>logk'e</i>

Числительные от одиннадцати и выше типологически образуются одинаково.

Нотозерский Ловозерский Иоканьгский

'одиннадцать'	<i>sxtsmāg'k'</i>	<i>sxtsmplāg'k'</i>	<i>aktsmlogk'e</i>
'двенадцать'	<i>kuax'temlāg'k'</i>	<i>kuax'tsmplāg'k'</i>	<i>kiktsmlogk'e</i>
'двадцать'	<i>kuax'tlāg'k'</i>	<i>kuxtlāg'k'</i>	<i>kihlogk'e</i>
'тридцать'	<i>koumlāg'k'</i>	<i>kolmlāg'k'</i>	<i>kollogk'e</i>
'сто'	<i>čuah't</i>	<i>čud'd'</i>	<i>čidta</i>
'тысяча'	<i>tāxat</i>	<i>toafant</i>	<i>toafant</i>

Порядковые числительные, кроме числительного первый, образуются по диалектам также одинаково.

Нотозерский Ловозерский Иоканьгский

'первый'	<i>vsmsus</i>	<i>per've</i>	<i>avdsmīs</i>
'второй'	<i>nub'b'</i>	<i>n'um'm'p'</i>	<i>nump'a</i>
'третий'	<i>kuallant</i>	<i>koallant</i>	<i>kuallant</i>
'четвертый'	<i>nal'jat</i>	<i>n'ial'ant</i>	<i>n'ialant</i>
'сотый'	<i>čuatat</i>	<i>čuantant</i>	<i>čid'ant</i>

Отглагольные имена действия

В саамском языке имеется категория отглагольных имен действия, которая занимает промежуточное положение между именем и глаголом. Как именная категория имена действия употребляются с предложениями и послелогом и выражают различного рода обстоятельства.

Как глагольная категория имена действия управляют именами существительными и не могут выступать в роли подлежащего, так как полностью не номинализировались.¹ Они выражают процесс совершения действия и характеризуются особыми суффиксами *-sm*, *-em*. Примеры: *sirrēm sajj* (лов.) 'место для игры' (букв. 'играние-место'); *logkēm kniga* (лов.) 'книга для чтения' (букв. 'чтение-книга'); *keptēm kimn*' (вор.) 'котел для варки' (букв. 'варение-котел'); *šellem sajj* (нот.) 'место ловли' (букв. 'ловление-место').

Отглагольные имена действия, выражающие процесс действия, выступают в предложении или в функции определения перед другим именем, или в функции различного рода обстоятельств, например: *kuel' sollem dit šurr puihcjūt val'det* (нот.) 'для соления рыбы берут большие бочки' (букв. 'рыбы-соление-для'); *lannst' mji vuestem vusdže kehstēm kimnet* (нот.) 'в городе мы купили котлы для варки мяса' (букв. 'мяса-варение-котлы'); *sonn l'ašk pudzet l'aškēm nuren* (лов.) 'он ловит оленей арканом' (букв. 'ловление-веревкой'); *muñ suon uin'im kijl'la šil'em sijest* (ноканьг.) 'я увидел его у места ловли рыбы' (букв. 'рыбы-ловление-в-месте'). Характерно, что эти имена действия получают дополнения, употребляемые как определение, например: *čaj juggem sajj* (лов.) 'место, где пьют чай' (букв. 'чая-питье-место'); *mur tierpēm bal'l' aijem aijid* (варз.) 'во время рубки леса мы пели песни' (букв. 'леса-рубка-во время'); *kul' sällēm guaike ānet šurr puihcjūt* (варз.) 'для засолки рыбы берут большие бочки' (букв. 'рыбы-засолка-для'). И, наконец, следует отметить, что имена действия на *-sm*, *-em* могут получать обычные показатели по нормам обыкновенных существительных, например: *maņa brigadirš uitmss't Msklai vāncš predse-datel' luz* (лов.) 'после ухода бригадира Николай пошел к председателю' (букв. 'после-бригадира-ухода'); *maņa ur'm peimes't ur'm egk kebšeskued* (лов.) 'после прививки оспой не заболеешь' (букв. 'после-оспы-положения').

Глагольные формы

Личные формы глагола

В системе форм глагола и, в частности, в образовании показателей лица и числа в диалектах существенных различий не наблюдается. Как пример приведем спряжение глагола *sarnne* 'говорить':

Презенс

Е. д. ч. Нотозерский Ловозерский Иоканьгский

1 л.	<i>sarnam</i>	<i>sarna(m)</i>	<i>sarnam</i>
2 л.	<i>sarnak</i>	<i>sarnax</i>	<i>sarnak</i>
3 л.	<i>sarnn</i>	<i>sarnn</i>	<i>sarjnta</i>

¹ В роли подлежащего употребляются отглагольные имена с суффиксами *-mus* (кильд. и нот.) и *-mīs* (ноканьг.).

Мн. ч.

1 л.	<i>sarnep</i>	<i>sarnnep</i>	<i>sarn'ep</i>
2 л.	<i>sarnveh'te</i>	<i>sarnnebpe</i>	<i>sarn'ebpe</i>
3 л.	<i>sarna</i>	<i>sarnnav</i>	<i>sarn'ev</i>

Имперфект

Е. д. ч. Нотозерский Ловозерский Иоканьгский

1 л.	<i>sernum</i>	<i>sårnne(m)</i>	<i>sarn'im</i>
2 л.	<i>sernuk</i>	<i>sårnne(x)</i>	<i>sarn'ik</i>
3 л.	<i>serni</i>	<i>sårns</i>	<i>sarjnt'i</i>

Мн. ч.

1 л.	<i>sarnim</i>	<i>sarnem</i>	<i>sarnjim</i>
2 л.	<i>sarnid'</i>	<i>sarnet'</i>	<i>sarnjit</i>
3 л.	<i>sarnun'</i>	<i>sårnen'</i>	<i>sarnjin'</i>

Отрицательные формы глагола образуются также в основном одинаково. Отрицание принимает личные окончания (кроме 3-го л. ед. ч.), а смысловой глагол стоит в восполнительной форме. Для примера возьмем спряжение глагола *vul'l'ks* 'пойти' в отрицательной форме презенса.

Е. д. ч. Нотозерский Ловозерский Иоканьгский

1 л.	<i>im vol'</i>	<i>em vul'k</i>	<i>im vil'ks</i>
2 л.	<i>ik vol'</i>	<i>egk vul'k</i>	<i>ik vil'ks</i>
3 л.	<i>ji vol'</i>	<i>si vul'k</i>	<i>ji (ij) vil'ks</i>

Мн. ч.

1 л.	<i>jeh'p vol'</i>	<i>jebp vul'k</i>	<i>jebp vil'ks</i>
2 л.	<i>jeh'pe vol'</i>	<i>jebpe vul'k</i>	<i>jebpe vil'ks</i>
3 л.	<i>jev vol'</i>	<i>jev vul'k</i>	<i>jev vil'ks</i>

В кольско-саамских диалектах по всем говорам имеются сложные глагольные времена. Сложные глагольные времена (перфект и плюсквамперфект) образуются по обычным моделям образования аналогичных форм в финском, карельском и некоторых индоевропейских языках. При образовании перфекта вспомогательный глагол ставится в презенсе, а при образовании плюсквамперфекта — в имперфекте. В качестве предикативной части выступает причастие.

Образование перфекта от глагола *sarnne* 'говорить'¹

Е. д. ч.	Ловозерский	Иоканьгский
1 л.	<i>l'a sårnma (sårnmjnc)</i>	<i>la sarnen' (sarnain)</i>
2 л.	<i>l'agk</i> " "	<i>lak</i> " "
3 л.	<i>l'i</i> " "	<i>li</i> " "

Мн. ч.

1 л.	<i>l'ep</i>	" "	<i>l'ep</i>	" "
2 л.	<i>l'ebp'e</i>	" "	<i>lebp'e</i>	" "
3 л.	<i>l'ev</i>	" "	<i>l'ev</i>	" "

¹ По нотозерскому диалекту мы не располагаем необходимыми материалами, поэтому сравнения будем проводить между кильдинским и ноканьгским диалектами.

Образование плюсквамперфекта

Ед. ч.	Ловозерский	Иоканьгский
1 л.	<i>lijje sårnma (sårnmjñč)</i>	<i>l'im sarnen'</i>
2 л.	<i>lijjex</i> "	<i>l'ik</i> "
3 л.	<i>l'ai</i> "	<i>l'ei</i> "
Мн. ч.		
1 л.	<i>lijjem</i> "	<i>l'im'</i> "
2 л.	<i>lijjet'</i> "	<i>l'ijt'</i> "
3 л.	<i>lijjen'</i> "	<i>l'in'</i> "

Отрицательные формы имперфекта также образуются одинаково по всем диалектам: из отрицания, спрягающегося по лицам и числам, и причастия законченного действия спрягаемого глагола, например: *eutel' im sarnam rušas* (нот.) 'раньше я не говорил по-русски'; *tonn em uinma mugka robot* (лов.) 'я не видел такой работы'; *jekta tonn ik šil'men' kıl'a* (иоканьг.) 'вчера ты не ловил рыбу'; *tij jebpe vielk-men' varra* (иоканьг.) 'вы не пошли в лес'; *mij jahta manhen' jebp vuasta* (вор.) 'мы вчера ничего не купили'.

Неопределенно-личные формы

Кроме личных форм глагола, в диалектах саамского языка Кольского полуострова имеются неопределенно-личные формы, выражающие неопределенность (неизвестность) действующего лица. Показателем неопределенно-личной формы во всех рассматриваемых диалектах в презенсе является суффикс *-t'*, в имперфекте — суффикс *-š'*. Примеры на образование неопределенно-личной формы в презенсе: *keadta vol'jet' šells kusle* (нот.) 'весной начинают ловить рыбу'; *kjides't' ālghst' šille kul'* (лов.) 'с весны начнут ловить рыбу'; *kedst al'gat' kıl'a šil-led'* (иоканьг.) 'с весны начнут ловить рыбу'. Примеры на образование неопределенно-личной формы в имперфекте: *perjt tuijes' kuaxt peiv* (нот.) 'дом строили два дня'; *perjt lehkes' kuxt peiv* (лов.) 'дом строили два дня'; *ras'te jog lāhkis' odt mesta* (иоканьг.) 'через реку построили новый мост'.

Начинательные формы глагола

В саамском языке имеются особые формы глагола, выражающие начало действия. Эти формы являются общими для всех диалектов. Показателем начинательной формы является суффикс *-škuodts (-škuada-)*.

Спряжение глагола в начинательной форме презенса

sarnn8 'говорить'

Ед. ч.	Ловозерский	Иоканьгский
1 л.	<i>sarniškuada</i>	<i>sarn'iškuadam</i>
2 л.	<i>sarniškuadač</i>	<i>sarn'iškuadak</i>
3 л.	<i>sarniškuadt</i>	<i>sarn'iškuadt</i>

Мн. ч.

1 л.	<i>sarniškuedtep</i>	<i>sarn'iškedtap</i>
2 л.	<i>sarniškuedtsbpe</i>	<i>sarn'iškedebedts</i>
3 л.	<i>sarniškuedtev</i>	<i>sarn'iškedtav</i>

По нотозерскому диалекту мы располагаем лишь отдельными примерами употребления глагола, выражающего начало действия: *touda robtuškuadt odti mel'nica* 'скоро заработает новая мельница'.

Начинательные формы глаголов могут выступать и в имперфекте, например: *sonn l'evt'eškudi levd'* (нот.) 'он запел песню'; *maņa ruk, k'ek lijjen', sarniškudten'* (лов.) 'потом все, кто были, заговорили'; *sji jel'legedtin' ja vendžjit' porgedtin'* (иоканьг.) 'они стали жить и кушать мясо'.

Сослагательное наклонение

Сослагательное наклонение имеет одинаковый показатель *-č- (-č)* по всем диалектам. Примеры: *mij vualkčep varra, lehče mijjen' ast* (нот.) 'мы поехали бы в лес, если бы у нас было время'; *tonn voastče velosiped, ežli puadač monš vil'j* (лов.) 'я купил бы велосипед, если бы пришел мой брат'; *jes sonn andač men'n'i kniške, munn logči bi* (иоканьг.) 'если он даст книгу, то я прочел бы'; *munn velkeči varra, jesli lič, pahks'ampa* (ч.-варр.) 'я пошел бы в лес, если бы было теплее'; *vilj antač men'n'e tinkjit', no men'n'e tinkjit' ibi* (вор.) 'брат дал бы мне денег, но денег мне не нужно'.

Наряду с суффиксальным способом выражения сослагательного наклонения в саамских диалектах Кольского полуострова имеется еще и аналитический способ.

Аналитически сослагательное наклонение образуется при помощи личных форм вспомогательного глагола *lie* 'быть' в имперфекте и инфинитива смыслового глагола, например: *tonn lejjem vuah'ste, l'isoped, l'ai puhted' mi vilij* (нот.) 'я купил бы велосипед, если бы пришел мой брат'; *tonn lejjet' puah'ted' aijab, tonn l'eijet' vstrečjit' kuel'šil'jit'* (нот.) 'если бы ты пришел пораньше, ты встретил бы рыбаков'; *sji vuests lijjen' men'n'e, jesle jodtje lijjen' lapns* (лов.) 'они купили бы что-нибудь, если бы поехали в город'; *jesl'e tonn puodts lijjek aika, ton'n'e vuests lijjen' kul'l'šil'l'ei* (лов.) 'если бы ты пришел пораньше, тебе навстречу пришли бы рыбаки'; *jahta lijje vuests ākšš, tar'm lijje vil'e varra murreit' saggš* (вор.) 'если бы я вчера купил топор, я сегодня мог бы поехать за дровами'; *mij lijjem sarnn8 mugknapalla, jesl'i lijjem veijed'* (иоканьг.) 'мы сказали бы по-другому, если бы могли'; *ol' jl'aj min'n'i ants ten'gjit', no min'n'i ten'gjit' ibi* (иоканьг.) 'брат дал бы мне деньги, но деньги мне не нужны'.

Повелительное наклонение

При образовании повелительного наклонения в диалектах различий не встречается. Повелительное наклонение имеет формы 2-го л. ед. и мн. ч.

Форма 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения либо совпадает с формой 3-го л. ед. ч. имперфекта изъявительного наклонения, либо

представляет собой основу глагола, например: *puđ' odlar pila* (нот.) 'принеси скорее пилу'; *val't tenpa đkšv* (лов.) 'возьми этот топор'; *vig minv parrti* (иоканьг.) 'проводи меня в избу'; *ci'k kalsinče šuvv sãg* (вор.) 'скажи старику доброе слово'.

Признаком 2-го л. мн. ч. повелительного наклонения в одних случаях выступает суффикс *-egke, -egke* (в кильдинском и нотозерском диалектах), *-ke* (в иоканьгском диалекте), в других — форма инфинитива. Суффикс *-egke, -egke, -ke*, как правило, выступает после *j, h, š*, а иногда и после других согласных.

В остальных случаях форма повелительного наклонения совпадает с формой инфинитива. Приведем примеры: *val'ds ksh'per'* (нот.), *val'l'te ksh'per'* (лов.), *val'l'ts kabper'* (вор.) 'возьмите шапку'; *nevkad' ron'ez'-atpa* (иоканьг.) 'пляшите веселее'; *pl'asjegke v'as'luppen'* (нот.) 'пляшите веселее'; *šopšegk'e logke knigait'* (вор.), *soppik'e lokkid' kniš-kjii'* (иоканьг.) 'любите читать книги'.

Причастные формы

К глагольным формам, имеющим общие показатели по всем диалектам, относятся формы причастий. Однако эти общие причастные формы по различным диалектам в некоторых случаях ведут себя различно. Так, активные причастия незаконченного действия на *-ei, -ai* по всем диалектам употребляются как определения, например: *kirij loggvi par'r'n' l'ai tu vil'l'j* (нот.) 'читающий книгу парень был мой брат'; *men'n'e vušta pud'd'en' laulvi parna* (лов.) 'мне навстречу шли поющие дети'; *men'n'i rjeden' vjesta aijai parna* (иоканьг.) 'мне навстречу шли поющие дети'. Эти причастия выражают незаконченное, продолжающееся действие и носят активный характер. В иоканьгском диалекте в функции определения употребляются причастия на *-men, -mij, -main*, а также на *-ma*. Значение активности или пассивности этих причастий выявляется в зависимости от определяемого этими причастиями имени, например: *mije puadmen' kal'as' mine jsm'm'a toms* (иоканьг.) 'к нам пришедший старик — наш старый знакомый'; ср. *puadtema kallazai mine tullaije toms* (иоканьг.) 'к нам пришедший старик — наш давнишний знакомый'; *mingeim manmjin' ridta l'i nies's'a* (иоканьг.) 'пройденная нами дорога очень тяжелая'.

Образования же на *-men* в кильдинском и нотозерском диалектах употребляются в значении деепричастий, т. е. передают сопутствующие второстепенные действия, например: *sonn van'ce sarmen vil'jenes'* (лов.) 'он шел, разговаривая с братом'; *sonn ars pextes't' logkmen kniga* (лов.) 'он сидел в избе, читая книгу'; *vjilemen lanpa, sonn val'te idžes' knigat* (лов.) 'уезжая в город, он взял свои книги'; *uidmen lanpa val'di iggis' knigat* (нот.) 'уходя в город, он взял свои книги'; *uvv avemen kulstji jel'l'a tovdas jinn* (нот.) 'открывая дверь, он услышал незнакомый голос'.

В ловозерском говоре кильдинского диалекта причастия по законченности и незаконченности действия разделяются довольно четко. Активные причастия незаконченного действия (настоящего времени) выражаются суффиксами *-ji, -ei*. Причастными суффиксами законченного действия (прошедшего времени) являются суффиксы *-inč, -enč*, а также *-ma*, например: *logkma (logmenč) kniga* 'прочитанная книга', *lehkma (lehkjinč) pexrt* 'сделанный дом'.

Кроме того, в значении активных причастий законченного действия употребляются формы, совпадающие с основой 1-го л. ед. ч. имперфекта изъявительного наклонения, например: *rahpta p'enne* 'пропавшая собака', *lãtkna par'sa* 'уставший ребенок', *vanca čuskas* 'пройденная дорога'. В настоящее время эти формы в кильдинском диалекте начинают преобладать.

В кильдинском и иоканьгском диалектах (по нотозерскому диалекту данными мы не располагаем) отрицательные причастия образуются при помощи одного и того же суффикса — *-nax'tem*. Приведем примеры: *lognax'tem kniga* (лов.) 'непрочитанная книга', *mennax'tem varr* (лов.) 'не пройденный путь', *ligknax'tem pexrt* (лов.) 'непостроенный дом', ср. *manenax'tem ridta* (иоканьг.) 'не пройденная дорога', *aznax'tem pexrt* (иоканьг.) 'непостроенный дом'.

СОГЛАСОВАНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ С ОПРЕДЕЛЯЕМЫМ ИМЕНЕМ

Во всех рассматриваемых диалектах саамского языка определение, как правило, не согласуется с определяемым именем в падеже и числе (грамматический род в саамском языке отсутствует), например: *sji jel'l'vu modžes' pexten'* (лов.) 'они живут в красивых домах'; *parna vul'ken školne modžes' knigagoim* (вор.) 'дети пошли в школу с красивыми книгами'; *učinehke tagazin' šuvv učitel'en'* (иоканьг.) 'ученики стали хорошими учителями'; *manja šig kuš' šel'mes't' vuljem gul'jedts* (нот.) 'после хорошего рыбного лова мы отправились гулять'.

В тех же случаях, когда в качестве определения выступает имя числительное, оно согласуется с именем существительным в эссиве и комитативе, причем согласование наблюдается по всем диалектам только в этих падежах, например: *min kolhozoes't' li kuxtlogen' pud-cjen' jena men pãltas kolhozoes't'* (лов.) 'в нашем колхозе на двадцать оленей больше, чем в соседнем'; *vuahps't'i vul'ji varra vjđin' parnijn'* (нот.) 'учитель отправился в лес с пятью учениками'; *per'vji kolhoz andi gosudarstvi kolmjin' pedcin' jiampra tom n'umbre kolhoz* (иоканьг.) 'первый колхоз сдал государству на три оленя больше, чем второй'.

ЛЕКСИКА

Состав лексики саамских диалектов Кольского полуострова по своему историческому происхождению чрезвычайно сложен. Подавляющая часть саамской лексики финно-угорского происхождения. Поскольку саамы когда-то восприняли финно-угорскую речь, около трети словарного запаса, по мнению Т. Итконена, относится к субстрату.¹ Таковы слова *jemmn'* 'земля', *čad'z'* 'вода', *vedz'* 'снег' и др. Кроме того, в диалектах саамского языка имеются литво-латышские и древнегерманские заимствования, вошедшие в них через прибалтийско-финские языки.

В последнее время в связи с ростом хозяйственных и культурных связей с русским народом в диалекты саамского языка широким потоком хлынули заимствования из русского языка.

¹ Т. Итконен. Suomen lappalaiset, I. Porvoo (Helsinki), 1948, стр. 165.

Займствованные слова проникали в диалекты неравномерно.

Так, например, в иноканьгском диалекте имеется слово *ros's'e* 'лошадь', происходящее от древнегерманского *hrossa* (ср. нем. *das Ross*), в то время как в нотозерском и кильдинском диалектах сохранились свои коренные слова: *jebes* (кильд.) и *hiavaš* (нот.). В кильдинском диалекте есть слово *luss* 'семга', заимствованное через прибалтийско-финские языки из литво-латышского (*lašis*), в иноканьгском же бытует свое слово *ripski'l'a*.

Многие коренные слова в одних диалектах терялись и заменялись заимствованными (большей частью из русского языка); например, в кильдинском диалекте слова *žen'ex* 'жених', *svad'b* 'свадьба' вытеснили старые слова с этим же значением, которые сохранились в нотозерском диалекте, — *vusd'd'sm* 'жених', *paim* 'свадьба' и т. д.

Несмотря на имеющиеся различия, значительная часть лексики — как своей коренной, так и заимствованной — является общей для всех диалектов.

Ниже, в таблице, приводятся некоторые словарные соответствия, характеризующие общность лексического состава диалектов и говоров саамского языка.

ТАБЛИЦА

Нотозер- Ловозер- Воронь- Варзин- Чальмны- Инокань-
ский ский инский ский Варрский ский

Названия млекопитающих

<i>poal'des'</i> <i>čevr'es'</i> <i>koass</i> <i>niehtt</i> <i>puadz</i> <i>ser'ves'</i>	<i>pal'dis'</i> <i>čevr'es'</i> <i>kās</i> <i>n'ed'd'</i> <i>puaz</i> <i>sar'ves'</i>	<i>pal'dis'</i> <i>čevr'es'</i> <i>kās</i> <i>nied'd'</i> <i>puaz</i> <i>sar'ves</i>	<i>pal'tes'</i> <i>čiev'r'es'</i> <i>kušk</i> — <i>puaz</i> <i>(āreš)</i>	<i>pal'des'</i> <i>čevr'as'</i> — — <i>puadzai</i> <i>ijer'ke</i>	<i>pal'das'</i> <i>čiev'r'as'</i> <i>kešk'e</i> <i>niedda</i> <i>puadzai</i> <i>sarves'</i>	'волк' 'выдра' 'кошка' 'куница' 'олень' 'олень-самец' 'дикий олень' 'свинья' 'лось' 'корова'
<i>kod'd'</i>	<i>kon'n't</i>	<i>kon'n't</i>	—	<i>konnt'e</i>	<i>kon'dte</i>	
<i>šah'k'</i> <i>serrv</i> <i>l'ixxm</i>	<i>šag'k'</i> <i>serrv</i> <i>l'ix'x'm'</i>	<i>šag'k'</i> <i>serrv</i> <i>l'ix'x'm'</i>	<i>šag'k'</i> <i>serrv</i> <i>liim</i>	<i>švin'n'ja</i> <i>sarrv</i> <i>l'im'm'</i>	<i>šagk</i> <i>sarvas'</i> <i>lim'm'e</i>	

Названия птиц

<i>čuan'n'</i> <i>n'uxxč</i>	<i>čuen'</i> <i>n'uxxč</i>	<i>čuen'</i> <i>n'uxxč</i>	<i>čuan'</i> <i>n'uxxč</i>	<i>čien'j</i> <i>n'ukkč</i>	<i>čien'nja</i> <i>n'ukkč</i>	'гусь' 'лебедь'
---------------------------------	-------------------------------	-------------------------------	-------------------------------	--------------------------------	----------------------------------	--------------------

Названия рыб

<i>vuēššn'</i> <i>savvel'</i> <i>kuvoč</i> <i>šahpp</i>	<i>vuššn'</i> <i>suēvvel'</i> <i>kuvoč</i> <i>šabp</i>	<i>vuššn'</i> <i>suēvvel'</i> <i>kuvoč</i> <i>šabp</i>	<i>vuššn'</i> <i>snēvvel'</i> <i>kuvoč</i> <i>šabp</i>	<i>všššns</i> <i>sjevvel'</i> <i>klvovč</i> <i>šabp</i>	<i>všššna</i> — <i>kuvdža</i> <i>šābra</i>	'налим' 'харнус' 'кумжа' 'сиг'
--	---	---	---	--	---	---

Названия насекомых

<i>čueššk</i> <i>teh'k</i>	<i>čuššk</i> <i>teh'k</i>	<i>čuššk</i> <i>teh'k</i>	<i>čuššk</i> <i>teh'k</i>	<i>čiššk</i> <i>tih'ks</i>	<i>čiššk</i> <i>tāhk'e</i>	'комар' 'вошь'
-------------------------------	------------------------------	------------------------------	------------------------------	-------------------------------	-------------------------------	-------------------

Названия растений

<i>joŋ</i> <i>sar'r'</i> <i>kubbar</i> <i>luem</i> <i>pieh'c</i> <i>jahkal</i> <i>kuss</i> <i>p'ias's'</i>	<i>joŋ</i> <i>sar'r'</i> <i>kumpar</i> <i>luemtan</i> <i>ped'z'</i> <i>jeg'el'</i> <i>kuss</i> <i>pes's'murr</i>	<i>joŋ</i> <i>sar'r'</i> <i>kumpar</i> <i>luemtan</i> <i>ped'z'</i> <i>jeg'el'</i> <i>kuss</i> <i>pes's'murr</i>	<i>joŋ</i> <i>sar'r'</i> <i>kumpar</i> <i>luemtan</i> <i>pled'c</i> <i>jeg'el'</i> <i>kuss</i> <i>pies's'murr</i>	<i>joŋ</i> <i>sar'r'</i> <i>kumpir</i> <i>l'ēman</i> <i>p'ed'c'e</i> <i>jaggal</i> <i>kjss</i> <i>pes's'imjrr</i>	<i>joŋ</i> <i>sar'r'e</i> <i>kjmbpjr</i> <i>l'ēman</i> <i>pedca</i> <i>jaggal</i> <i>kjss</i> <i>piess'emjrr</i>	'брусника' 'черника' 'гриб' 'морошка' 'сосна' 'ягель' 'ель' 'береза'
---	---	---	--	--	---	---

Термины родства

<i>shč</i> <i>aijj</i> <i>ahk</i> <i>vušhp</i> <i>vil'l'j</i> <i>kui</i> <i>kušim</i>	<i>ačč</i> <i>aija</i> <i>aka</i> <i>vuhp</i> <i>vil'j</i> <i>kui</i> <i>kuiminč</i>	<i>adža</i> <i>aija</i> <i>āhka</i> <i>vuhp</i> <i>vilj</i> <i>kui</i> <i>kuim</i>	<i>ačč</i> <i>aije</i> <i>ahka</i> <i>vuohp</i> <i>vil'l'</i> <i>kui</i> <i>kuim</i>	<i>jedže</i> <i>aijai</i> <i>ahka</i> <i>vilhp</i> <i>vil'l'</i> <i>kji</i> <i>kuimjxa</i>	<i>āčča</i> <i>aija</i> <i>āgga</i> <i>vilhp</i> <i>vil'l'</i> <i>kji</i> <i>kuimjxi</i>	'отец' 'дядя' 'бабка' 'свекор' 'брат' 'муж' 'жены' 'братьев'
---	--	--	--	--	--	---

Прочие существительные

<i>jarh't</i> <i>rad'd'</i> <i>tuarr</i> <i>vuhtp</i> <i>tas'ta</i> <i>v'el'l'k'</i> <i>kuavas</i> <i>voahc</i>	<i>ijer'ht</i> <i>ran'n't'</i> <i>tuarr</i> <i>vuppt</i> <i>tas's't'</i> <i>v'el'l'k'</i> <i>kuavs</i> <i>vāhc</i>	<i>ijer'ht</i> <i>ran'n't'</i> <i>tuarr</i> <i>vuppt</i> <i>tas's't'</i> <i>v'el'l'k'</i> <i>kuəfs</i> <i>vādc</i>	<i>ijer'ht</i> <i>ran'n't'</i> <i>toarre</i> <i>vuppt</i> <i>tas's't'</i> <i>v'el'l'k'</i> <i>kuavs</i> <i>vāhce</i>	<i>jer'h'ts</i> <i>ran'n'te</i> <i>toarre</i> <i>vuppt</i> <i>tāste</i> <i>v'el'l'ke</i> <i>kevsai</i> <i>vahc</i>	<i>ijer'hta</i> <i>ran'n'ta</i> <i>toarra</i> <i>vuppt</i> <i>tas'ta</i> <i>v'el'l'ke</i> <i>kjev'sai</i> <i>vaahci</i>	'бок' 'грудь' 'война' 'волос' 'звезда' 'дождь' 'заря' 'рукавица'
--	---	---	---	---	--	---

Прилагательные

<i>ruanas</i> <i>t'evd</i>	<i>ruenn</i> <i>tiot</i>	<i>ruenn</i> <i>tiotas</i>	— <i>tiodt</i>	<i>renne</i> <i>t'ivc</i>	<i>renna</i> <i>tiøndt</i>	'зеленый' 'полный (цельный)' 'толстый'
<i>kəhsj</i>	<i>kəsses'</i>	<i>kəss</i>	<i>kəss</i>	<i>kəss</i>	<i>kəssji</i>	

О характере лексических различий между диалектами можно судить по следующим примерам.

Существительные

Нотозер- ский	Кильдин- ский	Иноканьгский	
<i>v'arrc</i> <i>n'uammel'</i> <i>hiavaš</i> <i>taljš</i> <i>šuoħpari</i> <i>svniš</i> <i>čedduš</i> <i>m'est</i> <i>vuossarg</i> <i>moaibarg</i> <i>kehp</i> <i>muah't</i> <i>vusd'd'sm</i> <i>l'evt (lavv)</i> <i>soav</i>	<i>vierrc</i> <i>n'uemm'el'</i> <i>jebes</i> <i>tall</i> <i>žuravl'</i> <i>odz</i> <i>kut't'k</i> <i>sodte</i> <i>vussark</i> <i>njmpark</i> <i>ksbp</i> <i>kassv</i> <i>žen'ex</i> <i>lavv</i> <i>čuiv</i>	<i>puŋŋk</i> <i>kurja</i> <i>ros's'e</i> <i>kjmmč</i> <i>kjrrk</i> <i>adz</i> <i>kj't'k'e</i> <i>misteg</i> <i>netel'alka</i> <i>vovtorn'ax'ke</i> <i>pač'k'em</i> <i>kasve</i> <i>šen'ehk</i> <i>aija</i> <i>n'amn'e</i>	'мешок' 'заяц' 'лошадь' 'медведь' 'журавль' 'паук' 'сердце' 'куст' 'понедельник' 'вторник' 'болезнь' 'лицо' 'жених' 'песня' 'глина'

Прилагательные

<i>bohtes'(vaptsk)</i> <i>tovdes'(odles')</i> <i>šel'l'es'(pullii)</i>	<i>vaptsk</i> <i>odles'</i> <i>n'olka</i>	<i>kj's'a</i> <i>sirjv</i> <i>n'olkid'</i>	'богатый' 'быстрый' 'гладкий'
--	---	--	-------------------------------------

		Г л а г о л ы	
<i>tahked'</i>	<i>vassts</i>	<i>tierped'</i>	'бить'
<i>čuvved'</i>	<i>vuaalkhs</i>	<i>pel'hkjd'</i>	'блестеть'
<i>čecksd'</i>	<i>čacke</i>	<i>el'kied'</i>	'бросить'
<i>sur'knsd'</i>	<i>sur'kne</i>	<i>kjrrjd'</i>	'вздогнуть'

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кольско-саамские диалекты обладают существенным сходством. Оно проявляется в фонетике, в грамматическом строе, а также в словарном составе. К общим показателям в грамматике относятся показатели падежей, сравнительной и превосходной степени, показатели лица, числа, склонения и др. Можно сказать, что почти все грамматические показатели являются общими для кольско-саамских диалектов. Правила функционирования определенных грамматических классов слов также являются общими, за исключением некоторых некоторых причастий.

Таким образом, признаки, определяющие тип, структуру саамского языка, являются общими для всех диалектов. Большое сходство обнаруживается и в словарном составе. Это позволяет говорить о наличии общей основы у рассматриваемых диалектов.

Однако наряду со сходством между кольско-саамскими диалектами имеются и существенные различия. Они проявляются прежде всего в фонетике. Фонетические различия существуют в виде закономерных соответствий гласных и согласных звуков. Различия имеются и в словарном составе языка. В этой связи представляет определенный интерес дифференцированное по диалектам изучение лексики: исконно-саамской, финно-угорской, родственной финскому, карельскому и вепскому языкам, заимствованной из древнегерманского, литво-латышского и славянского языков, а также, в более позднее время, из русского языка.

Как элементы сходства, так и элементы различия являются продуктом длительного исторического развития языка. Несомненно, что все материальные общности являются результатом происхождения из единого источника. Грамматические сходства также в своем генезисе имеют единый источник. Не исключена, конечно, возможность, что некоторые грамматические сходства могли появиться в диалектах позднее в силу общих внутренних законов.

Различие в диалектах возникло в результате позднейшего развития, как следствие территориальной и экономической обособленности этнически родственных групп.

На просторах Кольского полуострова саамские поселения были разбросаны небольшими островками, и вполне естественно, что они не могли иметь постоянного контакта между собой. Экономически эти группы не были связаны друг с другом, а наоборот, тяготели к административным центрам с русским населением, что создавало благоприятные условия для проникновения русских заимствований в саамские диалекты.

Все эти причины препятствовали образованию общенародного языка.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Дмитрий Владимирович Бубрих (М. М. Хямяляйнен)	3
Список печатных работ Д. В. Бубриха	10
Н. А. Мещерский. Русско-карельские словарные записи XVII—начала XVIII в	16
Н. И. Богданов. О некоторых особенностях восточнелепских говоров — куйского и пондальского	33
В. М. Оллыкяйнен. О глагольных суффиксах с залоговой направленностью в современном финском литературном языке	42
Г. Н. Макаров. Субстантивные словосочетания типа „имя существительное + имя существительное в косвенных падежах“ в финском языке	63
В. Е. Элобин. К вопросу о причинах перехода слов из одной части речи в другую в финском языке	78
М. М. Хямяляйнен. О развитии внутренне-местных падежей в северо-восточной группе прибалтийско-финских языков	84
Г. М. Керт. Основные сходства и различия в саамских диалектах Кольского полуострова	110

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Утверждено к печати
Карельским филиалом
Академии наук СССР

Редактор издательства *Е. М. Прокофьева*
Художник *В. В. Грибакин*
Технический редактор *Э. Ю. Блейх*
Корректоры *Г. М. Гельфер, Р. Г. Гершинская*
и *И. С. Дементьева*

Сдано в набор 23/VIII 1960 г. Под-
писано к печати 2/II 1961 г.
РИСО АН СССР № 33^а-94Р. Формат
бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4¹/₄. Печ. л.
8¹/₂=11.64 усл. печ. л. + 2 вкл. Уч.-изд.
л. 11,02 + 2 вкл. (0,17 уч. изд. л.).
Изд. № 1181. Тип. зак. № 864. М-07101
Тираж 1500.
Цена 67 коп.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
69	9 снизу	<i>vastuksen</i>	<i>vastustuksen</i>
96	20—19 снизу	<i>koigest ~ kigest ~ koc- gess</i>	<i>kõigest ~ kigest ~ kõe- gest</i>
96	17 снизу	<i>meissamassa</i>	<i>meißamassa</i>

Прибалтийско-финское языковедение